

ЛИЦО СВЕТА, ЛИЦО ТЬМЫ

Маргарита
Малинина

любовный роман, детектив

Когда пропала 18-летняя Элла, ее сестре-близнецу Соне ничего другого не оставалось, кроме как отправиться в имение Павлецкого — умершего кумира ее сестры, чтобы поискать там следы Эллы. Судя по ее переписке, Элла общалась с кем-то из фанатов рэпера Павлецкого прямо накануне своего внезапного исчезновения. Соня под видом Эллы приезжает на ежегодный съезд в имение, понимая, насколько опасно это может быть: если сестру убили, преступник знает, что она самозванка, и попытается ее устранить. А помощи тут ждать неоткуда. Это место, где новоприобретенные друзья могут вмиг оказаться врагами, а враг — оказаться другом, и даже больше чем другом...

Ночной мотылек, коварно соблазненный сочившимся из окна блеклым светом, неистово бился о стекло, желая проникнуть внутрь. Я закрыла книгу, внимательно уставившись на него. Одиноким и несчастным, он очень походил на меня. По этой ли причине, или из-за врожденной эмпатии мне стало его так жалко, что я в какой-то момент даже поднялась с кровати, с тем чтобы открыть одну створку и пустить его в комнату, но была остановлена сестрой.

— Что ты делаешь?

— Ничего... — Я просто стояла и смотрела на него по другую сторону стекла.

Элла права. Глупо впускать насекомых в помещение, где спишь. Будет летать всю ночь и биться в стекло уже с этой стороны. Такова его судьба — жить на улице, и я этого не исправлю.

А какая судьба у меня?..

— Выключи свет, мешаешь.

Я подчинилась, возвращаясь в постель, но мысленно вознегодовала. Чем ей мешает мой свет, если она не пытается уснуть, а, напротив, сидит, уткнувшись в смартфон, и с кем-то переписывается?

Я смотрела в противоположный угол спальни, где находилась кровать сестры. Она думала, что ей досталась самая выгодная часть комнаты — ближе к двери и дальше от окна, но она ошибалась. Точнее ошибалась, думая, что так считают все. Я же любила спать возле окна, даже шторы со стороны изголовья не задвигала до конца, чтобы видеть ночное небо.

Обняв подушку, я попыталась было уснуть, но Элла имела дурацкую привычку проговаривать то, что пишет, а иногда — и читать вслух ответы, и в итоге это она мне мешала.

— Где? — шептала она себе, тыча пальцем в экран. — Кладбище? What? — Длинный ноготь почесал голову. — Сонька, — кликнула она меня, повышая голос, — как пишется «безымянный»? Через «и» или «ы»?

— Через «ы».

— Ботанка, — фыркнула Элла, всю жизнь завидовавшая моим пятеркам, и вернулась к переписке. — Я тоже скучаю, — прошептала она и отложила наконец телефон.

— Новый парень появился? — любопытствовала я, поворачиваясь на правый бок, чтобы ее видеть.

— Не твоего ума дело, монашка! — фыркнула сестрица пренебрежительно, ища тапочки, и вышла из комнаты, отправившись в ванную.

Как стало ясно из нашего разговора, мы с сестрой не ладили, хоть и были однойцевыми близнецами. Когда вижу в фильмах или читаю в книгах про какую-то «особую связь» между такими, как мы, мне хочется и смеяться, и плакать одновременно. Впрочем, иногда нам снятся одинаковые сны и периодически бывают схожие предчувствия. Как-то раз, когда маму увезли на скорой с инфарктом, мы обе прибежали домой из разных мест, хотя нам даже не успели еще об этом сообщить. Когда мы обменялись ощущениями, выяснилось, что мы в какой-то момент почувствовали нечто одинаковое: в грудной клетке завертелась неприятная воронка, и в голове билась единственная мысль: «Мама!». На этом все. Дружбы никакой между нами не было. Хотя до двенадцати-тринадцати лет мы были неразлучны.

Требовали покупать нам одинаковую одежду и одинаковые игрушки. Помню, был даже период, когда мы заставляли других называть нас одним именем. Мы чередовали его по дням недели. По понедельникам, средам и пятницам мы были Эллами, по остальным дням, кроме воскресенья, Софьями. В седьмой день даже Господь отдыхал, создав землю, если верить тому, что написано в Библии, по этой причине мы давали отдых всем нашим знакомым и родственникам, и те могли называть нас, как сами того пожелают, мы их не поправляли. И вот настал период, называемый «переходным». Я оставалась такой же тихой, домашней девочкой, учащейся на одни пятерки и лишь иногда бунтующей по самым незначительным поводам, а Элла сильно изменилась, превратившись в так называемого «трудного подростка». Она пробовала курить и пить спиртное, сбегала на дискотеки и квартирные сходки, а в пятнадцать лет впервые переспала с парнем и, кстати, той же ночью пыталась мне поведать это в подробностях, а я, краснея и мучаясь стыдом, затыкала уши, накрывшись подушкой, и просила ее замолчать. Мне казалось, что то, что она говорит, это что-то мерзкое, греховное и ужасное, и если я выслушаю ее, то стану такой же грязной и испорченной. После того парня у нее были еще другие, а я к своим (точнее нашим) восемнадцати годам оставалась скромной, нецелованной девицей. Последним у Эллы был старший брат нашего одноклассника, ныне бывшего (месяц назад был выпускной), но с ним она рассталась еще полгода назад, поэтому я проявила любопытство, услышав озвученное ею сообщение. Насколько я знала, Элла давно ни с кем не встречается. Да, мы не очень близки, но поверьте, когда вы сосуществуете, пусть и с трудом, в одной комнате, такие вещи не остаются без внимания.

Телефон завибрировал, намекая на то, что пришло новое сообщение. Элла все еще была в душе, а я смотрела на ее телефон, думая, что делать. И нужно ли? С одной стороны, это не мое дело, да и читать чужие сообщения неприлично, это знают все, тем более такие «правильные» девочки, как я, но с другой, то самое редкое ощущение холодка в солнечном сплетении, которое именуют предчувствием, снова посетило меня. В итоге я все же поднялась и подошла к ее прикроватной тумбочке. Сообщение высветилось поверх экрана блокировки, и оно, если честно, произвело на меня сильное впечатление. «Выезжаю. Удали переписку».

Куда он выезжает? И кто — он? А может, она? В отправителях контакт значился как «Зая», но, зная сестрицу, она так могла и учителя назвать. А уж подругу — подавно. Друзей у Эллы, кстати, было немало, в отличие от вашей покорной слуги. Она и в школе была активной, а я, хоть и отличница, и гордость классного руководителя, однако чаще всего упоминалась как «ну эта тихоня, сестра Эллы», так еще у нее полно знакомых и товарищей по переписке. Дважды в год они даже собираются в доме-музее их кумира рэпера, умершего несколько лет назад, на какие-то памятные даты. Меня она ни разу не брала с собой, да я и не фанат такой музыки, поэтому не просилась.

Я вернулась на свою кровать в тот момент, когда хлопнула дверь ванной. Элла вернулась в комнату. Телефон подмигивал зеленым огоньком — признак того, что имеется какое-то уведомление. Элла тут же бросилась к смартфону, очевидно, понадеявшись, что это сообщение. Я уже знала — так оно и есть. И внимательно следила за ее лицом, видимым в свете, льющемся из коридора через незакрытую дверь. Элла улыбнулась, удовлетворенно кивнув самой себе. Затем захлопнула нашу дверь, скинула халат и легла спать.

Я обрадовалась, что она никуда не собирается, окончательно расслабилась и начала погружаться в умиротворяющий океан сновидений. Если бы я знала, что вижу сестру в

последний раз, я бы попросила ее не закрывать дверь и продолжала бы смотреть на ее лицо в дежурном свете коридорной лампочки на протяжении целой ночи.

Мое лицо. Теперь я вижу только его — свое лицо. Зеркало не врет, мы правда очень похожи, но не одинаковы. Нас путают лишь те, кто плохо нас знает. Светлые волосы до плеч, на прямой пробор. Но даже тут имеются различия. У сестры — розовая прядь сбоку. И челка — короткая, бунтарская, разной длины. Я же челку не носила вовсе. Глаза у Эллы всегда залиты литром туши и двумя черной подводки, в довершение образа *smokey eyes* — серые тени вокруг этой всей черноты. Я же глаза почти не красила, лишь иногда серебристым карандашом — чтобы подчеркнуть их цвет. Элла любила солярии и средства для автозагара. Я, в свой черед, так много времени проводила взаперти, читая книги и делая домашние задания, что была бледна как завсегдатай хосписа, находящийся при смерти. Ногти я состригала, она — растила и красила в невероятно яркие цвета. На губы мы обе наносили блески, и это единственное, что нас роднило — любовь к нежно-розовым оттенкам. Элла знала, что выделять на лице нужно что-то одно: или глаза, или губы. Последние и так были пухлыми, поэтому она выбирала первые. А я просто страшилась ярких красок во всем. Одевалась Элла как работница трассы, а я, понятное дело, не носила чересчур облегающих платьев и юбок намного выше колена. Однако джинсы-скинни были у нас в гардеробе у обеих, как и всеразличная обувь, начиная от кроссовок и сандалий и заканчивая туфлями на каблук.

Итак, в тот июльский вечер я видела сестру в последний раз, как и наши родители. Пока мы все спали, она собрала сумку вещей и покинула дом, оставив записку на своей кровати. «Хочу пожить одна». Это стало главным аргументом властей против того, чтобы заводить дело. Совершеннолетняя девушка забрала свои вещи и предупредила, что уезжает. В чем проблема-то? Вы не хотите верить, что она могла так поступить с вами? Ой, ну молодежь еще и не такое совершает, поверьте нашему опыту или почитайте статистику... Есть у нее к кому пойти? Родственники, подруги, бойфренд? Ищите там...

Наш пожилой родственник, папин дядя, вышел на пенсию в звании полковника. Он напряг старые связи, и полицейские для проформы все-таки поспрашивали Эллиных друзей и ее экс-бойфренда и даже съездили в соседний регион к нашей тете, маминой сестре, с которой та была в ссоре вот уже второе десятилетие и вообще не общалась. Никто Эллу не видел. Телефон сестры проверили, но он оставался выключенным с часу ночи того самого дня. Я рассказала, что она с кем-то переписывалась, но это приложение-мессенджер не сохраняло сообщения на серверах и получить переписку было невозможно, а в списке вызовов не было ничего подозрительного. Элла просто пропала. Вещей она взяла немного, это мы с мамой установили, поверив все шкафы и тумбы. Денег у нее не было, мы обе не работали и жили только на попечении родителей. Да и потом, если ты просто решила пожить одна, если тебе кто-то нашел работу или твой парень согласился тебя содержать, то зачем ты отключаешь телефон? Ты его поменяла? Но почему ты не можешь позвонить домой и просто сообщить, что с тобой все хорошо, что ты жива и здорова? Моя сестра была себе на уме, она была легкомысленна и эгоистична, но не настолько же! Да, мы с ней часто ругались, но к матери она была привязана, как и я, ведь предчувствие того инфаркта — это же не просто так. Кстати, у мамы был второй инфаркт, когда выяснилось, что Элла сбежала, и третий она уже не переживет — так сказали врачи. Но на этот раз Элла не прибежала домой, лишь на полминуты отстав от кареты скорой помощи. На этот раз у ее не было

предчувствий. Или были, но она по каким-то причинам не могла вернуться. Или она просто уже была мертва...

Прошел месяц, надежды на ее добровольное возвращение оставалось все меньше. Если она и скопила каких-то денег, они должны были уже закончиться. Она знала номер карточки отца и секретный код, однако не считала нужным ей пользоваться. Знакомые папиного дяди-полковника по его просьбе каждую неделю пробивали паспортные данные по разным базам, но ничего нового в связи с Эллой не появлялось. Я, в свою очередь, еще через два дня после ее побега зашла в компьютер с ее учетной записи, подобрав пароль (для близнецов это не проблема), однако ничего странного не обнаружила. На рабочий стол были выложены фотографии — прямо так, файлами. Вместо фонового изображения — тоже фотография. Элла на фоне какого-то полуразрушенного замка — небольшого, из серого кирпича. Приглядевшись, я заметила сзади обычный железный забор и поняла, что замок — новодел. Следовательно, не разрушенный, а недостроенный. Тогда я еще надеялась на помощь полиции, поэтому не стала заморачиваться. Да и, сказать по-честному, я вообще была какое-то время уверена, что это просто очередной закидон сестры, и она вернется сама.

И вот через месяц, когда стало ясно, что нет, возвращаться она не собирается, я и полезла снова в компьютер и уставилась на улыбающееся лицо, точь-в-точь мое, на фоне данной псевдоготики. Где это она?..

Терзаемая этой мыслью, я наконец-то полезла изучать все файлы на рабочем столе. Итак, как я уже сказала, помимо стандартных ярлыков от разных программ, были фотографии — целых пять. Две из них — групповые снимки. Все сделаны на улице. Таким образом, я смогла понять, что это одно место, одна территория, потому что забор одинаковый — из темно-зеленых железных листов. Весьма выгодный цвет, потому что сливается с растительностью и не портит вид. Территория была огромной, во всяком случае больше стандартных загородных участков. На ней расположен большой светлый двухэтажный дом в стиле барских особняков девятнадцатого века, с резными балясинами на деревянном крыльце, белыми колоннами и крашеными изразцами на всех окнах, а в другой стороне участка — тот самый недостроенный замок. Вся остальная территория засажена цветами и кустарниками (на снимках везде цветущая сирень и клумбы с тюльпанами, из чего я сделала вывод, что информация о дате снимка в свойствах файла верна — май), и заставлена белыми скамейками. Что это такое? Закрытый санаторий? Резиденция нефтяного магната? Где же она?

Потом я снова открыла групповой снимок. Восемь молодых людей, включая Эллу, импозантный дяденька лет пятидесяти с выступающим пивным животиком и весело улыбающаяся старушка очень маленького росточка, что было видно даже учитывая, что она сидела на стульчике. Если бы не старуха, я бы еще могла подумать, что это какой-то частный реабилитационный центр для наркоманов, но она рушила все мои представления о строгих психологах-воспитателях, да и цветов для такого заведения слишком много. Я понимаю, что частные центры строятся, исходя из личных представлений их учредителей о терапии и душевном комфорте, но все-таки, мне кажется, в этом случае обошлись бы парой-тройкой клумб. Да и поездка Эллы в такое место вызывала недоумение. Не было у нее друзей-наркоманов, которых она могла бы здесь навещать. Тогда что остается? Частные владения. Насчет магната я, конечно, загнула, размах не такой большой. И тут я вспомнила. Рэпер! Так вот куда она ездит дважды в год!

Открыв браузер, я пододвинула клавиатуру и начала писать поисковый запрос. Через

пятнадцать минут я уже знала об этом рэпере почти все. Ян Павлецкий — имя кумира моей сестры — приобрел три соседних участка в стандартные двенадцать соток и возвел сперва двухэтажный гостевой дом, а затем принялся за собственные хоромы в стиле средневековых замков, само собой, в более скромных габаритах. Но не дождался окончания работ и трагически погиб, оставив из семьи лишь одинокую бабушку — больше у него никого не было. Его застрелил какой-то уличный грабитель, но это, конечно, официальная версия. Учитывая, что убийцу так и не нашли, да и с пистолетами они по дворам как-то нечасто ходят, можно сделать вывод, что убийство было заказным. Тексты песен рэпера призывали к мятежу, популярно рассказывая об антивоенных митингах, репостах и уголовной за них ответственности, совершенно неоправданной с точки зрения морали и элементарного здравого смысла, а правительству такая правда никогда не нравится. Рэпер умер в возрасте двадцати шести лет — как Лермонтов, фанаткой которого как раз была я. Почему-то именно это заставило меня познакомиться с творчеством певца поближе. Найдя в Интернете его песни и начав их слушать, я удивилась, когда с какого-то незнакомого адреса мне пришло письмо на электронную почту, о чем высветилось уведомление в браузере. Потом до меня дошло, что я все еще в учетной записи сестры, и писали ей, а не мне. Открыв письмо, я едва не свалилась со стула. У рэпера через неделю памятная дата. В мае его застрелили, а в конце августа он родился. Припоминаю, что именно в эти месяцы сестра уезжала куда-то на пару дней. Она говорила, что это творческий съезд, и родители ее беспрекословно отпускали, потому что это единственное «человеческое увлечение» в их глазах. Возвращаясь, она рассказывала, что они учили и декламировали стихи и разыгрывали сценки из жизни кумира по написанным ими самими пьесам, и родители считали, что Ян Павлецкий — это такой писатель-классик, не очень хорошо известный, ведь сами они его в школе отчего-то не проходили.

Итак, Эллу звали на ежегодный съезд по случаю тридцатого дня рождения любимого рэпера. На все выходные. Адрес прилагался. Конечно, Элла его знала, ведь дважды в год туда ездила, но письмо-приглашение было официальным, очевидно, она подписана на рассылку. Писал какой-то фонд от имени Сергея Макарова. Фонд уточнял, что нужен стандартный взнос на проведение праздника — три тысячи рублей. С восьми (это как минимум, ведь не все любят фотографироваться) участников это уже двадцать четыре тысячи, весьма неплохо за два дня. В то же время в приглашении указывалось, что включены полноценные обеды, и вдобавок в доме имеется «безграничное количество» хлебцев с отрубями, крекеров и каш быстрого приготовления, «что отлично подойдет для завтраков», указывалось в приглашении, а также пакетированный чай и гранулированный кофе. Об ужине каждый член загадочного съезда, «как обычно», должен позаботиться сам. Интересно, кто давал деньги Элле на эти съезды? Она ведь платила и взносы, и покупала себе еду как минимум для ужина. Тут указывалось, что имеется кухня и можно готовить. На первом этаже гостевого дома живет бабушка Павлецкого и во время съездов сам Макаров, но еще две маленькие комнаты свободны. На втором этаже шесть больших спален, где может разместиться от одного до двух человек. Каждому выдаются комплекты постельного белья и по одному полотенцу. Все остальное нужно привозить с собой.

Далее шла программа по дням. Ночь страшилок: чтение дневников. Творческая студия: написание песен, репетиция пьесы, репетиция музыкального самодеятельного концерта. На воскресенье намечен показ первого фильма про Павлецкого, снятого для какого-то кинофестиваля. Макаров получил копию фильма по знакомству. А в среду, в официальный,

точнее календарный день рождения, пройдет концерт самодеятельности, ежегодно устраиваемый преданными поклонниками.

Ответным письмом нужно подтвердить свое согласие.

Кто такой этот Макаров? Не тот ли самый дядечка в центре?

Я переключилась на незакрытое окно с фотографией. Вот он, стоит среди ребят и улыбается. Лоб блестит от пота, как и верхняя часть груди, видимая через полурасстегнутую черную рубашку. Если бы не ее темный цвет, наверно, были бы заметны пятна в подмышечной области. И тут я впервые бросила взгляд на Эллу. Когда я увидела фото впервые, я рассматривала других и общую обстановку, пытаюсь понять, где находится моя сестра. А теперь я изучала конкретное. Лицо Эллы выглядит испуганным, она единственная смотрит вбок, тогда как все остальные — на камеру. Из-за того что она с краю, невозможно понять, кто из присутствующих вызывает в ней такой страх.

Последний раз она видела этих людей в конце мая, то есть за два месяца до исчезновения. Странно думать, что это как-то связано, все-таки срок большой, но выражение ее лица... Элла никогда ничего не боялась, уж мне ли этого не знать? Чтобы она так выглядела, должно было произойти что-то поистине экстраординарное. И это случилось там, в имени Павлецкого.

Я ответила «Подтверждаю» и выключила компьютер. Денег на карманные расходы мне почти не давали, у нас бедная семья, однако на праздники я всегда просила деньги вместо подарка. Все знали, что я прагматик. Я всегда на что-то собираю, будь то новый телефон или качественный кожаный рюкзак. Я не люблю переплачивать, да и не могу себе этого позволить, поэтому всегда жду акции в магазинах или просто ищу, где подешевле, поэтому деньги с подарков у меня остаются. Я полезла в свой заглашник и обнаружила там пять тысяч рублей. Еще пара тысяч в кошельке — тоже сэкономленные с каких-то карманных денег на редкие походы в кино или кафе с подружками, которых у меня почти не было, как я уже говорила. Сейчас я похвалила себя за излишнюю, как многие считают, бережливость. Потому что об авантюре, на которую я только что подписалась, мои близкие знать не должны. У мамы и так плохо с сердцем. Если я, во-первых, дам ей надежду, а потом не оправдаю ее ожиданий, а во-вторых, скажу, что направляюсь в то место, где, возможно, будет человек, поспособствовавший исчезновению Эллы, кто знает, переживет ли она это все. Мне просто нужно придумать предлог, чтобы отсутствовать два дня и две или три ночи.

Я влезла в телефон и вбила адрес в строку поиска. Открылась карта. Поселок Звездный был на границе двух регионов — нашего и соседнего. Мне повезло, с нашего вокзала туда ходил автобус, всего пару раз в день, но с вечерним я как раз успевала на «Ночь страшилок» (что бы сие не означало), начинавшуюся в десять часов вечера пятницы.

Отложив телефон, я встала и заходила кругами по нашей небольшой спальне, от ее кровати до своей и обратно, поглощенная нелегкими раздумьями. Я серьезно решилась на это?

— Я просто отправила письмо, это ни к чему меня не обязывает, — успокаивала я себя, пока ноги продолжали наворачивать круги, — у меня почти неделя на окончательное решение. Я могу просто не поехать — и все!

Поздно вечером, зайдя в ванную, чтобы принять душ, я по привычке потянулась к маникюрным ножницам, затем посмотрели на свои короткие ногти, вздохнула и убрала ножницы обратно в косметичку. Потом, подумав еще немного, опять их достала и отрезала себе челку — короткую, неровную, максимально близкую к тому, что я привыкла видеть у

На следующий день я снова включила компьютер. Электронная рассылка — это одно, но где вы все общаетесь? Я набрала в поисковике «сайт Яна Павлецкого». Таковой оказался всего один — с форумом, я имею в виду, и популярный в плане ежедневной посещаемости. Я нажала на кнопку «вход». Не успела я подумать, зарегистрировалась ли Элла здесь, как тут браузер сам предложил мне подставить логин и пароль, которые он запомнил по просьбе владельца. Итак, Элла здесь была известна под ником *Dark_Angel* (ничего удивительного). Я тут же полезла в личные сообщения. Последнее было, что примечательно, от человека с ником *Зайчик2020*. «Ты нашла?» — единственное сообщение от него. Или единственное, которое сохранилось. Я полезла в исходящие. «Нет, в августе найду. Кажется, знаю, кто причастен». Я посмотрела на дату. Она это отправляла за два дня до исчезновения!

Я встала и заходила по комнате. Итак, есть какой-то Зая, он же (или не он же?) *Зайчик2020* на форуме. Вместе с ним Элла искала какую-то вещь. Вечером накануне исчезновения он написал, что он куда-то едет, и требовал удалить переписку. Во что же они влезли? Они оба пропали? Или это *Зайчик* сделал что-то с моей сестрой? Или они обе сбежали и живут на его деньги? Или эти события не связаны и после встречи Зая вернулся домой как ни в чем не бывало и даже не знает, что Элла исчезла? Надо его найти!

Я взяла телефон, чтобы позвонить моему двоюродному дедушке, или как там это называется, короче, дяде Мише. По идее, можно отследить IP-адрес, с которого *Зайчик* заходит на форум. Потом я все же отложила телефон, хорошенько все обдумав. Сообщений тех никто не видел, кроме меня. Даже я застала лишь последнее и какие-то обрывки разговора, когда Элла по привычке проговаривала мысли вслух. Даже если найдут парня с форума, как можно доказать, что это он ей писал? Ну проверят локализацию его телефона, допустим, но мы же не знаем, куда Элла поехала. С чем сверять его перемещения?

— Кладбище! — вспомнила я. Элла проговаривала слово кладбище и удивлялась, как если бы ее туда заманивали. А потом спрашивала у меня как пишется «безымянный». Что это был за диалог? Зачем ей это слово? Неужели они говорили про какую-то безымянную могилу? Что они собирались там делать?

Я полезла в карту. Кладбищ в городе было только два, не считая прилегающих деревень. Когда Элла пропала, я рассказала родителям, что она писала кому-то про какое-то кладбище, и мы даже объездили их все, включая деревенские. Но никого, понятное дело, не нашли, и никаких следов ее пребывания тоже. Но что если они говорили про неместное кладбище?

Я снова открыла карту и вбила в поиск поселок Звездный. Три участка Павлецкого расположены на краю поселка, далеко от главной дороги, ведущей в город. Зато как раз с этой стороны поселка ведет дорога на местное кладбище, судя по карте, идти максимум пятнадцать минут.

Я вздохнула и включила компьютер, чтобы в очередной раз открыть групповой снимок. Все дороги ведут в поместье Павлецкого, а значит, придется ехать. Если пропал какой-то Зая, то все будут об этом говорить. Элла для них не пропадет, конечно. Никто их не трогал в связи с расследованием, потому что она ездила в Звездный последний раз за два месяца до исчезновения, как я уже говорила, и, казалось бы, ни с кем из фанатов рэпера связь не поддерживала, за исключением только этих ежегодных сходов. Если Зая не пропал, то тогда высока вероятность, что он будет там уже в эти выходные.

Я открыла форум и написала ему: «Ты поедешь?», — специально не уточняя куда. Затем открыла групповое фото, как и хотела вначале, и стала внимательно изучать каждое лицо.

Первым бросается в глаза статный блондин, высокий, широкоплечий, прилизанный, волосы на косой пробор, волосик к волосику, красивое волевое лицо, немного надменное, белая рубашка и светло-голубые джинсы. Сколько сердец ты разбил?.. Рядом с ним стоит такой же высокий, но худощавый брюнет, лохматый, зализанная челка поднимается от ветра. Блондин серьезен и даже немного груб, в его лице читается вызов, мол, ну, кто на меня? Рискните и обломите зубы. Брюнет же веселится от души. За спиной ребят, чуть ближе к блондину, стоит пепельная блондинка с накачанными губами. Какой ужас. Как они не понимают, что это некрасиво? Да еще и деньги платят за эту процедуру! Верхняя губа нависает над нижней, цвет помады — темно-коричневый, вкупе с глуповатым выражением лица создается ощущение, что это обезьяна, а не человек. Фигуру ее не видно, закрывают спины парней. Рядом с этой колоритной троицей стоят две девушки. Рыжая с короткой пышной стрижкой, чуть полновата, тоже улыбается, но более добродушно, чем брюнет, а другая — стройная и высокая красавица с длинной русой косой до пояса, словно сошедшая с пасторальных пейзажей о крестьянской жизни на Руси. Впрочем, приглядевшись, я увидела, что черты лица у русой простоваты, и вся ее красота заключается в этой косе. То, как тесно они стоят с рыжей, намекает на дружбу девушек. Чуть дальше стоит брюнетка с пирсингом в губе и наколками на руках, очень худая. Этой, кстати, больше всех подходит бунтарский дух рэперской музыки. Интересно, с кем из них моя Элла дружила больше? Не с этой ли?.. И наконец, совсем с краю, с противоположного от Эллы, стоит очкарик с темно-русыми волосами, очень маленького роста, сильно смахивающий на Гарри Поттера, только шрама в виде молнии недостает. Всем по виду лет двадцать. Из «взрослых», как я уже говорила, только мужчина в центре и старушка, которую посадили на стул для снимка.

Кто же из вас *Зая*?..

— Точно так хотите? Розовые полосы уже не модно. Давайте я вас в бирюзовый выкрашу! — с энтузиазмом предложила девушка-парикмахер, когда я показала ей фото того, что хочу. Лицо Эллы пришлось закрасить, а то возникли бы вопросы. Конечно, можно было сказать, что это я, что я хочу вернуть все как было, но я побоялась, что по моим волосам будет понятно, что я никогда не осветляла отдельные пряди, только красила их целиком.

— Сделайте, пожалуйста, именно так! Это моя подруга, и мы хотим быть одинаковыми!

Сказав это, я прикусила язык, ведь довольно странно крашивать собственной подруге лицо, я ведь изначально хотела сделать вид, что просто нашла в Сети какую-то девушку с хорошей прической и цветом волос. Но парикмахер ничего не стала больше спрашивать. Когда она закончила с прядью, я попросила подровнять челку, чтобы больше было похоже на мою «подругу».

Затем я переключилась на Эллин гардероб. Первое, что я сделала, вернувшись домой, — открыла ее шкаф и просмотрела все ее вещи. Все такое вызывающее и яркое... Даже не знаю, смогу ли это носить. Благо, что облегчающие джинсы мы любили обе, как я уже говорила, только я обычно носила их с удлиненными футболками и свитерами, а она с короткими. Взяв ее майку с сердечками, всю в декоративных порезах, я приложила к себе и своим темно-серым джинсам, подойдя к зеркалу.

— Что ты делаешь? — услышала я недовольный возглас в дверях.

Вздрыгнув от неожиданности, я выронила тряпку.

— Да вот, хотела... — А что я, собственно, хотела? Что отвечать матери? Я ведь не собираюсь говорить ей о своем авантюрном плане, который может быть опасен. Но ничего другого на ум не приходило, посему я молчала.

— Элла еще может вернуться, ты же знаешь! — с надрывом сказала мама, входя в комнату, а ее подбородок задрожал. Я стала себя мысленно проклинать. Что же ты делаешь?..

— Я знаю, но она мне разрешала брать ее одежду, — слукавила я. Хотя, может, и разрешала бы, кто знает, ведь я никогда не спрашивала. Моя мне больше нравилась.

Мама поджала губы. С тех пор как пропала сестра, она почти не разговаривала и никогда не улыбалась, тем более не смеялась. Когда сбегает ребенок, волей-неволей начинаешь думать, был ли ты для него хорошим родителем. И эти мысли удручают. Наверно, я должна была убедить их с папой, что их сомнения беспочвенны. Но мне было не до этого.

Мама уже собиралась развернуться и уйти, как внезапно заметила что-то на моей голове и приблизилась.

— Соня, что это?! — Она провела рукой по моим волосам. Я в первые секунды даже не могла понять, что ее так поразило. А потом до меня дошло: розовая прядь!

— Это... — Думай, думай быстрее! — Это в ее честь...

Мама вздохнула и все же расплакалась.

— Она вернется, ты же знаешь! — рыдая у меня на плече, с трудом выговаривала она слова.

— Да, надеюсь. — А мысленно я добавила: «Я сделаю все для этого!»

Автобус высадил меня на грязной неприметной остановке, состоящей из трех стен и дырявой крыши, ровно в половине десятого. У меня оставалось полчаса, чтобы найти имение Павлецкого, со всеми поздороваться (Элла же так делала, я надеюсь?) и начать какую-то ночную игру. Или представление. Или что это такое... От мыслей, что это может быть что-то очень и очень плохое, у меня сжалось все внутри, а по ногам побежали холодные мурашки.

«Так, успокойся, — думала я, медленно шагая вперед. — Ну не оргии же они там устраивают! Элла бы не стала в этом участвовать!»

— Ты уверена? — спросила я себя вслух. От сестрицы можно ожидать чего угодно.

Я перешла шоссе, в этот поздний час практически пустое, и направилась в деревню по довольно узкой дороге с плохим асфальтом. Уже стемнело, но кое-где горели фонари. Петляющая дорога вела меня через какое-то заброшенное СНТ, судя по заборам и пустым участкам, с одной стороны и зарослями с другой. В какой-то момент мне показалось, что я тут не одна. Я остановилась и посмотрела в сторону зарослей, а затем обернулась. Нет, за мной никто не шел. Но я же слышала что-то... Значит, некто пристроился за деревом, чтобы я его не заметила, чтобы идти за мной и в какой-то момент напасть. Так, успокойся, это просто звуки. Надо установить источник шума, только и всего. Может, это какая-нибудь птичка?

Я включила фонарик в телефоне и посветила в густую листву. Ничего не видно. Однако листва ответила на луч света неожиданным шевелением. Мамочки... Куда меня на ночь глядя занесло?! И ведь никто меня не будет здесь искать, случись что ужасное. Я сказала родителям, что еду к тете. Объяснила, что мне тетя скажет правду, если Элла к ней все-таки заезжала. Вдруг она у нее поселилась? А если нет, то хотя познакомлюсь с родственницей, ведь я ее видела только в детстве. Редкие поздравления с днем рождения при помощи мессенджера и пересланной открытки не считаются общением. Конечно, я была уверена, что тетя, какой бы она ни была, зная, что Эллу ищут (ведь полиция с ней связывалась), все равно бы сообщила нам, если бы у нее была какая-то информация, даже если сестра была против. Но мне нужен был повод сбежать из дома на пару дней. А маме, соответственно, нужен был повод помириться с родной сестрой, ведь, теряя кого-то одного, сильнее цепляешься за тех, кто остается. Понятно, что сестра не заменит ребенка, но тем не менее... В общем, мама почти не сопротивлялась моему отъезду и убедила отца, что мне это пойдет на пользу. Я, в свою очередь, обещала писать каждый день. Проблема в том, что, не получив от меня завтра ни одного сообщения, искать меня будут далеко отсюда...

Напрягая зрение, я всматривалась в черноту между стволами деревьев. Таинственный шелест исходил откуда-то оттуда, но слабый луч фонаря почти не освещал это место, для него это слишком далеко. Мне показалось, что какая-то тень быстро переметнулась от дерева к кустам, что были ближе ко мне.

— Эй! — позвала я.

Когда я разрывалась между желанием бежать обратно к дороге или проверить, кто там ходит, сделав шаг навстречу неизвестности, из кустов выбежал черный пес и звонко тьякнул. Казалось, он боится меня не меньше, чем я его.

— Тьфу ты! — разозлилась я.

Плюнув на пса (мысленно, конечно), я отправилась дальше и довольно быстро вышла к первым домам. Здесь липкий страх меня окончательно покинул, так как во всех окнах еще горел свет, а некоторые жители сидели в беседках недалеко от забора, видимых с тропинки.

В поселке не было улиц, а номера домов по чьей-то странной прихоти стоят вперемешку, и если бы не навигатор, подсказывающий, на какую дорогу свернуть, я бы искала нужный дом до второго пришествия.

Итак, вот он, участок рэпера Яна Павлецкого. Тридцать шесть соток. Хоть тут и три участка, как я уже говорила, но ворота с калиткой только одни. И я иду к ним, взволнованно думая, что же меня ждет, и для погружения в атмосферу слушая в наушниках песню Павлецкого.

«Приходит весна, а за ним и лето. Все изменяется, власть сменяется где-то. Но только не здесь, только не здесь. Здесь воровство, убийства и спесь...» — доносилось из наушников, пока я тщетно искала звонок на двери, стоя возле калитки. Тут я задумалась над словами песни и даже занялась легкой критикой. Неужели спесь сопоставима с убийствами? Почему она стоит в одном ряду с ними, да еще и заключающим аккордом? Нас в школе на уроках литературы учили такому приему — градация. В конце должно быть что-то черное, перед этим темно-серое, а первым в перечислении должно идти просто серое. Чтобы нагнетать. В то же время рэпер, он же автор своих песен, думал, конечно, о рифме в первую очередь, а не о каких-то там заумных поэтических приемах.

Наушник вдруг сполз на плечо, и я с удивлением обнаружила человека за спиной. Оказывается, это он выдернул наушник, дернув за провод.

— Ору тебе, ору, а ты — вот оно что... Слушаешь!

— Ага, — рассеянно ответила я, разглядывая парня. По очкам и росту я поняла, что это тот самый Гарри Поттер — черты лица особо не запомнила, да и не видно толком в полумраке: последний уличный фонарь довольно далеко отсюда.

— Ну-ка, шас поверим, что именно ты слушаешь! — Очкарик воткнул мой наушник себе в ухо. — Ага! Ну ладно, прощаю! — И заулыбался.

Боже, как мне повезло... Додумалась ведь «войти в образ»! Невзирая на то, что слышу тихоней, я обожаю тяжелый рок и металл. Вот вышел бы казус, если бы в наушниках по привычке играли *FiveFingerDeathPunch*, к примеру, а то и *AmonAmarth* какой-нибудь...

— Окей, — я тоже улыбнулась.

Очкарик, однако, насторожился, на что указывали сузившиеся глаза и легкая борозда-морщина над ними. Элла никогда ему не улыбалась? Или не говорила «окей»? Мне она часто так говорит. Или говорила... Но об этом не хочется думать.

— Че не заходишь?

Ах вот чем вызвано его недоумение! Тем, что я не знаю, где тут звонок. Но вдруг у них какой-то секретный способ позвонить? Очень хотелось бы сделать сейчас три коротких, три длинных и три коротких звонка, ведь все мое естество в данный момент кричит «SOS!», но, сдается мне, их кодовый сигнал должен быть позакковыристее.

— Пропускаю вперед, — выкрутилась я и сделала шутливый поклон, одновременно выставляя руку, мол, прошу.

И тут произошло невероятное. Очкарик подошел к двери вплотную и на маленьком кодовом замке, какие обычно присутствуют на подъездной двери, нажал одновременно на три цифры, кои я не потрудилась запомнить от шока, ведь я эту панель в глаза не видела прежде. Когда ты настроен позвонить, а не набрать код, ты ищешь глазами нужный предмет

все-таки где-то повыше.

Замок приветливо щелкнул, очкарик открыл дверь и повторил мой жест, пропуская меня вперед. Я снова поклонилась, хоть и не была уверена, что Элла любила дурачиться с этими людьми, но со мной же она часто кривляется и язвит, почему бы ей этого не делать в общении с другими?

Мы зашли на участок. Так как было темно, как следует разглядеть территорию я не могла, тем более что калитка с воротами находилась недалеко от двухэтажного длинного гостевого дома, к которому была выложена дорожка крупной квадратной мраморной плиткой. Лишь вддали, справа от дома, вырисовывался, окутанный тяжелым сумраком, как туманом, таинственный недостроенный замок, эффектно подсвеченный снизу маленькими садовыми фонарями.

— Заходи, че встала? — гаркнул мне в ухо провожатый, когда я замерла, замороженная увиденным.

— Замок красивый, — ляпнула я, переступая порог дома, дверь которого, к счастью, была открыта.

— М-да? — явно удивился моему ответу парень в очках. — Ну сейчас все равно туда пойдем, вот и насмотришься. — «Туда пойдем», — мысленно отметила я. Значит, эти самые страшилки происходят именно там! А парень тем временем продолжал говорить: — Хотя за три месяца он не изменился, знаешь ли!

— Почему бабушка не вложит деньги в строительство? — рискнула спросить я, разуваясь в углу прихожей, где уже стояло по меньшей мере шесть пар разной обуви. Я не знала, как молодежь относится к этой бабке, как они ее все называют, в том числе Элла, но судя по тому, что она участвует в фотосессиях, она в любом случае часть коллектива, и наверняка обсуждают ее довольно часто. Вот только что мне делать, если выяснится, что информация по теме уже неоднократно озвучивалась — запоздало подумала я. Ну, что поделаться, сошлюсь на девичью память.

Однако зря я испугалась, Гарри Поттер и бровью не повел, просто задорно хмыкнул, мол, что за бред, и ответил:

— Смеешься? Ей и в доме хорошо. Ты представляешь себе ее в замке?

Я прыснула, потому что подумала, что Элла должна была так отреагировать, но сама-то я не видела эту бабку, только на фото, поэтому представить ее нигде не могла и понять, что в этом такого неправдоподобного, тоже.

Парень полез за тапочками в тумбу возле входной двери, и я сделала то же самое. Итак, тапочек много, но они все разные. Как быть? Увидев у Поттера пару тонких темно-синих, какие обычно выдают в отелях, я решила, что это специальные одноразовые для всех. Но внутри имелись и явно женские, с цветочками, узенькие, поношенные. А мужские тоже были разными. Что мне брать, чтобы не вызвать подозрения? Не дай бог я напялю на себя тапочки той пепельной гламурной курицы или брутальной девушки-гота. Первая высмеет, причем прилюдно, и капризным тоном потребует назад, вторая вообще морду набьет.

«Не суди по внешности», — сделала я себе замечание и просто выбрала первые попавшиеся, по виду — женские.

Поттер на мои ноги даже не глянул, ну и замечательно.

Итак, маленькая прихожая, являвшаяся всего лишь выступом наподобие террасы, плавно выводила в огромный светлый холл высотой в два этажа, выдержанный в бело-бежево-золотистых тонах. Справа от входных дверей начиналась добротная широкая деревянная

лестница на второй этаж, который весь был как на ладони: коридор перед дверями представлял собой балкон над первым этажом, огороженный таким же деревянным ограждением, как и лестница, в виде резных перилл с балясинами. Направо и налево из холла вел коридор. Интерьер, в котором присутствовали античные элементы, такие как скульптуры и расписные вазоны, мне подробно рассмотреть не дали: Тони, переобувшись и скинув ветровку, тут же куда-то побежал. Я быстро шла за ним по ужасно длинному коридору, который наконец привел нас на очень просторную и светлую кухню.

Вот тут, прямо сейчас — предельное внимание! Если кто-то из них виновен в исчезновении Эллы и не дай бог сделал с ней что-то ужасное, то по его реакции на меня я все пойму.

Видите ли, я не сказала вам главного о сестре. Это то, что меня всегда бесило, однако благодаря этому я и не побоялась повернуть весь этот трюк с подменой. Дело в том, что она жутко стеснялась того, что у нее есть сестра-близнец. В какой-то момент она начала требовать, чтобы нас развели по разным классам. Мы учились в «А», а в школе был еще параллельный «Б». Вот туда она и требовала меня «засунуть». Когда мы с мамой и папой попытались донести до нее, что это как минимум глупо, ведь все в школе все равно уже знают, что мы сестры, а если придут новенькие, они же увидят меня в коридоре, тогда она, признав, что была не права, потребовала меня теперь перевести в другую школу! Я плакала, а мама доходчиво объяснила сестрице, что из-за ее странных капризов никто не будет возить меня в другую школу, потому что, во-первых, эта — самая близкая к дому, и во-вторых, я привыкла и к ней, и к учителям, и одноклассникам, хоть и особо ни с кем не дружила, как я уже упоминала раньше, короче, это будет для меня большой стресс. «Еще больший стресс — быть не как все! — ответила тогда Элла. — В другой школе никто не будет знать, что у нее есть сестра с ее лицом!» На это мама разумно предложила самой Элле перевестись в другую школу, но с тем условием, что ездить она будет туда сама — на автобусе. Или ходить пешком тридцать минут каждый день туда и обратно. После этого, поняв, что ее капризам никто потакать не будет, Элла присмирела.

Родители недоумевали, отчего вдруг такая нелюбовь ко мне или в принципе к тому, что у кого-то ее лицо, и списали это в итоге на подростковый период, и только я знала возможную причину. Но не стала никому рассказывать. Дело в том, что летом мы ездили в деревню к дальней родне на две недели. Там был мальчик, сын соседей, который Элле жутко понравился. Я бы даже сказала, что это была ее первая любовь. Нам по тринадцать, ему пятнадцать вроде. Или четырнадцать, точно не помню. И вот она начала с ним дружить и ходить за ручку. А потом он пообщался со мной, и одного дня ему хватило, чтобы определиться. У меня не было к нему интереса, и ходить с ним за руку я не стала, однако с сестрой он уже не горел желанием разговаривать. Он сказал ей, что я умнее. Да, так и сказал. Возможно, это грубо и бестактно, но вспомните, он был почти ровесник, тоже ребенок, по сути. Однако уже в сентябре, когда мы вернулись в школу, и началась ее первая истерика. И вот примерно с того времени мы перестали быть подругами. Более того, с тех пор она ненавидела, что мы — люди с одинаковым лицом. И я уверена на все сто процентов, что в этом маленьком мирке, куда Элла не пускала ни родителей, ни меня, ни одна живая душа не знала, что у нее есть сестра-близнец, похожая на нее как две капли воды.

Итак, я вошла на кухню, где вокруг круглого стола светлого дерева уже сидели пять человек и пили кто ароматический чай, кто кофе. Запахи этих напитков смешивались с запахом свежее выпеченных булочек, лежавших в большой плетеной корзине в центре стола.

Пять пар глаз уставились на нас с очкариком.

Блондин, снова весь в белом, как на снимке, недовольно сморщился; брюнет, такой же лохматый, криво ухмыльнулся; пепельная блондинка, быстро мазнув меня взглядом, сделала вид, что не заметила моего прибытия, и тут же вернулась к блондину, которому с воодушевлением что-то до нашего появления рассказывала; брюнетка в татушках, увидев нас, испуганно расширила глаза (однако!); наконец, полноватая девушка с темно-красным цветом волос (на фото она была рыжее, видимо, перекрасилась) проявила самую нестандартную реакцию: вскочив из-за стола, полетела на меня! Я в страхе отшатнулась, но, как оказалось, зря: она бежала, чтобы меня обнять.

— Элка, ты смогла! Как я рада!

Тоже обняв ее в ответ, я уставилась в ее лицо инквизиторским взором. Нет, такую радость подделывать нельзя. Списываем рыжую, в смысле красную, со счетов. Хотя Элла — эстет во всем и людей ценит, как я всегда полагала, лишь за внешность. Поэтому странный выбор для нее, с кем дружить.

— Да, — ответила я лаконично, ведь я не знала, что сестра говорила им. Судя по фразе этой девушки, Элла сомневалась, что приедет на этот раз. Вот бы выдернуть побольше информации у этой девчонки, но аккуратно, чтобы не выдать себя. Думаю, прикинуться Доцентом, «тут помню, тут не помню», здесь не прокатит.

— Привет, Тошка! — похлопала она моего провожатого по голове, как котенка.

— Тони, я попрошу!

Тоша-Тони — это, по всей видимости, Антон, догадалась я. Хотя бы одного теперь знаю, как зовут.

— Тони, пойдем копать картошку! — громко пропел брюнет. — А, нет, нескладно! Не нравится! Как считаешь, бро? — обратился он за советом к блондину, сидевшему справа.

— Мне тоже не очень. Останется Антошкой.

Пока Тони, морщась от насмешек этих двух, смотрел в потолок, словно молясь о защите, «моя подружка» предложила:

— Элка, тебе чаю налить?

— Да, давай. — Я хотела добавить «спасибо» из природной вежливости, но успела прикусить язык. От Эллы я нечасто слышала это слово.

Блондин, невзирая на недовольство нашим появлением, я бы даже сказала легкую враждебность, которая читалась в светло-серых глазах, первым начал двигаться вместе со стулом, остальные повторили за ним, и в итоге для нас с Антоном появилось много свободного места.

Красноволосая уселась рядом со мной, хотя она вроде тут и сидела до нашего появления на кухне, короче, она оказалась справа от меня, тогда как Антон — слева.

— Плохо выглядишь, — лягнула она, разглядев меня получше. — Бледная такая! Что с тобой?

«Черт!» — подумала я, вспоминая про автозагар. Я же нашла его в тумбочке сестрицы, но забыла применить. В то же время, может, оно и к лучшему. С первого раза не факт, что я бы сделала все правильно, и результат мог привести к тому, что выйти из дома я бы в ближайшее время не смогла.

— Плохо сплю последнее время, — нашлась я с ответом и, чтобы она перестала со мной

разговаривать, налетела на булочки и чай.

Следующие десять минут все ели молча, лишь изредка звонкий голос брюнета выдавал новую издевку в адрес Антона, который стоически его игнорировал.

На кухне появилась старушка. Маленького росточка, кучерявые седые волосы обрамляют круглое лицо с ярким румянцем (возможно, искусственным; в пользу этой версии говорили накрашенные красной помадой губы), вязаная кофта на пуговицах настолько длинная, что доходит почти до колен и закрывает половину черной клишированной юбки. Бабка будто сошла со страниц детских сказок. Однако я не спешила расслабляться, вспоминая, что не все сказочные бабулочки были добрыми.

— Здравствуйте, мои хорошие! — растягивая рот в улыбке, громким голосом поприветствовала она нас.

— Здрасьте, — ответили все, кроме меня, почти хором, растягивая гласную «а», словно в детском саду.

Опомнившись, я кивнула, встретившись взглядом со старушкой. Блин, я забыла, как ее зовут, ведь читала в статье про рэпера.

— Девочка моя... — бабка помедлила, словно вспоминая имя, но боясь в этом признаваться, — Эллочка!

— Эллочка-людоедочка, — тут же подсказал брюнет-балагур. Блондин с пепельной весело хмыкнули в ответ на шутку. Удивительное дело, я была уверена, что гламурная деваха даже не знает, на какое произведение (или фильм — кому что больше нравится) он ссылается. Впрочем, ничто не мешало ей просто повторить за блондином или же среагировать на само слово «людоедочка», не вникая в сложные аллюзии.

Я кивнула пожилой даме, подтверждая, что она помнит мое имя верно.

— Твои вещички-то в дверях?

— Там рюкзак, — опомнилась я. Когда стало понятно, что меня поведут на кухню, ведь звуки посуды и разговоры доносились и до прихожей, я решила оставить рюкзак прямо там, на тумбе, откуда брала тапочки, полагая, что мы лишь поздороваемся с гостями дома и очень быстро вернемся. Я никак не ожидала, что за пятнадцать минут до запланированного мероприятия мы сядем тут чай распивать.

Поняв, что оставила свои ценные вещи (последние семь тысяч!) без надзора, я перевела взгляд на Антона. Я ведь просто повторяла за ним. Рюкзак пришлось скинуть с плеч, когда я снимала кожанку и вешала ее в шкаф, как и он, только вот из вещей у него всего лишь поясная сумка, которая осталась при нем.

— Пойдем, провожу тебя в твою новую комнату. Этот-то прохиндей знает, что я берегу для него его каморку! — Тоша радостно хихикнул, вовсе не обидевшись на слово «прохиндей», но тон, каким одаривала бабулька людей и предметы разыми эпитетами, и не предполагал никаких негативных эмоций. Она говорила любя. — А твоя обожаемая комната переживает ремонт. — Старушка развела руками, глядя на меня.

Брюнет снова встрял:

— Людоедочка три раза в ней останавливалась, и той уже ремонт нужен! Поосторожнее надо с чужим добром!

На этот раз засмеялись все, кроме меня и хозяйки дома.

— Нет-нет, — отмахнулась она от такой глупости, — комната давно просила ремонта! — Я поднялась, и бабка сказала мне: — Идем.

Я пошла за ней обратно в длинный коридор. Мы вернулись в прихожую, и я забрала

рюкзак.

— Похудела ты за лето, — заметила пожилая женщина, кинув на меня взгляд через плечо.

— Разве? — спросила я, следуя за ней вверх по ступенькам. Я пыталась вспомнить, была ли разница между мной и сестрой в весе. Настолько значительная, чтобы малознакомые люди определили на глазок? Вряд ли. Мы обе стройные, поэтому взвешиваться каждый день не входит в наши привычки.

В следующий миг я подумала, что на момент исчезновения Эллы мы, скорее всего, были одинаковыми, как и всегда, но вот из-за стресса я почти ничего не ела все последние пять недель. Так что дело вовсе не в том, что мы с сестрой непохожи, а в том, что я непохожа сейчас на саму себя.

— Я могу поселить тебя с Ириной, — замерев в нерешительности возле первой двери второго этажа, предложила старуха. — Если тебе так веселее.

— Мне лучше одной, — честно ответила я, стараясь загасить в голосе страх. Я и так хожу по острой грани разоблачения, а если мне придется делить пространство с девушкой, которую я совсем не знаю (боже, я даже не уверена, что Ирина — эта та самая рыжая, которая теперь не совсем рыжая)... Короче, будет как в анекдоте, «Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу».

Старушка задорно хихикнула, мол, понимаю и повела меня дальше. Хотя чего бы ей понимать? Могла жить одна в гигантском доме, а вот, однако ж, устроила из жилища музей и приглашает сюда кучу разных незнакомых людей.

Мы остановились возле двери и сразу зашли внутрь, так как она была не заперта. Угловая комната. Очень светлая, благодаря наличию двух окон. На полу светло-коричневый ковролин. Покрывало на довольно широкой кровати тоже коричневое, с ворсом. Обои однотонные, светло-бежевые. Возможно, именно по этой причине комната казалась такой светлой.

— Ну, что скажешь? Лучше твоей прежней?

Я огляделась еще раз, якобы сравнивая.

— Безусловно! — сказала то, что она, скорее всего, хотела услышать.

— Ну та-то поболее будет...

Только не делай удивленное лицо... Почему она так пристально смотрит? Будто подозревает меня в чем-то?

— За счет света этого и не скажешь, — выкрутилась я. Хотя если та ремонтируемая комната больше в два раза, то аргумент — так себе, на троечку. Если бы я играла в мафию, меня бы уже заголосовали. Но в то же время логика подсказывала мне, что не стали бы в гостевом доме с кучей спален делать помещения настолько разными по размеру.

— Да, ты права, комната хорошая, именно тем, что тут два окна, потому Наташе и нравилась. Но теперь твоя будет.

Хотела я спросить, куда подевалась Наташа, но вовремя сдержалась. Вдруг я должна это знать?

Открыв галерею в телефоне, куда я перекинула фотки с компа, я прошла еще раз по лицам. Здесь были все, кроме русоволосой девушки с косой до пояса. Но, конечно, не факт, что она Наташа. Сюда вполне могут приезжать и разные люди, необязательно, что они всегда в одном сборе.

Спрашивать, где туалет, я не могла, ибо Элла уж точно осведомлена, поэтому пришлось

дождаться, когда старушка покажет мне, где тут лежат полотенца и постельные принадлежности, и выйдет из комнаты. Я выждала пару минут, затем высунула нос в длинный коридор, освещенный единственным бра на стене и большой хрустальной люстрой холла. Никого. Интересно, на весь дом только один туалет? Вряд ли. Скорее всего, они есть на каждом этаже, и не факт, что по одному. Надо просто найти.

С неудовольствием обнаружив, что дверь никак не запирается снаружи, я просто ее прихлопнула и пошла по коридору в сторону лестницы. Возле моей двери по торцевой части дома была еще одна дверь, но расстояние от нее до угла было слишком большим, чтобы думать, что это всего лишь санузел. Скорее всего, это еще одна спальня, примерно такая же, как и моя, а скорее немного больше. Поэтому я пошла сразу обратной дорогой вдоль резных перил.

Длинный коридор, как я уже говорила, огибал этаж по периметру и заканчивался лестницей, слева были двери, а справа виден холл. Все двери, однако, плотно закрыты, да и внешне ничуть не отличались друг от друга, а я все-таки надеялась, что места общего пользования будут как-то обозначены. В итоге пришлось открывать каждую дверь. Наружного замка, как я вскоре смогла убедиться, не было не только на моей двери — на каждой. Открывая двери, я поняла, что все спальни уже обжиты, кроме одной: та была пуста, в воздухе витал запах краски и растворителя, а кровать стояла разобранная возле стены (очевидно, это комната Эллы). За остальными же я наблюдала примерно одинаковую картину: валялись вещи на кроватях и креслах или стояли сумки прямо на полу. Наконец я нашла-таки санузел — соседняя с моей дверь, только с другой стороны. Проверять комнаты я начала с первой от лестницы (все моя девичья память, я ведь знала, что там Ирина спальня, но все равно ее приоткрыла), поэтому по закону подлости нужное помещение оказалось за последней (точнее предпоследней, если считать дальнюю комнату, до которой я так и не дошла).

Я пустила в раковине воду, пытаюсь отдышаться. До того момента, как мне определили «мою» спальню, все это казалось легкой авантюрой, невинным развлечением в поисках правды, но сейчас я вдруг поняла, что все серьезнее некуда. Я собираюсь обманывать этих людей. Прикидываться сестрой. Лицемерить. Быть не собой и так тяжело, а когда еще и обман ложится тяжким грузом на твою совесть... А ведь есть еще и опасность. Возможно, один из них знает, что я — не та, за кого себя выдаю.

Мне послышались шаги по коридору, но шум воды их сгладил, и я в итоге не могла поклясться, что мне не показалось. Однако не стоит тут засиживаться. Нам нужно идти в замок. А кто-то, возможно, стоит под дверью и ждет своей очереди перед представлением — или чем там... Я хотела умыться, уже набрала в руки холодной воды, но быстро вспомнила, что мне нельзя — макияж. Не знаю, насколько мой *smokeeyes* похож на то, что делала сестра, мне даже пришлось найти инструкцию в интернете о том, как именно накладывать тени и какой ширины должна быть полоса подводки. Как все сложно!..

Я закрыла кран и вышла. Хотела уже спуститься к остальным, но заметила, что дверь моей спальни приоткрыта. А я ведь ее точно закрывала очень плотно. Могла она открыться сквозняком? Но каким? Окна в комнате закрыты. Я тут носилась довольно долго, выискивая туалет с ванной, и дверь не открывалась. Почему же сейчас...

Я решительно вошла в комнату. Никого. На всякий случай решила проверить свои сбережения. Кстати, кому отдавать деньги? Может, на ночных посиделках их и будут собирать? Нужно взять с собой.

Короче, я полезла в недра рюкзака в поисках кошелька, а в руки попался белый сложенный пополам лист бумаги.

Что это? Может, я из дома случайно какую-то бумажку прихватила?

Я развернула лист. Нет, явно не из дома... Из вырезанных из газеты заголовков было сложено предложение — прямо как в произведениях о Шерлоке Холмсе.

«УЕЗЖАЙ НЕ ТО ХУЖЕ БУДЕТ»

— Все готовы? — встретил нас в дверях дома тот самый дядечка с фотоснимка. Судя по тому, как к нему обращались (Сергей Петрович), это и был господин Макаров — учредитель фонда, от имени которого делалась рассылка.

Я оставила письмо с угрозами в комнате, убрав в боковой карман рюкзака, а сама, спускаясь, открыла со смартфона форум Павлецкого. Новых сообщений не было. Однако, когда я открыла переписку, я увидела надпись «сообщение просмотрено». Значит, Зайчик2020 форум посещает и письма читает. Быть может, он сегодня здесь? В общем, я дождалась, когда соберутся абсолютно все участники, и прямо под бодренькое «Все готовы?» отправила новое сообщение этому же адресату. Я натыкала первые попавшиеся символы и нажала «Отправить» — просто в надежде на то, что ему — или ей — приходит оповещение о новых ЛС. И стала внимательно смотреть по сторонам. Народ обувался — из тех, кто еще не был обут. Народ накидывал ветровки — из тех, кто еще не успел этого сделать. Остальные же дружно выходили следом за Макаровым, чтобы не мешать. И никто — никто! — не полез в свой телефон. Но это еще ничего не значит. Выключены оповещения, отключен интернет или звук и вибросигнал — да все что угодно. Глупо было надеяться. Но надо же что-то предпринимать!

По узкой для такой оравы людей мраморной плитке мы шли в сторону замка. Наконец-то я его увидела вблизи. Подсвеченный снизу, он казался загадочным и будто призрачным. Словно моргнешь два раза — и он исчезнет. Через высокие и узкие стрельчатые окна, казалось, за тобой наблюдают хмурые тени. Первый этаж замка, высотой метров пять, был почти готов, только вместо входных дверей — лишь недостроенные ступени крыльца и проем. А вот в небо замок упирался неровными краями серого камня, словно клыками, которыми старался откусить очередное облако светлым днем, а ночью втягивал в себя кисель темноты.

Чтобы лучше объять замок глазами, я стала отступать и споткнулась, задев какие-то кирпичи, видимо, не убранные строителями, и, несомненно, упала бы, если б не чья-то крепкая мужская рука с отличной реакцией ее обладателя. Я обернулась — в роли спасителя оказался давешний блондин. Может, мне показалось, что он настроен ко мне (читай: Элле) негативно? Чего я на парня взъелась?

— Спасибо, — мило улыбнулась я.

Он нахмурился и отдернул руку, словно вспомнив, что я прокаженная, затем, ничего не ответив и даже на меня не посмотрев, отошел в сторону. Невежливо как-то!

— Даже не думай! — тут же мне в ухо шикнула Ирина. Да, это именно та полноватая девушка, которая кинулась меня обнимать. Я видела, как она выходила из первой комнаты, и теперь уже точно знала, что ее так зовут.

— Ты о чем?

— Я о Саше!

Господи, кто такой Саша? Тот самый блондин? Или это кто-то третий, кто связан с нами обоими? Или Саша — это вообще она, а не он? Дурдом. Не спросишь же напрямую!

На всякий случай я кивнула, мол, согласна.

Мы почему-то не торопились заходить. Все смотрели на Сергея Петровича, не решаясь задавать ему вопросы. Я тоже молчала.

— А вот и последняя участница, — возвестил он, глядя за наши спины.

Я обернулась. Какая-то женщина лет тридцати пяти, может, сорока (в темноте плохо видно), подходила к нам. Шла, видимо, сразу от калитки. Черные завитые волосы, черная ветровка с капюшоном, черные прямые брюки. Женщина то ли обожает этот цвет, то ли любит быть незаметной. А может, ожидает запачкаться. Я вот даже не знаю, куда я иду и зачем. Что там внутри, в этом замке? Что нас ждет? Охота на монстров или соревновательные бои в грязи?

— Вы Леонелла? — спросил он у новоприбывшей.

— Это я.

Мы сдали деньги, Сергей Петрович помечал галочкой каждого в своем списке, затем наконец вошли в замок.

Внутри недостроенного здания был огромный холл — в этой части уже имелся потолок первого этажа. В ряд стояли стулья, за ними — пуфики и кресла-груши. На полу лежал полосатый коврик, по виду чистый, захотелось даже разуться. Уличной двери здесь не было, как я уже отметила, да и вешалок тоже, поэтому никто не раздевался. Стулья были развернуты в сторону одной из стен, к ней почти вплотную стояло удобное на вид кресло и маленький столик с бутылкой воды — кто-то явно подготовился долго разговаривать. Приглядевшись, я заметила черный ноутбук, лежащий на этом столе темного дерева.

— Приветствую всех собравшихся! Эти каникулы я решил начать с «Ночи страшилок», так полюбившихся вам в прошлый раз. Так как это новый проект, я в двух словах поясню, что это значит, тем более сегодня с нами новые лица. — И в эту секунду взгляд его темно-синих глаз, будто пронизывающих насквозь, словно рентгеновское излучение, уперся прямо в меня.

В первое мгновение я едва не кивнула, мол, да, я впервые с вами, но тут до меня дошло. Они должны думать, что я Элла! Как он узнал, что я — это я?!

Меня бросило в горячий пот, и вовсе не по вине жары — ночь выдалась холодной, а стены с отсутствующей дверью не спасали от ветра. Я лихорадочно искала решение, перебирая все свои мысли, крутящиеся в голове так быстро, словно они были спицами в двигающемся колесе. Я должна их разубедить. Все должны думать, что я Элла. Но как ему сказать? Выкрикнуть прям в зал: «Постойте, я не в первый раз здесь!»

А потом он попытается поймать меня на лжи и предложит громко, на весь зал, поднявшись с места, словно ученик на уроке, рассказать, что было в прошлый раз. А я ведь даже примерно не представляю себе формат данного мероприятия!

Следующая мысль-спица меня немного утешила: «Подумай логически, как он мог понять, что ты — это ты? Даже если это он схватил Эллу и держит где-нибудь в подвале, он же не будет в этом признаваться в открытую. Значит, он имел в виду что-то другое!» В общем, движимая этой мыслью, я наконец додумалась обернуться и тут-то и заметила, что женщина, присоединившаяся к нам только что, села прямо за мной во второй ряд. То есть Макаров смотрел на нее, а не на меня!

Я тут же выдохнула, а ведущий — или как его правильно сейчас называть — продолжил говорить:

— Итак, последователи Павлецкого совершенно случайно в прошлом году отыскивали на территории его дневник. Правильнее сказать — журнал, потому что там было больше набросков новых песен, чем каких-либо воспоминаний. Однако были и они, которые мы называем меж собой «заметки на полях». Дату Ян проставлял всегда, ввиду чего некоторые все-таки именуют журнал дневником. Так вот, оказалось, что Павлецкий за год до смерти

начал видеть какую-то, как он сам выражается, чертовщину. Часть из увиденного и услышанного он даже изобразил в песне «Я уже в аду». Мы решили устроить чтение этих страшных или по меньшей мере странных записей и превратить их в обсуждение. Формат близкий к «байкам у костра», с которым знакомы люди моего поколения. Это когда деревенские собирались у костра под песни под гитару, и не всегда, замечу, присутствовал алкоголь! Да-да, а то, я смотрю, тут многие заулыбались. Нет, это сейчас молодежь не может себе представить такого, чтобы встретиться и не выпить, хотя бы по бутылке пива. Но у нас это было, скорее, исключением.

— У нас тоже пиво редкость. Чаше косячок! — заржал брюнет.

— Осуждаю тебя, — улыбаясь, молвил блондин. Ну, хоть кому-то он улыбается!

— Правильно делаешь, что осуждаешь своего приятеля, — поддержал Сергей Петрович. — Наркотики, даже легкие, очень вредны и вызывают привыкание, кто бы что ни говорил. Но разговор сейчас не об этом. Я пытаюсь объяснить формат этих встреч.

— «Байки из склепа»! — это снова брюнет.

Все хихикнули.

— «Сверхъестественное»! — подсказала теперь Ирина.

— Не смотрел, — пожал плечами Макаров, — может быть, и так. Первое смотрел, но не помню. Это что-то вроде «Секретных материалов»? Вот их я точно смотрел. Но это все художка, вымысел, а у нас — реальность и формат именно обсуждения. Каждый будет предлагать свою версию, как он ее видит. Допускаются как рациональные объяснения, так и иррациональные. Никто никого не троллит, как у вас это называется, все остаемся толерантны к чужому мнению! Радикальный атеизм и скепсис, как и радикальный фанатизм крайне не приветствуются! Чтобы максимально насладиться нашими встречами, я настойчиво рекомендую оставаться открытыми к любой версии, в общем, be open-minded, как говорят англоязычные люди.

Чем больше Сергей Петрович говорил, тем сильнее он мне нравился. И плевать на его излишнюю потливість и выпирающий животик. Я тоже не могла отнести себя к стопроцентным скептикам (вспомнить хотя бы наши с Эллой предчувствия по поводу мамы), хотя и сразу верить во всякую чушь никогда не спешила. Но дело даже не в призывах быть гибкими, а в том, как он в принципе разговаривал. За его речами чувствовалось глубокое знание психологии и неплохое образование. То, как он пытался сплотить нас всех, — это очень подкупало.

Итак, он открыл, по всей видимости, отсканированные страницы журнала Павлецкого на своем компьютере и стал зачитывать одну из записей.

— Дата: 12 июня. «Сегодня ночью я снова услышал ржание коня. Отдаленное, оно будто заигрывало со мной, заманивая меня пойти искать источник. И вместе с тем довольно близкое, ведь в доме установлены дорогие стеклопакеты, работал кондиционер, и окна были закрыты, но я все-таки услышал. Я решил побороть себя, не как в прошлый раз, и подойти к окну. Я встал и усилием воли отдернул занавеску. На участке никого не было. Поняв, что я просто схожу с ума и надо переходить на здоровый образ жизни, пока не пришлось лечиться, я вернулся в постель. Через какое-то время ржание повторилось. Я поднялся и уже быстрее оказался у окна, которое не стал зашторивать. И как же я пожалел! Слуховые галлюцинации для нервов гораздо лучше, чем зрительные. Их хотя бы всегда можно на что-то списать. А то, что я увидел, уже ни на что не спишешь. Женщина! Она сияла белым светом, передвигаясь по моему участку. Я думал, что умру — так сильно забилося сердце! Дойдя до угла участка,

призрак растаял...» — Макаров прикрыл крышку ноутбука и повернулся к нам. — Итак, у кого какие мнения на сей счет? Что конкретно он видел?

Блондин, вспомнив, что он лидер, заговорил первым:

— У меня, как обычно, рациональная версия. Ян пишет что-то про переход к ЗОЖу, наверняка это намек на наркоту.

— Да-да, — поддержал друга брюнет. — Он, короче, обкурился. Вот и привиделось.

— Хорошо, Тимур, вашу общую мысль я понял. У кого еще мнения? — ничуть не обидевшись на предыдущую версию, спросил Сергей Петрович.

— А я, — заговорила Ира, — думаю, что здесь все-таки мистика. Он реально что-то видел! Одно дело — конь, может, их тут держат в деревне, но белая женщина, которая просто растворилась! Это как? Он же не придумал это!

— Угу, — кивнул Макаров, — принимается. Дальше!

— Его разыграли, — с нажимом сказала брюнетка в наколках и как-то странно посмотрела на меня. — Звуки на магнитофоне записаны были. И баба переодетая по двору бегала.

— Розыгрыш, — кивнул Макаров, — принимается. Дальше.

— А я не думаю, что розыгрыш, — заговорила платиновая девка с губищами, сидевшая снова рядом с блондином. — Это известная «Женщина в белом»! Она многим является. Даже книга такая есть, я слышала. Написанная про этого призрака. Так и называется. «Женщина в белом»!

— Ты про Уилки Коллинза? — уточнил блондин с сомнением в голосе.

— Ща! — Платиновая натыкала что-то гигантскими ногтями, явно искусственными, в экране айфона. — Да!

— Это не про призрака. Это про женщину, сбежавшую из сумасшедшего дома. Она в белой одежде.

— Нет! Я же слышала!

— Алена, ты путаешь...

— Алена действительно путает, — влезла я, — произведение известного романиста Коллинза с Белой женщиной — расхожим образом призрака, который встречается в англосаксонском, германском и славянском фольклоре. Белая женщина часто отождествляется с Банши — из ирландского фольклора.

В замке повисла тишина.

— Молодец, Элла, — похвалил меня Петрович. — Приятно, что молодежь интересуется мифологией.

— Ой, я просто часто «Сверхъестественное» пересматриваю, — отмахнулась я. Надо быть осторожнее, Элла ведь не такая начитанная. Мягко сказать. Увидеть ее с книгой в руке или с открытым сайтом «Википедия» — это значит, что рак на горе наконец-то свистнул.

— Продолжай, Алена...

— Короче, — блондинка наконец отвлеклась от созерцания моего лица, которое она хотела прожечь своими голубыми глазами насквозь, — я думаю, может, он записал это на видео? Его телефон проверяли? Ведь призраки, когда они настоящие, записываются на видео! Ну, это все говорят... — добавила она уже неуверенно.

М-да, логика у девушки потрясающая. По всей видимости, силикон влияет на когнитивные способности головного мозга.

— То есть, — язвительно сказал брюнет, сидевший от нее через одного человека —

блондина, — если бы это реальный человек глумился над Яном, как подумала Мила, он бы не записался на камеру?

Все засмеялись.

— Человек-невидимка, ну! — поддержал шутку блондин.

Алена обиделась на издевки друзей и демонстративно пересела, хотя виновата была сама. Интересно, они пара с блондином? Хотя какая мне, в сущности, разница? Они под стать друг другу.

— Элла, а как ты считаешь? — к сожалению, обратился Макаров и ко мне. — Ты сегодня какая-то тихая. В прошлый раз у тебя была четкая позиция.

Отлично. У сестры была четкая позиция. Знать бы какая. Мнения явно разделились. Хоть ведущий или учитель (почему-то хочется его так называть) просил нас быть толерантными и по возможности не спорить, просто выдавать разные версии, однако мы ожидаемо разбились на два лагеря — скептики и мистики. Может, он и вовсе не такой хороший психолог, как я подумала вначале.

— Может оказаться так, что это галлюцинации на почве переутомления, — решила я высказать свою настоящую точку зрения. И будь что будет. — Я однажды тоже не спала три ночи кряду и видела в итоге что-то похожее.

— Че это ты не спала три ночи? — проявила любопытство Ира.

— Готовилась к э... — Я чуть не лягнула «экзамену», но ведь это непохоже на Эллу!

— К чему? — продолжала допытываться подружка. Чтобы вжиться в роль, так и буду ее называть — своей подругой.

— Э-э... — протянула я, делая вид, что в первый раз «э» тоже было всего лишь междометием, а не началом слова. — Не важно, это тайна! — Кривляясь, я даже палец к губам приложила.

— Понятно, — фыркнула Мила. — Типичная Элла! Везде у тебя тайны мадридского двора!

Она даже руки на груди сложила в знак неодобрения и вроде даже обиды. Интересно, какой конкретно тайны «типичной Эллы» ты испугалась, когда увидела меня сегодня на пороге кухни?..

— Мила, давай товарищам возможность закончить свою мысль, — поругал ее Сергей Петрович голосом детсадовского воспитателя, — а потом уже комментируй. Мы же говорили об этом!

— Но эта, — кивок в сторону Иры, — тоже перебила ее! Первая! А ругают всегда меня!

— Эту зовут Ирина, и она не перебила, а уточнила для лучшего понимания рассказа. Ты тоже могла задать наводящий или уточняющий вопрос. Но ты предпочла едкое замечание. А для этого отводится другое время — после речи участника. — Мила молча опустила голову, признавая поражение. — Элла, продолжай, пожалуйста.

— В общем, — спасибо Миле и Ирине, я за это время придумала, как мне выйти сухой из воды, — мы все знаем, каким трудоголиком был наш любимый Ян, он вполне мог сильно устать и по вине перенапряжения и недосыпа увидеть то, что увидел, и услышать то, что слышал.

— Хорошо, — кивнул Макаров, — стресс. Это следующая версия, так и запишем. — Он реально записывал все наши ответы. Ума не приложу зачем. Он что, диссертацию потом защищать будет? — Кто-нибудь еще хочет высказаться? — В зале тишина. — Леонелла, если не ошибаюсь? — обратился он к женщине, сидящей за моей спиной.

— Да.

— Хотите что-нибудь сказать по теме?

— Я бы предложила какую-то версию, но у меня недостаточно исходных данных, — с грубой уверенностью, слегка походящей я бы даже сказала на дерзость, заговорила женщина некрасивым низким голосом. — Это как давать решение и ответ, не имея «Дано».

— А каких данных вам недостает?

— К примеру, есть же бабушка у Павлецкого. Почему бы ее не допросить? Она же лучше знает, спал или не спал он те дни, когда видел это, как предполагает последняя девушка. И употреблял ли что-то запрещенное, как сказали первые мальчики. И чем он вообще был занят в этот день. Он же написал дату! И мог ли кто-то к нему прийти и подсыпать что-то. У кого были ключи. Ну и так далее...

Судя по сленгу, женщина была или учительницей (все эти «дано»), или следователем («допросить»). А может, она преподавала в какой-нибудь школе МВД?

— Замечательно! — чему-то обрадовался наш «главный». Наверно, тому, что кто-то реально хочет разобраться. А все остальные, по его мнению, не были настолько заинтересованы. — Только вот Павлецкий жил в это время один и со своей бабушкой, Таисией Арсеньевной, практически не общался. Она жила со своим вторым мужем гражданским браком, и этого человека Ян недолюбливал. Это знают все его преданные фанаты. — Несмотря на смысл фразы, прозвучало это не с укором, а просто для справки. Но может, укор предполагался, но был тщательно завуалирован.

Леонелла, однако, отстояла себя:

— Я заинтересовалась творчеством этого мальчика тогда, когда он ударился в политику, то есть за полгода до его кончины. А то многие молчат! Страна рабов! А более раннее его творчество я не изучала.

— Хорошо, только давайте придерживаться правила — без политики. Да, Павлецкий в последние полгода только о ней и писал, но мы будем исследовать его творчество именно как творчество, без собственных оценок. Договорились? — Сидящие кивнули. — Ладно, раз все высказались, а Антон наш, как обычно, будет думать всю ночь и даст ответ только утром, — все хихикнули, видимо, так было и в прошлый раз, — объявляю перерыв пятнадцать минут. Затем читаем и обсуждаем еще одну запись, и на этом сегодняшние мероприятия закончатся. Отправитесь спать. Да! — пресек он возможные споры. — Не гулять, а спать, потому что завтра с утра репетиция!

«Господи, — поныла я мысленно, — с самого утра какая-то репетиция. Нужно свериться с расписанием, я вообще об этом забыла. Надеюсь, подготавливаться заранее не надо было? А то сольюсь очень быстро. В лучшем случае надо мной поржут, в худшем вычислят, а там уж как повезет».

В перерыв я решила не возвращаться в дом, а прогуляться по территории. Благо что все дорожки были худо-бедно освещены садовыми фонариками. Вблизи я смогла их рассмотреть, и возле недостроя они были в форме маленького замка. Так мило... Возле гостевого дома и калитки — обычные фонари цилиндрической формы, а вот дальше, за замком — стеклянные лилии и колибри с вставленными диодами, которые ярко светили, переливаясь всеми цветами радуги.

Итак, на участке (или участках) из зданий был еще сарай и небольшая баня из деревянного сруба. Обходя баню, я сверялась с часами в телефоне, потому не заметила, что я здесь не одна, и в итоге врезалась в блондина. Опять этот тип, будь он неладен!

— Ой, — от неожиданности выдала я. — Снова ты, — фыркнула себе под нос, собираясь молча его обойти и вернуться уже к замку, но он остановил меня, довольно грубо схватив за руку.

— Что ты здесь делаешь?

Неожиданный, однако, вопрос!

— В смысле? Гуляю. Или ты имеешь в виду не сейчас, а вообще?

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Так что ты здесь делаешь?

Я посмотрела в его глаза. Строгий, напряженный взор. Он реально спрашивает о чем-то серьезном. Все шуточки разом выветрились из моего сознания. Он что-то знает! И он на что-то намекает! Но как заставить его сказать больше?

— То же, что и ты! — с вызовом ответила я, продолжая разглядывать его лицо.

Правильные черты исказились удивлением, уровень которого походил скорее на шок. Что его так поразило?

— Что?! — выдал он секунд через пять, настолько был парализован моим ответом. — Что ты несешь?

— Это ты что несешь? «Уходи, не то хуже будет»! — передразнила я текст записки, идя ва-банк, ведь я совсем не была уверена, что это написал и подбросил именно он. Скорее всего, даже не он, ведь те, кто предъявляет тебе претензии в лицо, и те, кто тайком подбрасывает угрожающие записки, предпочитая оставаться в тени и запугивать издали, — это совершенно разные категории людей. — Детский сад какой-то!

— О чем ты говоришь?!

— О записке, вот о чем! Это ты мне ее подбросил.

Он в растерянности молчал. Затем медленно покачал головой.

— Во что ты опять вляпалась?

Вот оно! Мое сердце забилося быстрее. Кто бы мог подумать, что суровый блондин, вечно всем недовольный (будем честны — конкретно мной) являлся Эллиным доверенным лицом? Ведь фраза «Во что ты опять вляпалась» означает, что он в курсе каких-то ее предыдущих проделок. Но я не могу ему доверять всецело. Хоть он и ведет себя так, будто уверен, что я Элла, а значит, не может быть причастен к исчезновению. Но ведь не факт, что если я ему скажу, кто я, то он будет откровенен со мной. Я думаю, что больше информации я получу под видом Эллы.

— Ты знаешь, что тут творится что-то странное? — понизив голос до заговорщицкого шепота, кинула я пробный камень.

Он снова помолчал, внимательно меня разглядывая. Затем в его серых глазах заплескался луч догадки.

— Если ты специально это выдумала, чтобы... — Он закатил глаза. То есть я сама должна понимать, что он имеет в виду?

— Нет, — на всякий случай сказала я.

— Ладно, тогда после этого, хм, спектакля, — кивнул он в сторону замка, — зайди.

Сказав это, он резко развернулся, чтобы уйти, даже не дождавшись от меня ответа, будто был уверен, что я не стану спорить и обязательно прибегу по первому его зову. И я бы, кстати, прибежала — по своим мотивам, конечно, а не по тем, что он вообразил себе, — только существует одна загвоздка: я не знала куда!

— Стой! — взмолилась я, обращаясь к его спине.

— Ну? — бросил он через плечо. Вот самоуверенный индюк! Даже обернуться

полноценно не может. Ниже его достоинства, надо полагать!

— Какую комнату тебе выделили? — Это ведь безопасный вопрос? Плохо, если окажется, что он селится всегда в одну и ту же, и так мне и ответит. Что я буду делать?

— Как обычно, — с раздражением ответил он. Вот! Я же говорила! Но не успела я помучить свой мозг, выдумывая вопрос, который не будет подозрительным, но вместе с тем прояснит ситуацию, как он продолжил: — Последняя дверь по коридору. И если я правильно понял, — он наконец обернулся на меня, — мы теперь соседи.

— Санек, ты где? — донеслось от замка. По всей видимости, брүнет по имени Тимур потерял своего драгоценного друга.

Блондин молча вернулся к своим друзьям, и я, осмотревшись еще раз, но не найдя больше ничего примечательного, очень быстро последовала за ним.

Вторая часть «спектакля», как выразился Александр, прошла для меня словно в тумане. Сергей Петрович, очевидно, любил последовательность, и вторая озвученная им запись датировалась 14 июня.

— «Вчера я снова видел даму в белом у себя на участке ночью. Этой же ночью мне приснилась Инна». Инна, как вы помните, — заговорил «от себя» Макаров, прервав ненадолго чтение, — это соседка Павлецкого, увлекавшаяся конным спортом. У них был короткий роман, и после их ссоры, во время которой он пожелал ей провалиться, она каталась на коне и разбилась.

— Как же так? — удивилась Леонелла. — Если увлекалась этим видом спорта, значит, была хорошей наездницей!

— Нет, она любительница, а конноспортивный клуб держал ее родственник. Он тут в пятнадцати километрах, можете посмотреть на карте, до сих пор функционирует. Поэтому она брала любимого коня, скакала сюда, в деревню, и потом обратно. Мы разговаривали с родней Инны, они все подтвердили. Конь отчего-то сбросил ее, девушка сломала шею, упав в канаву, мгновенная смерть. И вот Ян всю оставшуюся жизнь винил себя в ее смерти. Если вас интересует и другое творчество Павлецкого, не только политота, — обращался Сергей Петрович к одной лишь Леонелле, — то советую песни «Я не с тобой» и «Гложет, гложет, гложет». Все исследователи творчества Павлецкого утверждают, что эти песни он посвятил Инне.

— Их было больше, — заявил вдруг Тони.

— Да, конечно, я уверен в этом. Но это, так скажем, официально признанные. Итак, продолжим. «Чувство вины опять вернулось. Гложет и гложет, как в моей песне. Зачем ты мучаешь меня, Инна? Чего ты хочешь?»

В общем, эта запись была куда длиннее, Ян еще много говорил про Инну и их отношения, поэтому я для вас сокращу: он отправился на кладбище, чтобы проверить свои подозрения (ему казалось, что Инна что-то хочет ему сказать с того света), и там заметил какую-то тень. А потом между деревьями, окружавшими кладбище, увидел что-то белое — снова. Он уверился в том, что это призрак Инны, и хотел догнать, но тут подул сильный ветер, в лицо ему прилетела какая-то ветка, а когда он снова посмотрел вперед — дамы в белом уже не было.

Все кинулись активно обсуждать новый случай из журнала. Но не я. Потому что, как я уже говорила, мою голову занимали другие вещи и переключиться было сложно. Вместо того чтобы выдвигать версии, я лишь слушала других, и когда до меня дошла очередь, я просто ответила: «Я — пас». На удивление, наш лидер не стал возмущаться и требовать от

меня хоть какого-то ответа по теме. В принципе хороший лидер так и должен делать, тем более мы не на экзамене, это просто дискуссия, и слава богу, что он это понимал. Когда после меня он обратился к Саше, тот почему-то скопировал мой ответ, не слово в слово, а просто сказал: «Я тоже». Ему-то что мешало внимательно слушать и выдвинуть в итоге какую-то версию? Но я не стала особенно долго размышлять над этим. Вечер близился к концу, и скоро я все равно получу от него все необходимые ответы.

Мы разошлись в начале первого. Когда мы с Ириной, Антоном и Леонеллой зашли в дом (остальные общались на участке), оказалось, что Таисия Арсеньевна еще не спит, что весьма удивительно для женщины ее лет. Видимо, она и в старости оставалась совой. Старушка предложила Леонелле маленькую комнатку внизу, и та с радостью согласилась. Ждать, пока ее разместят с комфортом, мы с Ирой не стали и поднялись наверх, разойдясь в итоге возле ее двери. То есть подружка-то предложила зайти к ней на вечерний питьевой йогурт, которые она в огромном количестве привезла с собой (видимо, считает, что от них худеют), но я отказалась, сославшись на головную боль. Ирина удивилась: очевидно, для нее и Эллы это был своеобразный ритуал на ночь, но у меня имелись другие планы, и я пошла к себе.

Я нервно выхаживала по комнате, пока наконец не услышала шаги мимо моей двери. Где-то поблизости хлопнула дверь. Если со звукоориентацией у меня все в порядке, то это дверь соседа слева. Я дала ему пять минут передохнуть, вышла из своей комнаты и тихо постучалась, зорко глядя по сторонам: не хотелось, чтобы кто-то застукал меня входящей в Сашину спальню на ночь глядя. Но дом почти сразу по возвращении всех гостей из замка погрузился во мрак и тишину. Только бра на стене нашего балкона-коридора давало немного света, опускающегося и на первый этаж. В холле-прихожей гигантская люстра потухла и не было других источников освещения, но, возможно, в коридоре дальше тоже висели бра.

Блондин открыл дверь, даже не спросив, кто за ней. Посмотрев мне за плечо, уж не знаю, кого ожидая увидеть, он пропустил меня внутрь, ничего не сказав. Я уже привыкла к его манере общения и не удивилась.

Его комната была больше моей. Кровать закрыта пологом с занавесками, в центре спальни два кресла и журнальный столик, что делает ее более похожей на гостиную, а перед столом вообще свободное место, будто танцпол. Шкаф стоял возле кровати в дальнем углу.

Он сел на кресло, положил руки на подлокотники и в ожидании уставился на меня.

— Ну?

Он хочет, чтобы я стоя рассказывала? Я подготовилась к разговору и записку сунула в карман джинсов, сложив в несколько раз. Только вот пока до конца не была уверена, что стоит ее показывать, хоть и говорила уже о ее наличии. Короче, я, пребывая пока в замешательстве, села рядом с ним в другое кресло, думая, что конкретно сказать или спросить, чтобы не выдать себя.

— Что ты делаешь?! — опять удивился он. Да что ж это такое! Элла что, никогда не садилась в это кресло? Прямо принципиально, да?

— Сижу, а что? — с вызовом ответила я, так как меня это уже начало сильно напрягать.

Он ухмыльнулся уголком губ.

— Отлично. Ну, давай посидим...

— Что конкретно тебе не нравится?!

Он молча изучал мое лицо. Неужели он понял? Но как человек может это понять, если он в принципе не знает, что есть сестра-близнец, которая в теории может приехать вместо «оригинала»?

— Почему же, нравится, — сказал он после долгой паузы. — Мне нравится, что ты учла все мои замечания.

Язык сработал быстрее, чем мозг...

— Какие?

Черт... Я не должна была спрашивать. Я же, по идее, знаю.

— Не делай вид, что не помнишь.

— Давай по существу, — резко сменила я опасную тему. — Замечал ли ты что-то странное в этом доме?

— Странное? — хмыкнул он. — Насколько? Сегодня мы всерьез разбирали случай с призраком на кладбище, а завтра мы будем придумывать тексты песен, которые мог бы спеть умерший человек, если бы дожил до этого дня. Это достаточно странно для тебя?

Теперь уже хмыкнула я.

— Тогда зачем ты здесь, если тебя это не устраивает? Ты что, не фанат Павлецкого?

— Я ценю Павлецкого как творческую единицу, — осторожно ответил он. — А здесь я скорее за общением.

— Ты Тимура подразумеваешь или Алену?

— Господи, ты опять ревнуешь! — Он резко поднялся с кресла и прошелся к подоконнику, чтобы выглянуть в окно. Или просто спрятаться от моего взора. — Я с ней расстался еще в прошлом году!

Я знала, что должна что-то сказать, но я не могла. Легкие сжались в маленький комок, запрещая мне дышать. «Опять ревнуешь». У них все-таки были отношения! Возможно, именно он, Саша, обозначенный в списке контактов как «Зая», вытащил мою сестру из постели посреди ночи, чтобы увезти на какое-то кладбище! Но что произошло потом? Ведь он не выглядит удивленным моей живучести. Стало быть, не знает, что Элла пропала, и следовательно, не имеет к этому никакого отношения. Но мне надо было сразу подумать об их связи, как только я его увидела — еще дома, на фотографии. Элла всегда судила людей по внешности. Она, в отличие от меня, эстет и стопроцентный визуал. Все парни, что у нее были (из тех, кого знала я), обладали весьма привлекательным лицом и чаще всего спортивной фигурой.

Он так и стоял ко мне спиной. Пользуясь тем, что он меня не видит, я прикрыла глаза, пытаюсь отдышаться. Спокойно. У Эллы были отношения с этим типом. И что? Поздравь себя с прорывом в расследовании.

М-да, вот только любовник Эллы — это первый человек, который сумеет меня раскусить. Может, у них все-таки ничего не было? Так, легкий флирт...

Когда Саша отвернулся от окна, за которым медленно плыла черная ночь, я уже полностью пришла в себя и сразу же полезла в карман.

— Вот что мне сунули в рюкзак, — сказала я, протягивая ему лист, когда он вернулся к креслу. — Не успела я переступить порог этого прекрасного дома.

Саша взял у меня бумажку и развернул.

— «Уходи, не то хуже будет», отлично...

— А потом ты ловишь меня возле бани и говоришь примерно то же самое...

— Да не говорил я такого! Я просто не думал, что после... Впрочем, не важно, — отмахнулся он. А зря, мне очень хотелось узнать, что последует за «после». — В тебе нет ни стыда ни совести, это всем давно известно.

Злость и смущение вспыхнули во мне одновременно. Я знаю, что говорил он не обо

мне, но почему-то стало так обидно, словно оскорбляли конкретно меня, а не Элли. Или мне было обидно за сестру? Все-таки мы всегда стремимся выгораживать своих близких, даже когда они объективно не самые идеальные люди.

— А в тебе, стало быть, есть, да? — прорычала я в ответ. — И тот, кто шлет мне эти записки, пытаясь напугать, тоже преисполнен совести, да?

Он медленно опустился в кресло, не сводя с моего горящего яростью лица своего внимательного, изучающего взгляда, и тихо молвил:

— Кто ты такая на самом деле?

Кровь тут же отлила от моего лица. Если до этого — я была уверена — оно полыхало ярким румянцем, то сейчас я, наверно, была бледна как полотно. Или как этот самый лист в его руке с обратной стороны. Белее не придумаешь.

Он понял, что я не Элла! Что же делать?!..

— В смысле? — тихо спросила я, стараясь не выдавать волнения, обуявшего мою грудь.

— Я имею в виду, что ты ведешь себя странно сегодня, — ответил он уже другим тоном — обиденным.

— Ты же хотел, чтобы я изменилась, — выкрутилась я, вспомнив его собственную фразу.

Но он уже не следил за мной взором, а изучал записку более тщательно. Оказалось, что это просто была шутка. Как во всех этих сериалах — «Кто ты такая и что ты сделала с моей сестрой?» Или: «Верни мне моего брата, перевертыш!» Последнюю реплику я, скорее всего, слышала в «Сверхъестественном». Но это не точно. Короче, просто расхожая фраза. Мне надо вести себя спокойнее, я своей бурной реакцией себя выдаю. На воре и шапка горит, как известно.

— А ты не думаешь, что это связано с Наташей? — предположил он через минуту, возвращая мне лист бумаги.

Приплыли. Ну и кто такая эта Наташа? Ах, нет, постойте. Знакомое имя. Не та ли Наташа, в чьей комнате я сейчас живу? А что с ней случилось? Я-то думала, что она просто не приехала, и все. Как заставить его рассказать?

— С Наташей? — перепросила я, нахмутив брови, дескать, задумалась. Всерьез рассматриваю его версию — типа того.

— Ну да. Об этом знал не только я.

— Но орудовал ножницами и клеем «ПВА» не ты... — уточнила я на всякий случай (просто чтобы выиграть время).

— Да не я, не я... — вздохнул он, немного раздражаясь.

— А кто еще знал?

— Ирка твоя, — усмехнулся он.

— Ну это понятно, — кивнула я, считав его интонацию. Судя по тому, как он это произнес, это было заранее мне известно. В голове тут же выстрелила новая идея — допросить Ирку! — А кто еще мог знать? Твой Тимур?

— М-да, — чуть наклоняя лицо, будто стыдясь, признался Саша. — Я с ним поделился, когда узнал, что произошло. Не мог держать в себе. Но это не он!

— Дурацкие шутки очень в его стиле.

— Вот именно, а это не дурацкая шутка, это угроза.

— Хоть и дурацкая.

— Хоть и дурацкая, — согласно кивнул блондин. — Еще Мила знает, скорее всего. Ну то есть я не уверен, и я ей не говорил, но так как она тоже жертва твоих странных, если не сказать больше, розыгрышей, то вполне могла сложить два и два.

Я в ужасе молчала. «Розыгрыши?» — хотела я перепросить, но вовремя прикусила язык. Лучше никак не реагировать.

Собственному совету я, похоже, не вняла, и что-то жуткое отразилось на моем лице, потому что Саша поинтересовался:

— Что с тобой? Все хорошо?

Нет, мне нехорошо... Даже очень нехорошо.

— Я просто думаю, кто подбросил мне записку.

Здравый смысл подсказывал, что, пока я окончательно не выдала себя, пора валить из его опочивальни. Засим я поднялась.

— Ладно, спасибо, что пригласил и выслушал, пойду спать.

Я быстро пошагала к выходу, и в спину мне прилетело изумленное:

— Ты правда изменилась...

Открывая дверь, я молилась, чтобы в коридоре никого не было. Время позднее, но мало ли кто во сколько ложится. Вряд ли только мы с Сашей совы.

Но нет, тишина. Внезапная идея погнала меня мимо моей комнаты к дальней двери, что возле лестницы. Я прижалась ухом вплотную к светлomu дереву и прислушалась. Ничего не слышно, даже ровного дыхания, но это еще не значит, что человек не спит. По всей видимости, звукоизоляция не самая плохая здесь. В любом случае мне тут делать нечего. Если бы была слышна музыка или еще какие-то звуки, указывающие на то, что хозяйка комнаты не спит, я бы постучалась, а так — нет.

Несолоно хлебавши я вернулась к себе. Проверив замок на двери, я пришла к радостному заключению, что можно запереться изнутри, что я и сделала.

Сперва меня разбудили звуки из коридора — шаги, грохот, разговоры. Но я еще не поднялась, только терла лицо, чтобы прийти в себя, как в дверь постучали.

— Кто? — крикнула я, но не получила никакого ответа.

Через десять секунд снова стук. Да вы издеваетесь! Почему нельзя ответить через дверь? Неужели меня не было слышно?

Я нехотя поднялась, поправила непрозрачную пижаму, пригладила волосы и открыла дверь.

Антон.

— Собирайся, умывайся, завтракай. Через полчаса начнется репетиция.

— Что?

Задав вопрос, я тут же вспомнила, как Саша говорил вчера про какие-то песни, которые нужно будет завтра выдумывать. Боже, неужели это все реально будет происходить сейчас?..

— Я знаю, что ты любитель поспать, и помню, что ты любитель опаздывать. Мы же договаривались, что я всегда буду контролировать тебя. Или ты забыла?

— Нет, я помню, конечно! — заверила я, сонно потирая лицо.

— Ну вот. Считай, что я твой тайм-менеджер.

Тони поправил очки, развернулся и ушел. Я смотрела ему вслед, задумавшись, и пропустила момент, как кто-то другой заметил меня. Раздался громкий одобряющий свист. Я повернулась в сторону шедшего звука. Тимур. Господи, этому-то что надо?

— Красотка! Давай, а? — И он показал неприличный жест.

Хотела я молча закрыть дверь и лишь мысленно гаркнуть «Катись!», что было больше в моем стиле, но вспомнила Эллу, и в итоге показала средний палец в ответ. Тимур заржал и побежал в сторону лестницы, а я похвалила себя за быстроту реакции. Даже спросонья я

должна помнить, что я здесь Элла, а не Соня, и вести себя соответствующим образом. Элла даже родителям «фак» показала пару раз.

Чтобы понять, что его так впечатлило, я обратилась к зеркалу, висящему на внутренней стороне дверцы шкафа.

М-да, офигеть. Лохматая, губы обветрены, пуговицы застегнуты неправильно, в итоге один угол пижамной кофты ниже другого. Да, Элла всегда спит голышом, но не здесь же? В любом случае я ничего похожего на ночную сорочку в ее вещах не нашла, потому захватила собственную пижаму — темно-синюю хлопковую с котятками. Я не ожидала, что меня в ней здесь кто-то увидит.

Нужно срочно исправлять положение!

Повинуясь этому решению, я натянула на себя кожаную мини-юбку и красную майку на молнии. Да, вызывающе. Но если Тони с Тимом будут ходить и всем рассказывать про мою монашескую пижаму (ее так Элла называет), то это может родить подозрения...

— Не будь душой, — сказала я себе, закрывая дверь в санузел и держа в руках зубную щетку, пасту и полотенце. — Она никому не сказала, что у нее есть сестра.

В принципе она могла сказать, что сестра есть, думала я, подкрашивая ресницы тушью. Просто не упоминать наше внешнее сходство. В ее рассказе мы могли быть двойняшками, а не однойцевыми близнецами. Или я могла быть моложе (или старше). Эх, знать бы заранее... На всякий случай не стоит ничего говорить о семье. С нее станется после какой-нибудь ссоры ляпнуть, что «предки померли». Представляю, как я шокирую всех рассказом о том, к примеру, что я родителям соврала, будто еду к тетке в деревню. Кстати, надо написать маме, что у меня все хорошо...

На кухне я появилась, когда там осталось всего два человека: Тони и Ирина.

— Ждала тебя, даже крекеры не ела, — пожаловалась вторая, — а чай уже остыл.

Я хотела извиниться, но вместо этого пожурила:

— Ну что ж ты ждала, могла бы поесть!

Я же все-таки Элла!

А Тони раскрыл секрет:

— Она яичницу слопала уже, пока ждала, а теперь строит из себя сироту казанскую. Же не манж па си жур...

Я засмеялась, а Ирка угрожающе подняла кулак.

— Ты не следи за тем, сколько я жру! Мамки хватает!

— Фу, как быдло выражаешься...

— А я и есть быдло! Че с меня взять, с деревенской!

Пока они пререкались, я налила себе чай и достала крекер.

— А че не кофе? — удивился Тони.

Черт... Я забыла, что Элла всегда пьет кофе по утрам. У нас обеих низкое давление, но я кофе не люблю, спасаюсь крепким черным чаем.

— Не хочется, — лаконично ответила я.

— Ну ладно, увидимся на репетиции! — Тони помахал нам рукой и был таков.

Мы остались с Ирой вдвоем. Наконец-то! Пользуясь случаем, я подвинулась к ней поближе и зашептала:

— Мне записку с угрозами подсунули.

Ее глаза — и без того огромные, цвета морской волны, словно бездонный океан, — расширились, занимая теперь половину лица. Я вдруг подумала, что если бы она сбросила

вес, щечки бы уменьшились, а овал лица стал четким, и она была бы очень симпатичной. Возможно, в тот момент, когда они познакомились с Эллой, Ирина была значительно стройнее. Ведь, как я говорила, Элла падка на внешность, даже когда дело касается дружбы, а не любви.

— Да ну! — шокированно произнесла она.

— Ага. Цитирую: «Уезжай, не то хуже будет».

— Ни фиги се!

— Как думаешь, это связано с Наташей?

Ирина задумалась.

— Не знаю. Кто бы мог так озлобиться на тебя из-за той истории? Если только Сашка...

— Что? Сашка? — удивилась я. — Нет, это не он.

— Почему?

— Потому что мы с ним обсуждали это, я показывала ему записку даже.

— Ты говорила с ним об этом?! Ты с ума сошла!

— Но почему?..

В этот момент я услышала шаги и повернулась к двери. На кухню зашел недовольный Сергей Петрович.

— Девочки, быстрее можно? Только вас ждем!

Я отставила чашку, так как завтракать уже не хотелось. Ирина сунула крекер в рот и стала жевать всухомятку, пока мы, подгоняемые Макаровым, шли следом за ним по длинному коридору к двойным дубовым дверям. Оказалось, что это библиотека. Не такая, как показывают во всяких фильмах про Гарри Поттера (и снова он пришел на ум), но тоже большая. Я имею в виду не коллекцию книг, а само помещение. Высокие темные стеллажи под потолок стояли только вдоль одной из стен. Остальное место занимали столы, обыкновенные, письменные, стоящие друг за другом, как парты в школьном классе, а в центре большой площадки был водружен настоящий рояль. Неужели мне придется играть на нем?.. Да нет, не может же он заставлять молодежь осваивать музыкальные инструменты. Элла не умела играть, это точно, поэтому я вполне безопасно для себя могу отказаться.

Страх, едва появившийся, тут же угас, потому что за рояль сел сам Сергей Петрович. Это хорошо. Лучше буду слушать кого-то другого, чем выступать сама. Это у меня с детства. Мама пыталась нас отдавать в различные кружки, но тогда как Элла была бездарна, хоть и стремилась блистать, я же, едва обнаружив у себя какой-никакой талант, стремилась его спрятать. Выступать для кучи людей — это ужасно. Даже в школе я всегда хуже отвечала у доски, чем с места.

— Уже четыре года у нас проходят творческие вечера и концерты самодеятельности в честь Яна Павлецкого. Надеюсь, никому не нужно объяснять формат сегодняшней репетиции. В среду будет концерт, не обещаю Петракова, но Шевченко точно будет, я с ним сегодня созванивался.

Все ахнули одобрительно-восхищенно, а я мало того что не знала этих людей, так еще и была раздавлена информацией о том, что будет «концерт самодеятельности», в котором мы все будем участвовать. Да, я читала приглашение, видела программу съезда, но почему-то, впервые увидев слово «концерт», я ожидала, что выступать будет какой-нибудь местный ансамбль, а то, чем мы заниматься будем в доме, это что-то «внутреннее», «для личного пользования». Запишут видео и будут друг другу высылать. А теперь оказалось, что все реально, что каждый из нас должен будет выступить перед другими людьми на концерте в

честь 30-летия рэпера! То есть всем заранее высылали тексты каких-то песен, которые нужно выучить? И я сейчас опростоволошусь, да? Ах, нет, все еще хуже. Саша ведь сказал «придумывать». То есть мы должны были приехать с заготовками! Боже, я впервые не сделала домашнее задание... Почему же на почту Элле никто ничего об этом не написал?

Потому что она знает, что такое «репетиция» субботним утром и «концерт самодеятельности», на который, как водится, приезжают какие-то спонсоры и прочие важные лица. Случайных людей здесь, скорее всего, не бывает.

— Хочу напомнить, что у нас дружелюбная атмосфера. Никто не высмеивает чужое выступление! — От меня не укрылось, что Сергей Петрович при этих словах одарил особенным взглядом Тимура. По всей видимости, что-то эдакое было от него в прошлый раз. Не мудрено. — И когда я что-то говорю, я не критикую, *асоветую*. Но принимать мои предложения или отвергать — дело каждого. Итак, приступим. Кто у нас первый? Хм... — Он обвел глазами «класс», сидящий за «партами», в поисках жертвы. Боже, я вернулась в школу. Ну почему, почему это обязательно должно быть выступление у доски вместо привычного тестирования или хотя бы диктанта?.. — Мила! — «Жертва» была найдена. — Ты не хочешь начать? Я знаю, ты долго готовилась.

Мила помедлила немного, словно собираясь с духом, но поднялась и вышла на площадку перед столами.

— Песня называется «Я видел всё».

— Отлично. Начинай.

Мила стала читать рэп, будто делала это всю жизнь. Боже, я так не смогу никогда... Выступала она довольно долго. Я могу понять, как можно выучить такую большую песню, мы все-таки и не такие объемы в школе учили и пересказывали «близко к тексту» (того же «Ужа и сокола», например), но как можно ее написать?..

Пока Сергей Петрович давал советы, что исправить к сегодняшнему вечеру, я подалась к Ире, с которой сидела за одним столом.

— Саша думает, что это может быть Мила.

— Победителем? — уставилась она на меня в изумлении.

— Каким победителем? — не поняла я. Господи, у них тут еще и конкурсы, надо полагать!

— Ну, на концерте же грамоту дадут... Преданному поклоннику от Фонда Яна Павлецкого! Но это обычно тому дают, кто завершает концерт, его Макаров должен выбрать.

— Да нет, я про записку с угрозами!

— Девушки, — призвал нас к порядку Макаров. — Если у вас тоже советы по тексту песни, придуманной Милой, прошу высказаться, только на этот раз громко, чтобы слышали все!

Мы переглянулись. Как в школе реально. Или как в детском саду.

Но ответил за нас другой человек.

— У меня есть предложение! — Тим даже с места встал. А сидел он, кстати, с Сашкой. Алена была в одиночестве за следующим столом. Мила, понимая, что сейчас последует новое издевательство, видимо напряглась. — Вместо «Новости принес» — «И пробрал его по...»

— Так! — остановил его Петрович, пока роковое слово не было произнесено. — Я думаю, достаточно советов для Милы.

Тим пожал плечами, мол, хотел как лучше, и сел на место, а Сергей Петрович отпустил

Милу. Она даже возвращаться не стала к нам, собрала черновики и выбежала из библиотеки — дописывать, наверное.

— Элла! Ты не хочешь попробовать?

— Но... я...

— Ты и в прошлый раз отнекивалась. Говорила, что ты бездарна и что якобы все так говорят про тебя.

У меня сжалось сердце.

— Серьезно? Я не помню.

Оказывается, у моей сестры тоже были комплексы — как у любого нормального человека. Передо мной она хорохорилась, выпендривалась, высмеивала всех подряд, но только лишь затем, чтобы не показывать свои собственные слабые места. «Все так говорят». Мы часто обсуждали с родителями ее странное желание добиться известности. Она постоянно требовала, чтобы ее записывали в разные кружки. Но это было лет до тринадцати, потом, как я говорила, она пошла по другому пути. Но пару лет мы даже отходили на бальные танцы, а еще пытались попасть в художку, но нас не взяли — таланта нет. Но это бог с ним, я это знала и не стремилась стать художницей. А вот петь я любила. И некоторые — самые близкие, для других не пою — говорят, что у меня потрясающий голос. Элла дико бесится по этому поводу и запрещает мне петь. А я... без нее я бы просто не могла пойти на какой-нибудь конкурс вроде «Фабрики звезд» или «Народного артиста», или что там у них еще... Я бросила все эти передачи, когда точно поняла, что это не мое. Не в плане пения, а в плане эстрады, поклонников, известности и так далее. Тем более потом я полюбила тяжелую музыку, а на таких конкурсах обычно требуют исполнять попсу.

— Ну а мы все помним, — показал Макаров рукой на других, и все закивали. — Ты обещала, что в следующий раз обязательно будешь участвовать.

Ага, она обещала! Как будто знала, что выполнять ее обещание буду я!

На негнущихся ногах я потопала в центр площадки. Господи, лучше провалиться... Вот бы у меня было какое-то устройство, портативная машина времени или пульт как в фильме «Клик». И я бы нажала, и уже все, кошмар закончился, я сижу на своем стуле возле Иринки и слушаю других. А на меня никто не смотрит. Все как я люблю.

Вся проблема в том, что я не знала никаких песен. Я знала много стихов наизусть, но не читать же им Лермонтова? Тем более вдруг окажется, что кто-то знает эти стихи? Вряд ли в этом конкурсе самодеятельности высоко оценят плагиат. Хотя что я вру, я знаю очень много песен, но из любимых жаров музыки, то есть тяжелых, и все — на английском, которым я владею почти в совершенстве. Англичанка наша мне доверяла даже проверять домашку вместо нее. Надо придумать только, как этим воспользоваться.

— Итак, напоминаю задание. Песня, которую, по твоему мнению, мог бы написать Павлецкий, если бы дожил до сегодняшнего дня.

— Да, я поняла. Песня называется «Непрощенный».

— Отлично. Все замолчали! Слушаем Эллу.

— Что я испытал, что я узнал... Не будет света в том, что я показал... Никогда не видеть, никогда не быть... Что могло бы быть, то может сердце разбить... — пела я, представив себя Джеймсом Хэтфилдом. — Что я испытал, что я узнал... Не будет света в том, что я показал... Я не был свободен, я не был собой... Я непрощенный — от рождения такой! — Было у меня небольшое хобби — рифмовать налету. Вспоминать текст песни, переводить мысленно на русский и одновременно рифмовать — довольно тяжелая задача,

скажу я вам. Я быстро выдохлась. — Дальше я пока не дописала... — призналась я, скромно потупив глазки.

— Элла, это потрясающе! — с восторгом выдал Петрович. — Думаю, я смогу тебе аккомпанировать. — Макаров взял пару аккордов, подтверждая свои слова. — И ты говоришь, что у тебя нет талантов? Ты серьезно? Кто внушил это тебе?

За партами тем временем царила шокированная тишина. Мне бы поблагодарить бога за эти тридцать секунд триумфа, но я все еще хотела перемотать время и быть «отпущенной», как и Мила, и вот наступило будущее. К сожалению...

— Я дико извиняюсь, — вклинился в поток красноречия Макарова Сашка, — это что, *Metallica? The Unforgiven?*

Боже, мне конец... Ну откуда среди поклонников Яна Павлецкого, русского рэпера, фанаты «Металлики»? Ну как я могла догадаться? Лучше бы Лермонтова читала...

— Ну, перевод очень вольный, скажу я вам! — несся все дальше Саша, сложив руки на груди и откинувшись на спинку стула, глядя на меня с садистическим удовольствием. Было бы побольше пространства от стула до стола, он бы на последний свои ноги положил, как пить дать — настолько он довольный и расслабленный.

— Ну ты же все-таки узнал! — зарычала я в ответ, борясь с желанием броситься на него и расцарапать эту симпатичную физиономию до крови. — Значит, не такой уж вольный!

Боже, как я его ненавидела в ту минуту... Ну узнал ты текст песни, точнее не так: ну понял ты, что это перевод, ты промолчать не можешь? Ну кому от этого хуже? Я уверена, узнай об этом Джеймс Хэтфилд, он бы не обиделся на то, что я перевела его песню на русский язык и исполнила на каком-то драном концерте в какой-то отсталой деревне, на который явятся три калеки! И в суд бы тоже не подал: концерт благотворительный, я с этого никаких денег не получу!

— У-у, — протянули Алена и Тим. — Плагиатом пахнет!

— Тихо! — прикрикнул на них Петрович. — А вы знаете, что до того, как стать рэпером, Павлецкий выступал в рок-клубах и исполнял каверы... угадайте на кого?

— На Пугачеву! — Тимур сам заржал над своей шуткой, аудитория ему была даже не нужна.

— На классиков рока и металла. В том числе на «Металлику». Вы представляете, какую работу проделала Элла? Она собирала информацию о кумире по крупицам! Мало кто знает этот примечательный факт из биографии Павлецкого! Теперь я понимаю, почему у нее ушло на это столько времени! Bravo! — Он снова хлопнул в ладоши. — Это ведь отсылка к началу его творческого пути. Концептуально — к началу любого творческого пути, ведь все ныне известные люди с чего-то начинали, искали себя, свой истинный путь. И находили себя через творчество других. Благодарю тебя, Элла. Ты будешь завершать концерт. Только нужно будет дописать еще строк шестнадцать... Покажешь мне вечером.

— Хорошо.

С триумфальным лицом я вернулась за стол, одарив по пути высокомерным взглядом Александра. Будет знать!

Я хотела высидеть всю репетицию, чтобы попутно пообщаться с Ириной — шепотом, конечно, иначе не выйдет, — но она уткнулась в свой текст, то ли заучивая, то ли повторяя его, потому что, вызвав теперь Тимура, Сергей Петрович назначил Иру следующей. Тогда я подумала, что сейчас отличная возможность переговорить с Милой, а когда Ира освободится, уже с ней. Жалко, что я не смогу сидеть и глумиться над выступающим Тимом,

а потом и Сашей, но расследование первично, с личной мстью можно подождать.

Отпросившись кивком в сторону двери, я по-тихому слиняла. Не знаю, правильно ли я считала ответный кивок Петровича, возможно, он кивал вовсе не мне, но никто меня не останавливал.

Поднявшись по лестнице, я решила сперва зайти в свою комнату. И была ошарашена увиденным. Все мои вещи — кувырком! Рюкзак распотрошен, постельное белье на полу, даже наволочки сняты с подушек, матрас приподнят с кровати и сдвинут в сторону, дверцы шкафа открыты, ящики выдвинуты. Что-то оставалось внутри, что-то валялось, раскиданное по полу. Что у меня искали? Или это акт устрашения? Или просто маленькая гадость, чтобы я потратила время, собирая свои вещи и перестилая кровать. Кстати, нужно потребовать новый комплект постельного белья, кто знает, какими руками это трогали, да и поднимать это все с пола, пусть и с чистого ковролина, тоже не комильфо... В то же время как я объясню это хозяйке? Бедная старушка, я даже на женские дни сослаться не смогу: вряд ли она помнит, что это такое...

В следующий момент меня пронзила острая, как лезвие заточенного ножа, мысль. Паспорт! Точно ли я его с собой не брала? Есть у меня привычка таскать везде документы, всегда иметь их при себе. Это еще с того раза, как маме стало плохо. Я вдруг подумала, что если упаду в обморок на улице, или лишусь памяти, или сразу в кому впаду, или грузовик меня на смерть переедет. Пока найдут, кто я и что я... А так, есть паспорт с именем и пропиской. Я живу именно по прописке, как и, наверно, большинство людей, поэтому моих близких быстро найдут. Да, знаю, что есть для таких целей телефон, но он может разбиться при падении, например, или его могут украсть до того, как меня найдут люди, действительно желающие оказать помощь. И вот, продумав свой хитрый план выдать себя за сестру, я догадалась, что иметь при себе документы в этом случае — весьма дурацкая затея. Но что если сунула машинально? Рюкзак я взяла, кстати, Элкин — конкретно тот, с которым она ездила сюда в мае, это я точно помнила, так что остаться в каком-то кармане по забывчивости мой паспорт никак не мог.

В общем, пройдясь по всем вещам, паспорта я не нашла. Вроде я должна радоваться. Но если я все-таки машинально его сунула, то из этого следует, что преступник его украл.

Но самое интересное в том, что сделать это мог далеко не каждый. Мила — первый кандидат. У нее было достаточно времени после ее выступления. В тот момент, когда я завтракала внизу, теоретически тоже могли все, кроме Иры и Тони. Хотя и Тони мог бы — если прямо-таки бегом, потому что после его ухода мы не так уж долго сидели с Ирой до прихода Петровича за нами. Когда мы зашли в библиотеку, все остальные были на месте. Вряд ли Макаров отправился нас искать, если бы еще кто-то отсутствовал в тот момент. Тем более он так и сказал «только вас нет». Есть еще бабушка. Да, у нее комната на первом этаже, но что ей мешает подняться? Старушка-то бойкая, не хромает, не кряхтит. Только вот мотивов у нее не предвидится. Мы все здесь с ее согласия. Меня (то есть Эллу) могли просто не приглашать на этот раз, и все. Это же относится к Макарову. В теории он мог прошманать мою комнату, зная, что я завтракаю, а потом явиться на кухню в притворном возмущении, но зачем присылать приглашение от имени Фонда? Нет, если кто-то не хочет видеть меня здесь, то это один из ребят. Леонеллы, кстати, сегодня на репетиции не было вообще. И про ее отсутствие Макаров ничего не сказал, а ведь она ночевала здесь, я же слышала вчера, как ей выделили комнату на первом этаже. Появилась вся такая таинственная прямо перед «Ночью страшилок». Кто она? Что она? Хотя я и не склонна к предрассудкам, но рэп обычно

любят подростки и молодежь.

Короче, решено. Сперва разбираемся с Милой, затем спускаемся на первый этаж к Леонелле.

Выйдя из комнаты, я стала яростно барабанить во все двери подряд — кроме Сашиной, санузла и Ириной, разумеется. Одна из них отворилась.

— Че надо? — строго спросила Мила.

Я уверенно протаранила себе путь внутрь ее спальни.

— Куда?.. — только и сумела она вымолвить.

— Что ты искала в моей комнате?

— Что? В смысле?

— В том смысле, что ты перевернула все вверх дном! И это именно ты, так как остальные все еще на репетиции! — тут я лукавила, ведь я уже установила, что это могли сделать другие люди. Но мне казалось, что именно таким путем — агрессивным — я быстрее добьюсь от нее правды.

— Полоумная! Сама насвинячила, а я виновата!

— Что? Насвинячила? — Я даже рот открыла от этакой белиберды. — А ну идем!

Не ожидая, впрочем, что она пойдет следом за мной, я схватила ее за руку и повела к себе. Мила сперва сопротивлялась, но, видимо, любопытство взяло вверх, и вторую половину пути до моей двери она проделала вполне бодро, едва меня не обогнав.

— Ого! — Милка присвистнула даже. — Это кто? Ты что, лунатик?

— Это не я, очнись! Когда я уходила на завтрак, этого не было! Кто-то что-то искал, сечешь?

— А с чего ты взяла, что это я?

— Господи, я же говорю: ты первая ушла с репетиции!

Милка хмыкнула и скрестила руки на груди с выражением интеллектуального превосходства на лице.

— Вот ты, Элка, как была тупая, так и осталась. Сама же сказала, что ушла на завтрак, а оттуда сразу в библиотеку.

— Да, но все сидели уже на месте!

— А вот и нет! Тимур выбегал из библиотеки где-то минут за десять-пятнадцать до начала. Уж не знаю, завтракала ли ты уже в это время. А вот Тоша наш вообще за секунду до вас с Петровичем забежал.

— Он ушел с завтрака гораздо раньше, — вспомнив, поделилась я.

— Вот-вот, так что не надо тут! Чуть что, сразу Мила! Я что вам, козел отпущения? Мало мне предков... — пока на меня выливался ушат экзистенциального подросткового бреда в стиле «меня никто не любит, пойду утоплюсь в пруду», я усиленно размышляла, особо ее не слушая, затем перебила.

— Мила, но ведь главное в таких делах — мотив. И он есть только у тебя.

— Что? Какой же это? — В глазах плескалось искреннее недопонимание.

— Ну как же, ты ведь еще дуешься на меня за... ну... это... — Я внимательно смотрела на нее, надеясь, что хоть она прояснит ситуацию. Что это за розыгрыши? Что Элла делала с этими людьми? — Ну ты знаешь! — взмолилась я, подняв лицо к потолку.

— Знаю, — хмыкнула она одним уголком губ. — Просто пытаюсь понять: неужели ты решила извиниться? Это что, конец света?

— Да, Мила! Мне очень-очень жаль! — А еще мне очень жаль, что я не имею ни

малейшего представления о том, за что извиняюсь. — Поверь мне.

— Элка, ты ли это? — нахмурилась девушка.

— Да я, я... Просто... кое-что случилось дома, и я немного изменилась. Посмотрела на себя со стороны, так сказать. — Я же должна как-то объяснить, откуда во мне такие перемены. Вот это будет официальной, так сказать, версией. На нее все и спишем.

— Родители, что ль, отодрали наконец как сидорову козу? — с надеждой спросила она.

— Да, и это тоже, — не стала я спорить. Милка заржала в экстазе. — А теперь скажи мне: ты устроила погром здесь? И записку подсунула с угрозами?

— Я же ска... чего? — Она начала отвечать еще до того, как я добралась до записки. А теперь неподдельно удивилась.

Я снова предъявила послание. Не его ли, кстати, искал злоумышленник? Понял, что оставил отпечатки? Или хочет, чтобы все считали меня сумасшедшей или выдумщицей? Не знаю, короче, чем он руководствовался, но вполне мог именно в этих целях все здесь перевернуть. Как хорошо, что в Эллиной кожаной юбке предусмотрены карманы...

Милка изучала едва ли внимательнее, чем Сашка. Однако ее вердикт меня поразил еще сильнее.

— Вот он, — кивок на смежную с Александром стену, — больше всех, должно быть, недоволен твоим приездом. Вот туда и направляйся с вопросами! А меня больше не трогай.

— Погоди, но... — И ведь Ирина тоже предупреждала... Неужели я спелась с врагом? — Я его уже спрашивала, он не знает, кто прислал письмо.

— Ага, я же говорю: идиотка! Так он тебе и скажет...

Напоследок закатив глаза, мол, вот дура, Мила покинула мою опочивальню. Через минуту после ее ухода у меня появилось новое сообщение на форуме (я поставила мгновенное оповещение). В ответ на мой прошлый набор символов Зайчик2020 ответил: «Не там копаешь».

До обеда я работала над переводом остальной части песни группы «Металлика». Я не имела представления, как выйду на концерте выступать, да еще и завершающей, как будто я какая-то звезда первого эшелона. От одной мысли об этом я начинала мандражировать. Но я не могу отказаться, чтобы не навлечь на себя подозрений. Это я социофоб, затюканный, скромный, закомплексованный человек, а не Элла.

«В то же время именно Элла в прошлый раз отказалась выступать», — вспомнила я. Да, но это было связано с ее уверенностью, что у нее нет талантов, а не с боязнью выступать в принципе. Одно дело страх, и совсем другое — бессмысленность некоего деяния.

В два часа в дверь постучали. Так как моя спальня находилась прямо над кухней, а я сидела в тишине, до меня доносился далекий звон посуды, и, открывая дверь, я так и полагала, что кто-то пришел звать меня на обед.

Тони. Опять.

— Элька, обедать!

— Хороший у меня тайм-менеджер, — улыбнувшись, покивала я.

Так как я не переодевалась, я хотела уже выходить, но тут Антон заметил что-то через мое плечо.

— У тебя мамонт погулял?

Даже не спрашивая разрешения, парень зашел в мою спальню.

К своему стыду, я заправила только постель (решила использовать это же самое белье, все равно сплю в пижаме, почти целиком закрывающей тело, да и ковролин был чистым) и убрала какие-то вещи, но далеко не все. Мне казалось, что это может подождать. Тем более был еще один подозреваемый, которого я хотела завести в спальню и продемонстрировать этот бардак.

— Да, меня, как видишь, обыскали.

— Кто?!

— Полиция приходила. С собаками. Искали наркотики.

Он повернул ко мне удивленное лицо, затем закатился истерическим хохотом, поняв, что шучу.

— Ну ты даешь, Элька. Кому-то сильно насолила, видать.

— Видать, — не стала я спорить. — Ну что, идем? — кивнула я на коридор, видимый через приоткрытую дверь.

— М-да... Кстати, меня бабка послала. Сегодня субботник, и на нас возложили те же дела, что и в прошлый раз. — Он понизил голос, заговорщицки приложив ладонь ко рту ребром — явно дурачась: — Очень ей понравилась наша работа!

Я пару секунд подумала над тем, опасно ли уточнять, все же спросила, нахмурившись (мол, память девичья):

— Какая?

— Как — какая? Окна мыть в бане!

— Ах, да, окна... Терпеть не могу мыть окна! — вспомнила я Элли и ее нелюбовь к чистоте и порядку. Особенно к мытью окон и полов.

Тони заржал.

— Да, помню, как твое окно перемывал. Но в этот раз не буду. Каждому по окну. Еще полы там надо будет помыть.

— Короче, вся баня — наша! — подытожила я, когда мы наконец вышли в коридор и направились к лестнице.

— Да, как и в тот раз.

Идя на кухню, я только диву давалась, как замечательно устроились некоторые люди: и три тысячи берут, и перемывать все постройки заставляют. Не могу себе представить, чтобы это происходило в каком-нибудь отеле.

Вслух я не стала этого говорить, потому что не знала истинного отношения Эллы к таким обязанностям (может, она дома убираться не хочет, а тут первая бежит), однако спор все равно поднялся за обеденным столом, когда все мои мысли на сей счет высказала Мила.

— У каждого свой фронт работ, что ты выеживаешься? — высказалась Ирина. — Мы просто помогаем бабушке нашего кумира! Она старенькая и не справляется сама.

— Ага, ну на деньги, что он ей оставил, может и профессиональную помощь нанять! Элка, ну что ты молчишь? — внезапно обратилась она ко мне.

Ага. Если даже мой недруг ко мне обращается, как к союзнику, стало быть, Элла была на ее стороне все это время.

— Она уже смирилась, — хохотнул Тимур. — За пару-то лет.

— Я тоже против, но что с того? — аккуратно ответила я, пожимая плечами. Вроде и протест, но не сильный, чтобы не выделяться.

— Сказать! Давайте все подойдем, чтобы не как в тот раз, только мы с Элкой! А вы типа и рады стараться! Конечно, нас двоих он отчитал!

— Он? — не поняла я. Она же вроде о бабушке Павлецкого говорила?

— Да, Макаров! «Даже не думайте к ней с этим подходить, не обижайте пожилого человека!» — передразнила она. — Не помнишь, что ли? — накинулась она на меня. — Как будто мы тут самые отпетые мрази.

— Еще бы он что-то другое нам сказал, — кивнула я, якобы вспомнив.

— Ну и что конкретно ты предлагаешь? — спросил Саша серьезным тоном. — Услышать от него все то же самое, что и в прошлый раз?

— Нет, я предлагаю пойти к бабке! Он же ей напел, якобы мы сами вызываемся каждый раз «помогать». А Элке вон у себя еще прибираться после погрома! И вообще у нас выступление на носу. Она поймет, что мы не за этим здесь.

— Я не понял про погром, если честно. — Саша обратил взор своих внимательных светлых глаз теперь уже на меня. — Что случилось?

Я вздохнула и закатила глаза. Ну зачем она рассказала?

— Ей всю комнату разнесли, не слышал, что ли? — ответила за меня все та же Мила и нервно сдула черную челку со лба.

— Что? — Он снова посмотрел на меня. — Как это? Почему ты молчала?

— Ой, ну какая тебе разница? — надулась Алена и положила ему руку на локоть. — Сама устроила, чтобы внимание получить!

— Это ты прямо из штанов выпрыгиваешь, чтобы чье-то внимание получить, — язвительно заявила я, выделяя слово «чье-то», чтобы до каждого дошло, кого я подразумеваю. — А я и так получаю все, что мне нужно.

Пока она сидела с разинутым ртом и под хохот некоторых трапезничающих пыталась придумать достойный ответ, я встала и быстро вернулась к себе. Не буду возвращаться на

кухню, хоть и не успела толком поесть. Подожду, когда Тони закончит, и отправлюсь сразу в баню.

«Иди в баню!» — придумала я за Алену отличную ответную реплику, но она, конечно, не догадалась. Я же развеселила сама себя, хмыкнула, а потом подумала об Элле. «Из штанов выпрыгивает» — это ее любимое выражение. Она слышала как-то раз его еще давно от какой-то тетки то ли в магазине, то ли в кинотеатре. Контекст был совершенно приличный, кто-то так сильно злился, что ему чего-то не досталось, аж «из штанов выпрыгивал» — вроде того. Я тоже слышала, но уже не помню подробности. Но Элла чаще использовала в контексте «давалок» и кобелей. Хотя сама тоже не особо воздерживалась, к сожалению... Так или иначе, но фразочка пришлась ко двору. Если они уже слышали это от нее не раз, то я прочно смогла укрепить свое положение.

В дверь постучали. Я решила, то это Антон, и открыла, даже не спросив ничего. Однако это оказался Александр.

— Тебя обыскали? — спросил он опять, будто Мила все это выдумала, и прошел без спроса в спальню.

— Как видишь, — показала я рукой.

— Что-то пропало?

— Не знаю, — пожала я плечами. — А почему ты спрашиваешь?

— В смысле ты не знаешь? — проигнорировал он мой вопрос. Походил, посмотрел по сторонам, наклонился и подобрал валяющуюся книгу. — Гюго?!

Черт... Повела любовь к бумажным книгам.

— Да, нам задали, — нашлась я.

— Задали? Ты же школу окончила в этом году. Что, в вуз уже умудрилась поступить? — хмыкнул он. — А ведь не собиралась...

Надо же! Элла и это ему рассказала!

— Ты думаешь, наши сходки в этом доме — единственное развлечение для меня? — Я высокомерно покачала головой, мол, какой ограниченной ты меня считаешь. — Я — член книжного клуба у себя в городе.

— С каких пор? — прыснул он и тоже покачал головой — в недоверии, продолжая ходить по комнате и глазеть по углам. Томик «Отверженных» пристроил на стол.

— Уже месяц как! — Называть больший срок — чревато. Я же не знаю, с кем из них как часто она общалась на форуме. Сообщения вполне могла и удалить.

— Ну и как тебе? — он откровенно смеялся.

Меня это бесило. Чтобы его подразнить, я заявила:

— Книги — скукотища смертная, а вот мальчик там есть симпатичный! Ради него и терплю!

— А, — закивал он, — ну теперь понятно. Ладно, убедить тебя съехать у меня все равно не выйдет, ты упрямее с каждым днем. Разбирайся со своими недругами сама. Но я бы посоветовал быть осторожнее.

— Не переживай, у меня есть персональный ангел-хранитель. Мы с ним идем сейчас мыть баню. И, видимо, это на целый день, так что сегодня со мной уж точно ничего не случится.

— Ты про Тошку, что ль? — хмыкнул Саша надменно, почти брезгливо даже. — Телохранитель из него так себе. Но я буду неподалеку. Бабка дала мне задание спилить парочку деревьев на краю участка, с вашей стороны. Если что, ори погромче. — Он криво

ухмыльнулся, мол, не воспринимай мои слова всерьез, и ушел.

Но я не поддавалась на эти неумелые ужимки и усмешки. Я сразу поняла, что у меня теперь аж целых два персональных ангела-хранителя.

Баня показалась огромной. «Мы все это должны вымыть?!» — едва не воскликнула я. Элла все-таки видела строение изнутри не один раз. Однако, пораскинув мозгами, я поняла, что, как городской житель, настоящую баню в принципе вижу впервые в жизни, и, возможно, они все такие. А ведь есть бани с бассейном... Эти, правда, городские или санаторские, но тем не менее я про это слышала, хоть и не посещала. А здесь из помещений всего лишь предбанник и сама баня, по размеру примерно одинаковые. Просто странно, для чего одному человеку столько полок, к примеру. Видимо, Павлецкий, когда заказывал баню, рассчитывал, что не будет тут париться в одиночестве. Человек восемь тут бы разместились легко.

— Чего сморщилась? — весело сказал напарник, заметив выражение моего лица. — Понимаю, ты этого всего не любишь. Давай в этот раз окнами занимаюсь я, а ты полы мой.

— Полы?

— Ну да. В прошлый раз я твое окно перемывал за тебя. Лучше сразу сделаю как надо. А полы — черт с ними. По ним не так хорошо видно, насколько старательно их мыли, сечешь? — И он мне подмигнул.

Отлично.

— Ты мой ангел-хранитель, — поделилась я догадкой, которая пришла мне на ум раньше.

— Нет, я твой тайм-менеджер! — хохотнув, поправил Тони. Сразу после его слов двор прорезал звук бензопилы. — Боже, что это? — крикнул он, чтобы я могла услышать.

— Это Сашка!

Тони выглянул из бани, посмотрел по сторонам, наконец заметил его. Кивнул сам себе.

— Точняк... Ну что, принялись?

— А? Что? Не слышу!

— Да-да, так я тебе и поверил! А ну взяла тряпку с ведром — и вперед!

Я засмеялась. Филонить не вышло. Что поделаешь...

Я набрала в ведро воды и принялась за дело. В какой-то момент действие меня так увлекло (будем откровенны: не действие увлекло, а мечты-фантазии, в которые я привычно окунулась, как и всегда, когда нужно заниматься неприятной или рутинной работой), что внезапный звук, громкий, странный и непривычный, едва не подарил мне инфаркт.

— Что это? — спросила я Тони.

— Ты о чем?

— Я о звуке.

— Звук как раз пропал! Этот пижон ушел на перекур. У меня уже башка раскалывается от этой пилы.

— Да нет же, не звук пилы. Что-то другое...

— Может, скрип? — кивнул он на дверь в баню. — Я закрыл, чтобы меньше слышать этот кошмар. Раньше смысла не было, ведь окна были открыты. А сейчас я уже с внутренней стороны мою. Вот и закрыл дверь.

Я встала, размяла затекшую спину и подошла к двери. Открыла ее. Закрыла. Да, это он.

Этот скрип звучит очень странно, непохоже на другие двери.

— А знаешь, на что это похоже? — закончила я свою мысль вслух.

— На что?

Я снова открыла дверь, чтобы продемонстрировать.

— На ржание коня! Помнишь, как в заметках Павлецкого?

— Да ну? — Тони удивился моему открытию и подошел к двери. Закрыл. Открыл. Закрыл. — М-да, реально похоже.

Тони вернулся домыть окно, а я так и стояла возле двери, задумавшись.

— Ты собираешься полы домыть?

— Собираюсь. Я просто подумала... Что если Павлецкий не был под действием наркотиков? И это не слуховая галлюцинация?

— Намекаешь на то, что кто-то ходил ночами в его баню?

— Да! Он говорил про отдаленный звук. Если он жил в гостевом доме, да еще и с закрытыми окнами, то звук был бы немного приглушенный. Но все равно слышимый, ведь на фоне ночной тишины любой шум разносится очень далеко.

— Ладно, признайся: ты это все выдумала, чтобы не домыть пол!

— Да иди ты! Я такую тайну раскрыла, а ты!..

Он фыркнул, мол, ерунда какая, и вернулся к окнам. А мне пришлось вернуться к полу. Тони закончил первый, взял свое ведро и вышел, а я в этот момент сидела на полке, прижавшись ноющей спиной к стене, и пыталась сопоставить известные мне данные. Пользуясь тем, что осталась в помещении одна, я снова подошла к двери и стала ее открывать и закрывать. Каждый раз звук напоминал ржание кобылы.

— Что ты делаешь? — заметил мои телодвижения Александр, проходящий мимо бани с пилой в руках.

— Звук ничего не напоминает? — накинулась я теперь на него. И повторила движение дверью.

— Да. Похоже на мерзко скрипящую дверь. У меня дома тоже скрипела, пока я ее не смазал.

— Ты дурак, что ли? Не слышишь? Это ржание коня! — Я еще раз пошевелила дверь. — Как в заметке Павлецкого!

Саша нахмурился.

— А вообще... что-то в этом есть. — Он даже пилу положил на землю и подошел ко мне. Наконец-то! Хоть кто-то мне верит!

— Согласись, это странно.

— Ну да, — подтвердил он, повторив самостоятельно фокус с дверью. — Ты думаешь, именно этот звук пугал его по ночам?

— Не знаю, — смутилась я. Догадка, сверкнувшая в моей голове минутой ранее, уже казалась глупостью. — Просто тяжело поверить, как человек не опознал звук собственного здания. Он что, днем сюда не ходил?

— Плохо помнишь биографию Яна, — поругал меня Саша, — хоть и знаешь начало его карьеры про его выступления в рок-клубах. Баня была закончена лишь в сентябре. Ведь он хотел попариться на день рождения и друзей созвать, но в итоге отмечал в ресторане своего приятеля, потому что ее закончить не успели. Это был его последний день рождения, поэтому об этом много где написано. А звуки, судя по журналу, он слышал в июне.

— Что же получается? Что это не дверь бани была? Раз самой бани еще не было.

— Нужно выяснить, когда ее начали строить. Это дело не одного дня и не одного месяца. Сама понимаешь. Когда ты делаешь что-то сам или тщательно контролируешь процесс, то работа пойдет быстрее. А Павлецкий был далек от этого, как и любой творческий человек. Он просто давал деньги, и все.

— Гораздо выгоднее строить как можно дольше! — догадалась я.

Он посмотрел на меня с удивлением, видать, не ожидал, что я так быстро соображу, и готовился долго объяснять.

— Именно. То это не то, то другое не то, то третье не так. То один материал не подошел, то другой. То нужно пождать, когда лак высохнет. И так далее. Если он платил им по дням, а не только за законченный проект, то они могли растягивать удовольствие, так сказать. Учитывая, сколько строился гостевой дом, — кивнул он в сторону двухэтажного желтого здания, откуда мы все пришли, — я склонен верить именно в эту версию.

— И замок...

— Да, и замок. Здесь еще сложнее, так как такие вещи делаются строго через архитекторов. Это баню-сруб может воздвигнуть простой строитель. Но люди склонны нанимать тех, с кем они уже имели дело, даже если не полностью удовлетворены их работой. Это свойство психики. Эффект знакомства и иррациональная эскалация — вроде как-то называется это когнитивное искажение.

Понятие когнитивных искажений и когнитивного диссонанса было мне знакомо, посему я кивнула. Саша, казалось бы, удивился, что я ничего не переспрашиваю, но язвить по этому поводу не стал.

— А как можно выяснить, когда эта дверь появилась здесь?

Он пожал плечами.

— Конкретно про дверь — никак. Обычно делают проем, а установку двери оставляют на самый последний этап работы. Но можно выяснить, когда строительство в принципе началось.

— Как?

— При помощи финансовых документов. В таких случаях обязательно идет авансовый платеж. И договор заключают заранее.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я же на финансовом учусь, забыла?

— Ах, ну да...

Он снова одарил меня подозрительным взглядом, но ничего не сказал. Неужели это была проверка? Вот будет ужас, если выяснится, что он учится на дизайнера какого-нибудь. Или что Элле он об этом никогда не говорил, а я тут такая «ну да». В то же время, для того чтобы затевать такие проверки, ты должен быть уверен, что сестра-близнец в принципе существует, как я уже говорила, иначе это все какой-то бред. На амнезию меня проверяет, что ли? Но остается маленькая вероятность, что как раз ему Элла рассказала про меня... Я ведь так и не выяснила, в каких они были отношениях. Плохо, очень плохо... Лучше с ним больше не общаться.

— Ладно, ты забудь обо всем. Это я от скуки!

Сказав это, я схватила ведро, чтобы его вылить за пределами бани, однако Александр решил проявить свою джентльменскую сторону.

— Стой! Тяжелое. Дай мне.

Я вынула мокрую тряпку и отдала ему ведро. Тряпку сполосну в ванной и повешу

сушиться. А то бог знает, выбрасывает ли бабка половые тряпки, скорее всего, она экономит на всем — просто потому, что пожилая, они все такие.

С этими мыслями я отправилась в дом, а когда вернулась на участок, услышала гудок телефона. Сперва я развесила тряпку на протянутых между деревьями веревках, затем уже потянулась к сотовому.

Уведомление о новом сообщении на форуме. Ощущая, что сердце забилось быстрее, я поскорее его открыла.

Всего одно слово. «Теплее».

Вернувшись в свою комнату, я попыталась дописать песню для выступления, но мыслями вновь и вновь возвращалась к таинственному сообщению на форуме. Еще на улице, прочитав его, я тут же посмотрела по сторонам и даже обежала дом снаружи: никого. Но кто-то ведь прислал мне его. И этот кто-то следит за всеми моими действиями. Вопрос: что конкретно заставило его мне это написать? На что он (или она) намекал? На скрип двери? Серьезно? Тогда это или Тони, или Саша. Или кто-то, кто был на участке рядом с нами и подслушивал. Или кто-то, кто мог видеть нас в окно и просто заметил мои манипуляции с дверью — для этого необязательно было даже нас слышать.

— А может этот козел просто издевается! — сказала я вслух, откладывая листочек с моими сочинениями. — Просто удачный тайминг. Так совпало. И я могла спать, к примеру, когда получила это сообщение.

Тогда это вообще может быть кто угодно. И необязательно этот человек присутствует в данную минуту на территории Павлецкого.

Успокоив себя тем, что сообщения не имеют к моим действиям никакого отношения, я сумела вернуться к домашнему заданию и к ужину написала столько строк, сколько просил Макаров. Оставалось только их выучить. Про то, как я со своей социофобией и боязнью выступлений выйду в среду на сцену при куче народа, думать не хотелось вовсе.

Привычный стук в дверь раздался через минуту после того, как на кухне стала звенеть посуда.

— Тони, заходи, не стесняйся! — крикнула я, не вставая с кровати.

Дверь открылась.

— Как ты поняла, что это я? — удивился пацан и поправил очки.

— А кто ж еще? Если ты на ужин пришел меня звать, то я пас. Ничего с собой не привезла. Стройнее буду.

— Фигню не носи! Тим с Саньком заказали две пиццы, на всех хватит. Спускайся.

Ничего себе, какие добряки...

Ужин прошел в атмосфере добра. На втором куске вкусной пиццы в кухне появилась Таисия Арсеньевна в темно-бордовом костюме двойке: платье без рукавов и пиджак. Черные колготки и туфли на небольшом квадратном каблуке.

— Дорогие мои, оцените! — Она покрутилась. — Завтра на показ явятся подруги. Из клуба. Я должна достойно выглядеть! Одна из них — жена депутата Горсовета!

— А вы, — напомнил весело Тимур, — бабушка лучшего рэпера на свете, так что начхать, что они все в этом клубе подумают!

— Ну, тебе все шуточки, — скривилась она. — А для меня это важно. Это высший свет нашего региона!

Тим пожал плечами, мол, по мне — ерунда какая-то, а Ира любопытствовала:

— А на концерт что наденете?

Таисия Арсеньевна посмотрела на свою одежду.

— И правда. Лучше на концерт. Там ведь Шевченко будет! А для кинопоказа что-нибудь еще присмотрю.

Она вышла из кухни, отказавшись от предложенной пиццы («бесовская еда», было

сказано), а я еще долго не могла понять, почему он не может в том же костюме щеголять на обоих мероприятиях. Она же не голливудская дива, в самом деле.

Под конец ужина, когда мы уже не ели, а сидели общались, допивая свои напитки, на кухню зашел Макаров.

— Жду в библиотеке всех, кто должен был дописать тексты и показать мне.

Я вздохнула и отправилась наверх в свою комнату за черновиками. Потратила еще минут десять, пытаясь выучить стихи, и, когда я явилась в библиотеку, там оставалась только Мила. Возможно, другим просто ничего не «задавали на дом», а может, успели уже уйти, показав работу.

Занятая своими стихами, я не сразу заметила, что Мила выглядит испуганной и смущенной. Она будто обрадовалась, когда я пришла. Приглядевшись, я увидела руку Макарова у нее на колене, обтянутом джинсовой тканью. Сергей Петрович проследил за моим взглядом и руку убрал, но осадочек, как говорится, остался.

Как только Макаров сказал Миле, что она может идти, она резко сорвалась с места и выбежала из помещения.

Испытывая брезгливость и тихую ярость, я села на ее место и показала ему листок. Я ждала, что будет дальше, но Макаров просто похвалил меня. Затем стал зачем-то спрашивать про мою семью, что, понятное дело, мне не очень понравилось.

— Как у тебя с родителями?

Я внутренне напряглась. Что Элла говорила ему?

— Как обычно, — ответила я, тяжело вздыхая, мол, как они достали. Даже если она ничего плохого про них не говорила, слова «как обычно» в таком случае будут растолкованы «хорошо», этим-то они и безопасны. А вздыхать я могу по любому поводу, может, мне просто скучно о них говорить.

— Ясно. — Сергей Петрович потер переносицу. Затем посмотрел на меня с отеческой заботой. — Элла, дорогая, как я уже говорил тебе, моя дверь всегда открыта. Ты же знаешь, что я хороший психолог и я устраиваю кружки для молодежи, для всех, кому нужно выговориться и почувствовать себя защищенно.

Петрович полез в ящик стола, а я подумала, что такой «защиты», как он пытается оказать Миле, мне не надо.

Он тем временем достал пачку то ли чая, то ли какой-то биодобавки. В общем, обычная картонная прямоугольная коробка в целлофане.

Протягивая ее мне, он сказал:

— Возьми, я вижу твоё напряжение, поверь, я знаю, что это такое. Я сам пережил насилие в детстве, и...

— Насилие?! — не выдержала я. Боже, что сестрица наговорила ему?!

— Да, Элла, насилие бывает разным, необязательно оно физическое или сексуальное. Когда родители давят на тебя, заставляют тебя учиться, заниматься чем-то, что тебе не нравится, равняться на сестру-отличницу... — Я напряглась при этих словах. Потом поняла, что все-таки «сестра-отличница» еще не приравнивается к «сестра-близнец», и расслабилась. Зато я теперь знаю, что что-то она обо мне все-таки говорила. — Я понимаю, каково это. Мой отец беспробудно пил, однако полагал, что мы, его дети, должны стать достойными людьми, вкалывать на трех работах, начиная с восемнадцати лет, и его содержать. А я вот не считаю, что кому-то чем-то обязан. Я делаю только то, что хочу сам. Человек подотчетен только Богу и самому себе, понимаешь? И если тебе станет трудно и

тяжело на душе, вышей это.

— Что это?

— Обычный напиток, натурпродукт, ничего страшного. Успокаивает нервы.

— Это какие-то травы? — предположила я.

Он долго и внимательно на меня смотрел, будто решая, что ответить.

— Да, травяной сбор. Просто завариваешь кипятком, даешь настояться и пьешь. Тут главное не передержать в кипятке, а то все питательные вещества испарятся. Я сам пью каждый вечер, если хочешь, приходи ко мне в комнату где-нибудь через час, заварю и тебе, и себе. Посмотришь, как делается. Если понравится, буду тебе заказывать. Мне дают друзья, привозят из-за границы.

Я посмотрела на упаковку. Ни слова по-русски. Одни иероглифы, и моих познаний не хватает, чтобы точно назвать язык. Может, китайский, а может, и вьетнамский или тайский. Помню, одно время был популярен тайский чай для похудения. Я была еще ребенком, когда мама его пила. Потом ее подруга отравилась им, в нем обнаружили глистов, и мама бросила.

Итак, таинственный Сергей Петрович снабжает участников данных слетов какими-то травками, распускает руки, да еще и организует какие-то секретные кружки психологической помощи. Ну-ну. Возможно, я сейчас зря думаю о чем-то нехорошем, а рука на коленке — чисто отеческий жест, он ни о чем таком и не думал, и расстроенная Мила тоже была напугана по каким-то другим причинам, которыми с ним поделилась и ввиду которых он ее и утешал, однако коробочку все-таки стоит взять с собой. Авось удастся проверить в лаборатории. Нет, у меня, конечно, никто ее на анализ не возьмет, а на частные исследования у меня нет денег, однако попробую это сделать через дядю Мишу.

Улыбаясь придуманному плану (но Макаров думал, что ему), я взяла коробку.

— Спасибо. Однако я сегодня не смогу прийти, хотела лечь спать пораньше.

Не дожидаясь его ответа, я встала и ушла.

Возможно, стоило проверить свою догадку и заявиться к Петровичу на ночь глядя, дабы отведать загадочный чаек, а на самом деле не пить и проверить, как он себя поведет, только вот у меня были на эту ночь другие планы. Все дороги ведут на кладбище. И Элла шептала это слово накануне своего исчезновения, и Павлецкий что-то эдакое на нем увидел. Если насчет Эллы я не была уверена, о каком конкретно кладбище шла речь, то рэпер явно писал о здешнем. Вот туда мне и надобно идти. Почему ночью? Во-первых, Павлецкий был там ночью, и Элла тоже пропала ночью, во-вторых, это нужно сделать незаметно, чтобы никто не догадался, что я что-то расследую. Я и так уже получаю угрожающие записки.

К половине двенадцатого дом наконец-то затих. Никто уже не бегал на кухню попить чая с печеньками, никто не сновал по коридору в санузел или к друзьям. Я поняла, что пора выдвигаться. В тумбе, откуда мы брали тапочки, я видела фонарики, обычные, ручные, на батарейках. Захватчу по дороге, потому что диод в телефоне недостаточно яркий, чтобы орудовать им на кладбище, где явно не будет уличных фонарей. Я переделалась во все черное и обула удобные кеды. Рюкзак, думаю, не понадобится, смартфон уместился в карман джинсов, фонарик будет в руке, а больше мне, наверно, ничего не надо.

«Оружие!» — возникла в голове пугающая мысль. Я ведь совсем не подумала о том, что ночью на безлюдном деревенском кладбище может быть опасно. Тем более если Элла реально нашла там что-то ... Как она сказала — безымянник? Да и Павлецкий что-то

видел...

Так, успокойся. Выпей травяной чаек, который тебе сегодня дали. Никаких призраков не существует! Павлецкий, как и многие творческие люди, скорее всего, увлекался наркотиками. Просто эту информацию не стали обличать для широкой общественности, чтобы не опорочить честь кумира молодежи и не подать плохой пример. Ведь если узнают, что кумир ведет себя так-то и так-то, то многие станут повторять, просто чтобы быть ближе к нему. В психологии это называется механизмами подражания, заражения и идентификации (к чему, кстати, частенько прибегают маркетологи, нанимая звезд для рекламных роликов). Поэтому я, не как Саша и Тим, решила не предлагать такие версии для других ушей, но сама-то я допускаю, что он просто был под кайфом, когда видел и слышал все это. В то же время дверь бани реально скрипит как ржущий конь... Вдруг он и с кладбищем не ошибся?..

В общем, раздраемая на части такими противоречивыми мыслями, я осторожно спускалась на первый этаж, благодаря небеса за то, что бра на нашем балкончике не выключают на ночь, однако, достигнув двери, я получила, что называется, облом. Дверь была заперта. В общем, логично, это все делается с точки зрения безопасности. Кто угодно может проникнуть во владения, перемахнув через высокий забор (когда ты гоним жаждой наживы, два с половиной метра — не препятствие), хозяева должны быть уверены, что хотя бы те, кто внутри дома, будут в безопасности. Но мне-то что делать?

Нужно найти ключ. Всего-то. Тихо открыть дверь, выйти, не запирая ее за собой. Авось за пару часов моего отсутствия (а может, всего час) никто не заметит, что дом не заперт. А потом я просто закрою дверь, когда вернусь. Открыв тумбу, я взяла фонарик, проверила — работает, а затем принялась искать ключи от дома. Ага, вот она, ключница — снова в форме замка. Павлецкий, видать, сильно их любил, возможно, прошлая его инкарнация имело место в Средние века, и его душа никак не могла смириться с тем, что она находится теперь в двадцать первом веке, отравленном выхлопными газами, ослепленном неоновыми вывесками и экранами гаджетов, изуродованном контентом попроще, поглупее, без сложных словесных вывертов, тяжелого психологизма и «многАбуков». Душа хотела назад, а так как это невозможно, она изолировала себя от современности, заперла в привычной глазу картинке. Если верить в такие вещи, конечно...

Итак, я потянулась к ключнице, открыла дверцу, однако на гвоздиках ничего не было. И снова облом... Что же делать? Где ключи? Наверняка старушка их держит под подушкой, чтобы глупенькие детишки не бегали по ночам и не подвергали себя опасности. Спасибо, добрая бабуля! Но мне-то надо «бегать по ночам», ибо я расследую!

Я перевела взгляд на окно. Решеток нет. Отлично. Сняв громоздкий фикус и пристроив его на полу, я открыла пластиковую створку и полезла наружу.

«А как же калитка?» — запоздало подумала я, осматриваясь в блеклом свете маленьких садовых фонариков. По мраморной дорожке я вышла прямо к ней. Пришлось включить фонарик, чтобы найти, где открывается замок. Отлично, ключи не потребовались, изнутри просто щеколда. Я вышла на улицу. Как бы сделать так, чтобы калитка не закрылась? Я ведь не видела, какие цифры нажимал Тони. Вообще это странно. Вы зовете людей на ежегодный съезд, посвященный творчеству кумира, и не даете код. Скорее всего, это для безопасности, чтобы код не попал в чужие руки. Возможно, если бы я позвонила по оставленному в имэйле телефону, мне бы продиктовали его. Но я-то не могла, ведь я Элла, а Элла знает код, так как бывает здесь часто. Вот этой новенькой, как ее, Леонелле наверняка код называли, и никто

не подивилась ее вопросу. Боже, почему же я не догадалась посмотреть, как Тони открывал эту чертову дверь!

Я осмотрелась. Далекий уличный фонарь не помог мне найти хоть что-то, что я могла использовать, и, все еще удерживая дверь одной рукой, свободной я при помощи фонарика осветила по сторонам. Ага, кусок кирпича лежит неподалеку. Осторожно отпуская дверь, чтобы она от ветра не защелкнулась сама, я взяла кирпич и сунула между дверью и воротами. Отлично. Полдела сделано. Вот будет номер, если я вернулась к запертой калитке и закрытому окну. Перепрыгнуть через забор я еще, думаю, смогу, а вот попасть в дом при закрытых окнах уже никак, увы. Придется заночевать в недостроенном замке. Что ж, чуть сильнее приближусь к Павлецкому, проникну в его самую суть, пойму, чем он жил, чем дышал, это поможет мне на выступлении.

Ладно, иронию в сторону. Нужно сделать то, что я задумала, как можно быстрее, пока никто не заметил приоткрытое окно и незапертую калитку.

Я полезла в телефон, чтобы еще раз свериться с картой. Да, к моему великому сожалению, вот эта неосвященная тропа должна привести меня к местному кладбищу. Ну что ж, с богом.

Подсвечивая себе фонариком, я бодро пошла в нужном направлении. Как учат фильмы, отрывать скотч нужно быстро — так менее болезненно. В одной книге я читала, как главные герои, чтобы избавиться от страха, прибыв на кладбище, начали читать стихи Лермонтова. И вроде бы им это помогло. Не факт, что такое сработает в реальной жизни, конечно, но стоит попробовать.

— Выхожу один я на дорогу, — шепотом заговорила я, подобрав стихотворение, соответствующее ситуации, — сквозь туман кремнистый путь блестит. Ночь тиха, пустыня внемлет богу. И звезда с звездою говорит.

Стихотворения до самого кладбища не хватило, и дальше я шла молча, вздрагивая от каждого странного и внезапного звука. Когда луч фонаря высветил ближайший к тропинке памятник, я ахнула от страха. С одной стороны, я знала, куда шла, и должна была морально быть готова, но с другой стороны... Ночь, тишина, изредка разбавляемая подозрительными звуками, похожими на крадущееся за мной существо, кладбище и полная луна. Сочетание — то еще, скажу я вам. А я одна. И даже без оружия. Хоть бы ножик с кухни взяла, идиотка!

Когда я подошла к первому памятнику, огороженному низким железным заборчиком с приоткрытой калиткой, где-то поблизости защелестела трава. Я тут же направила туда луч фонаря. Трава сразу затихла. Что же это такое... С моими нервами только по кладбищам и гулять посреди ночи!

— Пускай холодной землею засыпан я, — снова начала я шептать стихи Лермонтова, еще более подходящие под обстановку, делая неуверенные шаги вперед и водя лучом фонаря повсюду, — мой друг, всегда, везде с тобою душа моя. Любви безумного томленья, жилец могил, в стране покоя и забвенья...

— ...Я не забыл! — закончил кто-то четверостишие за моей спиной, и я завизжала.

Обернувшись, я резко ударила фонариком того, кто был сзади.

— Дура, это я!

— То... Тони? — с испуга я начала заикаться.

— Тотони, тотони, — подтвердил он обиженно, потирая нос.

— Что ты здесь делаешь?!

— А ты? Я вообще-то за тобой шел.

— В смысле? Откуда?

— От самого дома. Мое окно на калитку выходит, забыла? Сначала я слышал из холла какие-то манипуляции, будто окно открывают, а потом глядь — ты идешь к калитке. Пока ты там стояла возле нее и по углам зачем-то смотрела, я и сам успел из дома выйти. Тоже через окно, но через свое — так быстрее. И пошел за тобой. А зачем ты кирпич под дверь подсунула? Я споткнулся о него, вообще-то!

Ух ты неженка какой...

— Я код забыла, — «созналась» я. — Поэтому поставила, чтобы не закрылась дверь.

— День рождения Павлецкого ты забыла?!

Вот те раз...

— А разве бабка не поменяла код? — попыталась я выйти из сложного положения. — Мне казалось, что поменяла. День рождения внука очень палевно использовать, тебе не кажется?

— Ничего она не меняла! И даже не собиралась!

— А, ну значит, мне приснилось это. Забей.

Я плавно двинулась дальше. Тони не отставал.

— Да что ты тут делаешь-то?

— Гуляю, не видишь? — Антон со своими вопросами и слезкой начал меня немного раздражать. Но ссориться с ним все же не стоит, пока он полезен.

— Очень странно ты время проводишь!

— Тебя здесь никто не держит, можешь возвращаться.

— Не, я же без фонарика и телефона, как я вернусь? Я с тобой погуляю.

Блин. Ты мне будешь мешать. Но что делать? Не говорить же ему, что я ищу улики.

Дальше мы шли молча, изредка спотыкаясь о кочки и камни — фонарик спасал не всегда, тем более что я чаще водила им по именам на деревянных покосившихся крестах и, значительно реже, дорогих мраморных памятниках, пытаюсь понять, что именно привлекло сюда и Павлецкого, и Эллу (если она была здесь). Тони, видимо от страха, начал что-то бубнить, я особо его не слушала и отвечала невпопад. По слову «безымянник» я понимала, что мне нужна ничейная могила, в плане что неухоженная, без крестов и памятников, но, возможно, с табличкой, на которой будет просто указан какой-нибудь номер. Хотя я не особо понимала, как это устроено и пишут ли что-то на таких могилах. Скорее всего, такие должны находиться с краю, поэтому я водила Антона по периметру, особо не углубляясь на территорию самого кладбища. Наконец что-то сверкнуло в свете фонаря. Я остановилась. Это реально была могила без ограды, с черной железной табличкой, довольно свежая, в смысле что холмик земли еще не опустился, и прямо на земле возле столбика этой таблички сияло какое-то украшение. Я подошла поближе и присела, не выпуская фонарика из рук. Золотой браслет, на нем множество подвесок с маленькими сердечками. Сердце сделало кувырок в моей груди. Легкие сжалились, не давая мне дышать.

— Это же... это же...

— Что там? — заинтересовался Антон.

— Это же браслет... — Эллы! Я чуть не сказала это вслух, но вовремя прикусила язык. Это определенно браслет Эллы!

Я перевела взор на свои ладони. Еще одно упущение. Элла обожает украшения. Браслеты, кольца, серьги. Она всегда их носит. Мои же ладони чисты, как у хирурга перед операцией. Ну разве что йодом не намазаны. Слава богу, никто не заметил. Уши у меня

проколоты, я просто редко надеваю серьги, так что тут спалиться я не боялась. Просто скажу, что перестала носить. Но не это сейчас важно. Элла была здесь!

Я протянула руку к браслету.

— Что ты делаешь? — сразу насторожился Антон. — Ничего нельзя брать на кладбище, мне бабушка с детства это говорит!

Да, мне тоже это втолковывали сызмальства, только вот незадача — я беру свою же вещь, точнее вещь сестры.

— У меня был такой же, — нашлась я, — но я его где-то потеряла.

— Ты думаешь, это он?

— А разве может быть иначе?

— Я думаю, кто-то просто купил это для покойника. То есть покойницы.

— Ну посмотри же! Могила безымянная. Кто мог положить сюда именно браслет?

— Кто-то, кто знает, кто здесь похоронен! Просто молчит по какой-то причине.

— Убийца?

— Что? Элька, хорош меня запугивать! Я и так уже поседел весь!

— Нельзя поседеть в одночасье, это миф. — Я поднялась с корточек, все еще держа браслет. — Я думаю, кто-то нашел его здесь, в деревне. Я, наверно, потеряла его еще в прошлый раз, ведь дома не нашла. Вот кто-то и отнес сюда. А может, сорока какая-нибудь схватила в клюв, но выронила.

— Ага, и он приземлился аккурат на чью-то свежую могилу!

Я пожала плечами:

— Всякое может быть!

В любом случае я не оставлю тут браслет Эллы! И плевать, что подумает обо мне этот парень. Воровка, расхитительница могил, ведьма, берущая предметы с кладбища для какого-нибудь страшного магического ритуала... Все равно. Я выдержу любые насмешки. Главное, что я продвинулась на целый шаг в своем расследовании.

— Что это? — вдруг дернулся спутник и задрожал как осиновый лист. — Ты слышишь?

— Нет.

Мы оба замолчали. Я прислушалась. Да, скрип! Скрип калитки на чьей-то могиле где-то в глубине кладбища.

— Ветер?

— Ага, а ты заметила ветер?! Я нет.

— Пойдем посмотрим, кладбище не такое уж большое.

— Спятила?! Я пас!

— Хорошо, жди меня здесь. — Я сделала шаг к центральной тропинке.

— Спятила?! Я с тобой!

Я прыснула. Какой Тони забавный.

— Ну идем тогда, мой верный Санчо Панса.

— Вау, какие ты книги читать начала! Прогресс!

— Это все книжный клуб...

Мы шли вперед на шум, специально громко переговариваясь, дабы избавиться от острых уколов страха. Наконец впереди показалось что-то белое.

— Что это? — шепнул мне Тони. — Белеет. Призрак?

— Тихо ты, — шикнула я на него, замирая в нескольких шагах от привидения. Оно сидело на узкой скамейке возле памятника.

Неужели Павлецкому не померещилось?!

Мы молчали. Внезапно белая дымка пришла в движение и резко вытянулась. Мы заорали, Тони бросился наутек, а я додумалась посветить в лицо «призраку», и оказалось, что это все лишь Саша в неизменной белой рубашке, светящейся из-за своего цвета в темноте.

— Черт возьми! Господи!

— Какая у тебя интересная вера, и бога и черта в одной фразе поминаешь.

— Что ты здесь делаешь?! Чего пугаешь нас?

— Я просто сидел и молчал, а отчего вы орете на всю деревню, это у вас надо спрашивать.

Я не хотела больше лицезреть его и перевела луч фонаря теперь на крест с табличкой и фотографией. Оттуда на меня смотрело знакомое лицо. Девушка, русоволосая, с длинной косой, перекинутой через плечо, ласково улыбается всему миру с того света. Жуть какая...

— Это же... это же... Наталья? — спросила я у него, потому что не была уверена в правильности своих умозаключений.

— Угу. А ты, значит, так и не сподобилась на могилу к ней сходить ни разу, да? После того что ты сделала?!

— Я сделала?! Я сделала... — И я пристыженно замолкла. Вот о чем были все разговоры! Вот почему он был недоволен моим приездом! Вот почему Элла говорила Ирине, что, скорее всего, не сможет! Вот почему я получаю угрожающие записки! Три месяца назад эта девушка была жива и улыбалась нам с обычной фотографии, сделанной на участке Павлецкого. А теперь, в результате моего, то есть Эллиного, вмешательства, она гримасничает уже с надгробного креста. Что же произошло? Как Элла повлияла на ее смерть? Не убила же собственными руками! Иначе бы сидела за решеткой.

И тут к нам вернулся Антон, поняв по голосам, что тут никого не режут и не пытаются.

— Бельский! — узнал он Сашку. — Так это ты — привидение?

Тот ответил с грустью и легким недовольством:

— Нет, я пока еще жив. В отличие от... — и он кивнул через плечо, так как стоял к нам лицом и спиной к могиле.

Я же догадалась опустить луч фонаря ниже, чтобы получить хоть какие-то ответы. Итак, надпись на кресте гласила: «Наталья Церковина, 23.05.2000-23.05.2022». Боже, она погибла в свой день рождения! Как это жестоко... Что же с тобой случилось, Наташа? И как в этом оказалась замешана моя сестра? Хуже всего то, что окружающие знают ответ, но я не могу задать им никаких вопросов...

— Может, домой двинемся, а? — попросил Антон. — Спать охота!

Но я, все еще пребывая в шоке, не могла разговаривать и просто пожала плечами.

— Вы как хотите, — встрял Саша, — можете хоть заночевать здесь, как влюбленная парочка маргинальных экстремалов, а я пошел обратно.

И Александр действительно прошел мимо нас, включив фонарик в своем телефоне.

— Тебе обязательно язвить все время? — высказала я ему, наконец вернув себе способность разговаривать. Спасибо ему! Это вы еще не слышите тон, каким он обращается к людям, которые ему, в сущности, ничего не сделали. Ладно, он думает, что я Элла, а сестрица могла выкинуть что угодно, но Тони-то при чем?

«Может, ревнует?» — спросил кто-то романтически настроенный в моей голове, но я приказала ему заткнуться. Тут такие вещи происходят, не до романтики.

Александр ничего не ответил, просто молча держал курс на тропу к дому Павлецкого. Мы не отставали. Мне было выгодно, что кто-то идет первым, потому что лезть в календарь при Антоне, который так и дышит мне в плечо, боясь отойти даже на шаг, и отматывать на среду, чтобы узнать, когда родился Ян Павлецкий (закончив школу, я перестала обращать внимание на даты и дни недели) — это значит выдать себя с потрохами. А в тот единственный раз, когда я читала дома его биографию, я, разумеется, не знала, что эта дата мне пригодится, и не запомнила ее.

Александр по фамилии Бельский (не отсюда ли его страсть к белой одежде?) ловко открыл калитку, закрытую после меня Антоном, и даже придержал нам дверь. Удивительное сочетание наглости и грубости в общении с почти джентльменской обходительностью поразило меня еще вчера, поэтому я не была шокирована этим поступком и даже спасибо не сказала.

Возле дома он замешкался, зачем-то пропуская нас вперед. Мы друг за другом влезли в окно, испытывая некоторые неудобства. Все-таки пол в доме был выше уровня земли и карабкаться снаружи в это же окно было сложнее. Но мы справились. Каково же было мое возмущение, когда этот пес, простите, спокойно воспользовался ключами, чтобы попасть в дом, вдоволь насладившись нашими с Тони муками! Вот куда делась связка из ключницы! Он, оказывается, выходил из дома первым! И никакая бабка знать не знает, что у нее без спроса берут ключи!

— Вор! — только и смогла я ляпнуть от обиды, мстительно направляя ему в физиономию луч фонаря (свет в холле мы не стали включать).

Светло-коричневая бровь приподнялась в изумлении, мол, о чем ты, но уста хранили гордое молчание. Он просто вернул связку и был таков. Антон закрыл окно, вернул фикус на законное место, пожелал мне спокойной ночи и скрылся в своей «каморке», которая действительно оказалась по соседству с входной дверью. Я же поднялась к себе и, едва закрыв дверь, полезла в телефон.

Я вновь и вновь обновляла страницу личных сообщений на форуме; хоть и были включены уведомления, но мне была дорога каждая секунда. Я знала, я твердо знала, что оно придет! Интуиция или цепочка логических рассуждений? Даже и не знаю. Время покажет. Сейчас я думаю, что все-таки второе.

Итак, время истины. Появилось сообщение — как я и думала! Я тут же его открыла. «Горячо».

Я резко вылетела из комнаты, и так быстро, как могла, пересекла эти метры, и просто ворвалась в соседнюю спальню. Хорошо, что была не заперта дверь.

Ой, нет! Плохо! Плохо, что была не заперта дверь!

Александр был раздет. Полог отодвинут в сторону, покрывало небрежно свалено на пол, как и одежда. Наглец уже держал руки на резинке белых (опять!) трусов, собираясь их снять. Если бы я опоздала на пять секунд... Хотя, если бы опоздала на целых десять, он бы уже лежал под одеялом. Бра горело на стене прямо над кроватью, так что вставать, чтобы выключить свет, ему бы не пришлось.

Он резко обернулся на меня и убрал руки от трусов. В первую секунду у него отвалилась челюсть, но Саша быстро взял себя в руки.

— Так-так, ничего не меняется, а я уж было понадеялся, что ты стала другой.

— Ой! — только и выдавила из себя я, отворачиваясь и стремительно краснея. Почему-то только когда он заговорил, я поняла, что так и стою в спальне постороннего мужика в трусах и даже дверь за собой не закрываю. — Извини.

— «Ой, извини»? Ты серьезно?

Я не поняла, что он имел в виду, потому что вспомнила про свою миссию.

— Телефон!

— Что?! — Саша скоро в обморок грохнется от моего поведения, не иначе. — Какой телефон? Что ты несешь?! Ты или сюда, или обратно, но дверь закрой немедленно! Сквозит, знаешь ли!

Я закрыла дверь, оставшись внутри, хоть все мое естество вопило, чтобы я убиралась как можно скорее.

— Где твой телефон? Быстро!

— А твой что? Не работает? Ты теперь снимать это будешь?

— Что снимать? Это ты собирался кое-что снимать! Тебе нормально спать на чужом постельном белье совершенно голым? — Он послушно повернулся к спальному месту и пожал плечами, мол, мне норм. А я повторила вопрос: — Где твой телефон?

Так как он не горел желанием отвечать, я водила глазами по комнате и наконец его нашла. На прикроватной тумбочке, которая по чьей-то странной прихоти была со стороны ног, да еще и в метре от самой кровати.

— Ты бы не успел, — сказала я сама себе, хоть и могло показаться, что обращаюсь к нему.

Ему и показалось.

— Чего бы не успел? — И без перехода задал еще один вопрос: — Элла, ты как себя чувствуешь?

— Не очень, — честно ответила я и наконец покинула его опочивальню.

Если Зайчик2020 не Саша, тогда остается еще один вариант. Я быстро слетела со ступенек, едва не наворачнувшись, и начала барабанить в нужную дверь. Потом заметила еще одну, совсем рядом. Может, Тони открывал ее? Я могла и перепутать в потемках. Короче, следом я стала барабанить уже в эту дверь — на всякий случай.

Обе двери открылись одновременно. Из первой вышел Тони, все еще одетый (а я ведь была права в первый раз!), из второй — Леонелла в небрежно накинутом халате.

— Девушка, вы в своем уме? Я сплю вообще-то.

— Элька, ты че? Позвонить не могла? Весь дом перебудила.

Леонелла, поняв, что я не к ней, повозмушалась для порядка еще полминуты и скрылась за дверь.

— Не могла, я потеряла твой номер. У меня телефон украли.

— Шутишь?

— Нет.

— Ладно, щас скину гудок... — Антон ушел в недра своей комнаты, как я видела из коридора, весьма небольшой, а я крикнула:

— Не надо, у меня теперь другой номер, тот отключен.

— А почему восстанавливать не стала?

— Купила другую симку, сразу с хорошим тарифом.

— Странная ты...

Пока Тони записывал мне номер на листочке, в коридоре появились Таисия Арсеньевна, завязывающая пояс на длинном, в пол, белом шелковом халате, и Сергей Петрович в одних шортах.

— Элла? Это ты шумишь? — спросила старушка.

— Да, я, — не стала я спорить.

— Ты разочаровала меня, Элла!

О боже, еще высокопарности мне не хватало.

— Это не очень хорошее поведение для молодой леди! Макаров стал поддакивать:

— Да, Элла, что бы сказал Ян?

— Что приставать к несовершеннолетним аморально, — ответила я дерзко, взяла бумажку из рук Тони и под осуждающими взглядами поднялась наверх.

Боже, что со мной? Я так сильно вжилась в роль Эллы, что превзошла даже ее саму. Не знаю, поняли ли что-то Антон и Таисия, а вот Петрович должен был понять. Вопрос, не выйдет ли мне это боком.

На всякий случай я достала коробку с загадочным чаем из рюкзака и спрятала получше. А перед тем как уснуть, несколько раз поднималась и подходила к двери, чтобы проверить, точно ли заперла ее на ночь.

После завтрака Сергей Петрович строгим голосом велел явиться всем на генеральную репетицию. Он явно был чем-то недоволен, для всех остальных причина оставалась загадкой, кроме меня. Я, как никогда, вызвалась первая, Макаров позволил, невзирая на то, что я по его плану должна завершать концерт, и спела все так, как надо (пришлось представить себе, что я в этой огромной библиотеке одна), все аплодировали, однако сам Петрович и слова похвалы не сказал. Коротко кивнул и заявил, что я могу быть свободна. Этого-то я и добивалась, потому что мне нужен был дом в моем полном распоряжении, вернее не весь дом, а второй этаж. Ирина попросила меня посмотреть ее выступление и вызвалась идти следом за мной, но я сделала вид, что у меня живот прихватило, и все-таки смылась с репетиции. Прежняя Соня никогда бы не смогла не то что выдумать такое, а сообщить об этом, даже когда это правда, она бы терпела и мучилась до последнего, но я была новой Соней. Точнее сказать, я была Эллой. Я уже не притворялась. Я чувствовала ее в себе.

Итак, нужно поторопиться, пока Ирина не закончила выступать. Очень хорошо, кстати, что она освободится следующей, потому что я и с ней хотела поговорить. Но сперва нужно исследовать комнату, в которой раньше останавливалась Элла. Если я нашла ее браслет на кладбище, то, возможно, и что-то другое смогу отыскать в ее спальне.

Мысли об этом приходили ко мне с того самого момента, как, ища туалет, я наткнулась на комнату с разобранной кроватью, но я их отбраковывала как глупые, отталкивала от своего сознания, словно надоедливых комаров, ведь при ремонте все, что можно было найти, уже бы нашли. И все же, скорее от безысходности, я решила проверить ее. Возможно, просто из-за уверенности, что эти мысли покинут меня, только когда выполню действие, которого они требовали.

Итак, спальня. Больше моей, как уже упоминалось старушкой. Скорее всего, такая же, как и Сашина, просто за неимением мебели казалась еще просторнее. Гардероб, тумбы, стулья и кресла отсутствовали. Кровать разобрана, деревянные составляющие стоят прислоненными к одной из стен. Вдоль смежной стены стоит под наклоном матрас, обмотанный целлофаном. На полу светлый ламинат. У меня под ковролином точно такой же, его видно и у порога комнаты, и у окна, и еще где-то по углам, куда не доходит напольное покрытие. Я прошла внутрь, слыша, как мелкий строительный мусор хрустит под подошвами моих тапочек. Встав в центре комнаты, я огляделась. На трех стенах поклеены новые обои, возле четвертой стоит банка с краской. Видимо, тут собираются делать контраст. Обои серебристые с крупными розовыми и сиреневыми цветами, краска сиренево-лиловая, судя по крышке на банке. Наверняка к этой стене поставят изголовье кровати, я видела такое часто в голливудских фильмах. Я подняла глаза. Потолок побелен почему-то лишь наполовину, белая краска с грязными валиками валяется прямо в центре помещения на газетках. Итак, вроде ничего подозрительного. Ремонт как ремонт. Никаких тебе ниш и других мест, где можно устроить тайник. Но я знала сестру. Я знала ее очень хорошо. Еще когда я увидела матрас в целлофане, мне в голову пришла одна идея. Дело в том, что упаковка не выглядит заводской. Выглядит так, словно несколько больших пакетов разорвали, укрыли белый матрас и слепили кое-где скотчем между собой. Я подошла к нему ближе и присела, приглядываясь. Ага, вот и бледные пятна на матрасе. Так бывает, когда спишь на некачественном белье темного цвета. От человеческого пота ткань становится влажной и окрашивает матрас. Тут видно, что некогда стелили белье ярко-синего цвета, и ткань была окрашена без закрепителя, из-за чего и появились пятна на матрасе. А стало быть, Элла спала именно на нем.

Не мудрствуя лукаво, я пустила в ход немного уже отращенные ногти и разорвала целлофан. Пройдясь по белому полотну, была разочарована, но потом наткнулась на тонкую, почти незаметную молнию в тон матраса сбоку. Это чехол! Наматрасник — или как там это называется. Я решительно расстегнула его и добралась до самого матраса. Ага. Элла осталась верна себе. Я еще помню, как она в детстве изуродовала свой беспружинный матрас таким же способом. Она просто вырезала из него клочок — с краю, чтобы дыра не мешала спать. Или это все-таки сделала не она? Я понимаю, что гостей в этом доме было великое множество, но мне не кажется, что кто-то другой до этого додумается. В нише была флешка и прозрачный файл с какими-то бумагами, сложенными в несколько раз. Я распихала все по карманам, застегнула чехол и упаковала матрас обратно в целлофан — как смогла. Даже оторванные куски скотча помогли мне, переключившись теперь в основные места разрыва. На всякий случай я приставила матрас к стене другой стороной, где целлофан почти не

пострадал от моего вмешательства.

Быстрым галопом я прибежала в свою спальню. Запершись изнутри, я развернула листы. Флешку, к сожалению, вставлять здесь было некуда. Хотя в библиотеке точно стоял компьютер, да и у Петровича есть с собой ноутбук. И все-таки флешка может подождать до понедельника, то есть уже завтрашнего дня (как быстро летит время!), когда я приеду домой. Итак, бумагами оказались отсканированные документы на дом и землю, смета строительства и договор с подрядчиком на баню и замок. Господи, как и говорил Саша! Откуда это у Эллы? Неужели она сама до всего этого додумалась? Где она нашла документы? Наверняка обыскала дом — кабинет Павлецкого или спальню старушки. На других же листах были отсканированные и распечатанные на цветном принтере старые фотографии. На них Ян Павлецкий и более молодой и стройный, но вполне узнаваемый Макаров. Вот уж к кому я теперь не пойду просить компьютер... Главное, что на всех этих фотографиях Макаров был с Павлецким на участке, в том числе на полке бани — в полотенцах вокруг бедер и смешных колпаках. Зачем это Элле? Она выяснила, что Макаров знал при жизни рэпера? Но тот и не отрицал этого, просто не говорил. А может, остальные это знают, только я не в курсе, ведь я тут новенькая... Тем более, если так подумать, ну зачем постороннему человеку создавать Фонд имени знаменитой персоны? Наверняка же были знакомы, я должна была сама догадаться. Но зачем тогда делать из этих фотографий такую тайну, прятать их в нутро матраса?.. Ничего не понимаю!

— Элла просто решила поиграть в шпионов, вот и все, — со вздохом констатировала я.

Я решила заняться вплотную документами, но тут мне помешали: дверь дернулась, затем дернулась еще — сильнее, будто пришедший сразу не догадался, что ее заперли изнутри, а затем раздался стук.

— Элка, ты чего заперлась?

Это была Ирина. Черт, как не вовремя!

Забыв уже о том, что я сама жаждала с ней поговорить, я недовольно сморщилась, быстро сложила все листы и кинулась искать, куда их спрятать, одновременно крича:

— Иду! Я переодевалась!

Подбежав к гардеробу, я решила сунуть их в щель между ним и стеной комнаты, и тут заметила, что кто-то уже воспользовался этим довольно примитивным приемом и что-то туда спрятал. Что-то яркое и небольшое. Я потянулась рукой и извлекла на свет божий фотографию и какую-то открытку. Ира, не умеющая, по всей видимости, ждать, еще раз постучала, поэтому я шустренько впихнула бумаги туда же, откуда взяли эти предметы, и побежала открывать ей дверь.

— Так ты в том же! — окинув меня взглядом, заявила внимательная девушка, просачиваясь внутрь. В руках у нее были две бутылочки питьевого йогурта.

— Да, я думала, во что одеться, хочется что-то поудобнее и чтобы не жалко валяться на постели в этом, — стала я сочинять на ходу, — успела уже платье стянуть, но тут ты пришла, и, короче, я решила, что быстрее будет снова его натянуть.

— Ну окей. А я решила порепетировать нашу сценку, а то вдруг за пару месяцев забыли уже!

— Чего порепетировать? — удивилась я. Боже, нужно еще раз внимательно перечитать программу на сегодня! Я надеялась, что кроме концерта самодеятельности ничего больше в этот день не будет!

— Что это? — не успев ответить на мой вопрос, она заметила фотографию с открыткой

у меня в руке. Блин, я ведь сама еще не успела посмотреть! Вдруг это что-то важное для расследования? Лучше это сделать без нее!

— Да так, ерунда, — отмахнулась я, откидывая цветные картонки на прикроватную тумбочку, но бесцеремонная Ирина схватила их, усевшись на мою же кровать по соседству со мной.

В итоге мы одновременно увидели следующее: на фотографии Наталья Церковина, умершая девушка, обнимает за плечо Бельского, а он ее — за талию. На ее теле видна еще одна рука, очевидно, на снимке было трое, но...

Я не успела додумать свою мысль, как мне в ухо прилетело недовольное:

— Она меня отрезала!

— Это ты с ней справа? — догадалась я сразу.

— Да! Вот моя рука! — Я пригляделась и увидела, что один край действительно не такой ровный, как другой. Да и размер итогового снимка нестандартный. — Вот ведь влюбленная дуручка! — покачала Ирка головой.

— Влюбленная? — переспросила я и тут же все поняла. Ну конечно! Вот в чем прикол. Вот почему Саша так взъелся на Эллу за какой-то ее жестокий, по всей видимости, розыгрыш и вот почему винит в смерти Натальи. И вот почему ходит ночами на ее могилу. Выходит, он тоже ее любил?

Почему-то от этой мысли мне сделалось нехорошо, сердце заныло, и привычные мысли о том, как плохо я вписываюсь в этот мир, стали набирать обороты, втягивая меня в жуткую воронку суицидальных идей.

К сожалению, из-за депрессивных настроений я не сразу заметила, с каким подозрением на меня взирает «подруга». Она даже недопитый йогурт отставила.

— Элка, что с тобой творится? Я твоя подруга, ты можешь мне все рассказать! У тебя амнезия, что ли?

— Почему ты так говоришь?

— Потому что ты сама втянула меня в этот дурацкий розыгрыш! — потрясла она найденной мною открыткой, которую я так и не удосужилась изучить. — Сама высмеивала Натку за то, что как собачка бегала за Сашкой! А теперь делаешь вид, что этого не помнишь?

О господи! Нет, нет... Но непослушные руки уже тянулись к открытке — маленькой, розовой, в форме сердечка, которые обычно люди дарят друг другу на День Святого Валентина. Внутри было написано: «Наташенька, я все эти дни специально разыгрывал недовольство, раздражение и отстраненность, чтобы устроить для тебя самый лучший праздник! Приходи сегодня ровно в одиннадцать на пруд, тебя будет ждать романтический ужин! Твой Саша».

— «Сегодня...» — прошептала я, начиная кое-что понимать. Я ведь еще возле могилы, глядя на памятник, отметила, что Церковина умерла в день своего рождения. Теперь картина начинает проясняться. Элла выманила ее из дома на ночь глядя и отправила на озеро, чтобы посмеяться над ней! Написала записку-поздравление от лица Саши, в которого та была влюблена! С Наташей случилось что-то ужасное там, в результате чего она покинула этот свет. Немудрено, что Саша винит себя. И Эллу. То есть теперь уже — меня.

— Ой, ну перестань! Бедная моя!

Только из-за непонятных слов Ирины до меня вдруг дошло, что я реву. Слезы бесшумным потоком хлынули из моих глаз, разъедая не только кожу лица, но и душу.

Ирка прижала мою голову к своему плечу и принялась наглаживать.

— Че тебя проняло-то так? Из-за того что она открытку твою не выбросила? Ну да, будто письмо на тот свет отправили... Грустно, конечно. Но мы не виноваты, Элка! Это ж просто шутка. Ты придумала, написала. Я под дверь подбросила. Ты Сашку отвлекала, чтобы она не смогла подойти к нему с прямым вопросом, а я — ее саму по той же причине. В подружки набилась. Так-то я сильнее должна ныть и реветь, получается? Ты же не строила из себя ее подружку. Хотя я это и делала по твоей просьбе... Так ведь она же мне совала эту открытку под нос и спрашивала: «Как ты думаешь, это не шутка? Он точно придет?» Мне так сложно было не заржать, не поверишь! Хотя теперь, конечно, не смешно уже... И вот я убеждала ее, что да, серьезно, я якобы подслушала его разговор с Тимом, он, мол, влюблен в тебя и все такое... Это ж мне пришлось говорить-то ей в глаза все! Пока ты там с Саньком, хм, развлекалась... А она смотрела на меня наивными распахнутыми глазищами и переспрашивала: точно? Правда? — Слушая ее, я рыдала все сильнее и сильнее. Хотя находиться в ее обществе было все противнее и противнее... — Ну и вот. Но мы же не хотели, чтобы так все вышло! Кто же думал, что она с горя утопится?

— Чего?! — Я резко отстранилась, чтобы посмотреть на эту тварь своими покрасневшими, щиплющими, заплаканными глазами.

— Чего, чего... Ты же не думаешь, что она сама утонула, как все говорят? Хотя прудик-то с сюрпризом... Мелко-мелко, а потом сразу обрыв. Каждый год алкаши тонут здесь, как местные говорят. И называют пруд проклятым. Но это ж сказки!

Ее слова звучали будто в отдалении, и, хоть она и сидела по соседству на кровати всего лишь в десяти сантиметрах, они доходили до меня словно через километры... Всем моим естеством завладела хитрая, всеобъемлющая боль. Такая боль, с которой ты никак не договоришься, никакие сделки с совестью ею не будут приняты, она не уйдет. Да, это сделала не я. Это сделала она. Но я теперь — она и принимать должна ее целиком.

— Ты можешь выйти? — Я не могла на нее больше смотреть.

— А как же репетиция?

— Позже.

— Ну хорошо, как скажешь...

Хвала богам, через десять секунд я осталась в комнате одна.

Минут через десять раздался стук в дверь. Я все еще никого не хотела видеть, хоть и перестала плакать, поэтому молчала в ответ. Стук повторился — уже настойчивее.

— Уходите, — пропищала я в подушку, совершенно не заботясь о том, чтобы меня услышали по ту сторону.

Дверь, однако, приотворилась — всего лишь щелочка, через которую невозможно было определить, кто пришел. Я оторвала голову от подушки и с любопытством уставилась на узкую полоску коридора. Что это за выкрутасы? Если ты такой невоспитанный и хочешь войти без разрешения, ну и входи уже! Зачем приоткрывать дверь? Почему-то от этого мне стало как-то не по себе. Может, дверь открылась от сквозняка? Или от стука? А сам стучавший уже и ушел себе, отчаявшись дожидаться от меня ответа. Однако что-то глубоко внутри подсказывало, что человек никуда и не ушел, а стоит, затаившись.

Я резко села.

— Кто там? — спросила громко.

Тишина.

Ну нет, меня так просто не испугать! Я решительно поднялась и отправилась к двери. Одним движением распахнула ее. Никого! Что за дурацкие шуточки?..

Я вышла в коридор, прошлась по нему туда-сюда, прислушиваясь. За каждой дверью стояла тишина, даже за Иркиной. Тогда я спустилась вниз, миновала библиотеку, за которой все еще шла репетиция, судя по звукам, и оказалась на кухне. Там была только Таисия Арсеньевна, ставившая чайник на плиту.

— Чаек будешь, Эллочка?

— Нет, спасибо, — в растерянности ответила я и вернулась на второй этаж. Открыв дверь в свою спальню, я даже не сразу поняла, что тут кто-то есть...

Он стоял возле окна, окидывая взглядом окрестности.

— Саша? — удивилась я, обращаясь к его спине.

— Да, — обернулся этот пижон. — Прости, я стучал, никто не ответил, а дверь была приоткрыта... В общем, я решил дожидаться тебя здесь.

— Я вообще-то отвечала, — с недовольством сообщила ему я, садясь на кровать. — Это ты молчал. А потом и вовсе куда-то ушел. И я так и не поняла, кто стучался, весь дом обошла.

— Что? — удивился он. — Нет, ты не поняла, я только сейчас пришел. До этого, значит, был кто-то еще.

— Понятно. — Я заметила оставленный Ирккой йогурт на тумбочке, который, по всей видимости, предназначался мне, и стала отвинчивать крышку. — Какая я сегодня популярная. Народ идет косяком.

— Ты плакала, что ли? — вдруг спросил он, изучив мое лицо. Если это видно даже с расстояния, ведь Бельский стоял у дальнего от кровати окна, то выгляжу я совсем хреново. Ну и бог с ним. Его Алена, поди, не знает, что такое плакать. Ей жалко дорогую тушь и мальдивский загар. Она, наверно, даже не умывается, чтобы «кожа не старела». Вот и пьлесья

на нее тогда!

— Да, — просто ответила я. А зачем врать? Кто он мне, чтобы я шла на этот грех?

Он кивнул, сложив руки на груди, мол, я так и понял, вопрос был, скорее, риторическим.

— А почему?

Я вздохнула. Ну что он ко мне пристал?

— Алена уже закончила выступление или ты ее там бросил, чтобы доставать меня?

— Понятия не имею, выступала она или нет. Мне по фигу. Зачем ты меняешь тему? —

Он сделал шаг вперед и вот тут заметил на кровати открытку и обрезанную фотографию. Черт, совсем забыла убрать... — Что это? — совсем как Ирина недавно, спросил он, только понял гораздо быстрее, увидев свое лицо на снимке. — Где ты это откопала? И зачем?

— Я нашла это за шкафом, а что за «зачем», я не поняла. Конкретизируй вопрос, если хочешь получить более вменяемый ответ.

Он обернулся на шкаф.

— Понял. Второй вопрос снимается. Ты случайно нашла. Ты что, из-за этого?..

Вопросительная интонация подсказала, что это очередной странный вопрос. Впрочем, я быстро поняла, о чем он.

— Да, — не стала я скрывать и опустила голову: не хотелось на него смотреть.

— Хм... — протянул он непонимающе.

Ну да, он ведь думал, что я — Элла. А Элла не стала бы плакать, вспоминая о собственных проделках. Она бы, наверно, гордилась собой! Впервые мне в голову пришла мысль, что искать сестру — не лучшая затея. В процессе своего расследования я и так уже узнала то, что знать категорически не хотелось, и есть подозрение, что это только вершина айсберга.

«Как мы можем быть близнецами?! Мы настолько разные!» — в очередной раз ломала я голову, пока Саша медленно подходил к кровати и усаживался возле меня.

— Слушай... Не знаю, что с тобой случилось, но вижу, что ты искренне сожалеешь... Лучше поздно, чем никогда, так ведь?

Я молчала, потому что фразу не могла применить к себе. Я ведь только что узнала. Он мое молчание растолковал по-своему и положил мне руку на плечо, легонечко сжав.

— Ничего не поделаешь, — тихо сказал. — Я долго мучился чувством вины, ведь... Ну, в общем, понятно. Но я наконец понял, что у каждого человека своя судьба, свой путь. Я знаю, что ты ни во что такое не веришь, но я начал верить. Может, потому что так легче, — грустно усмехнулся он. — Так что постарайся об этом не думать. Просто прими как урок и живи дальше. И старайся больше никого не обижать.

Я только рот открыла, чтобы что-то ответить (уже не помню что), как он внезапно положил мне руку на голову и провел по волосам. Какой-то странный ток прошел по всему моему телу, выветривая из сознания все лишние мысли.

— А это я заберу, чтобы они тебя больше не триггерили.

Он взял открытку с фотографией и вышел.

Смутные эмоции, похожие одновременно на грусть и зависть, посетили меня. Надо же, Бельский, похоже, влюблен в Эллу. Во всяком случае, заботится о ней, хоть и злится. «Во что ты опять влезла?» — вспомнилось мне. Он имел в виду жестокие розыгрыши над девушками или что-то еще? Интересно, что она сделала с Милой? Хотя нет, лучше не знать... Главное, что хотя бы в этом случае все остались живы.

Ладно, пока меня временно оставили в покое, надо заняться делом.

— Соберись, тряпка! — приказала я себе и взялась за телефон.

Сперва сообщила маме, что все хорошо, я у тети, Эллы тут, к сожалению, нет. Мама с сестрой не разговаривала, как я уже упоминала, поэтому я не боялась, что она попросит дать ей трубку. По-быстрому закруглившись, я позвонила дяде Мише и спросила, сможет ли он провести для меня анализ какого-то то ли БАДа, то ли чая. Михаил Леонтьевич был строгим человеком, и отделаться простой просьбой без объяснений я таким образом не могла. Пришлось все ему рассказать.

— Только родителям моим не говорите, пожалуйста! — Да, мы с мамой обращались к нему на «вы». Это вы просто его не видели. Когда дядя Миша заходит в комнату, люди редко могут справиться с безотчетным желанием встать и приложить ладонь к несуществующему козырьку. Если бы я могла обратиться к кому-то другому с этой просьбой, я бы это сделала, вне всяких сомнений. Но у меня не было других таких же серьезных знакомых, тем более родственников, которые были бы сами заинтересованы в результате, потому что тоже переживают.

— Сколько ты еще там пробудешь?

— В понедельник утром уезжаю, автобус самый ранний в семь, а другой уже в час.

— Вот что. Пошлю за тобой машину. В восемь она будет на въезде в деревню, чтобы не светиться. Сядешь в нее, тебя отвезут прямо ко мне. Улики возьмешь с собой. За час я тебе пришлю номер машины.

Это говорилось приказным тоном, поэтому отказаться или спорить — себе дороже. Да и мне приятнее ехать в город на машине, а не в переполненном «пазике».

— Тут вот что еще... — замялась я.

— Ну! Говори!

Раз уж он все равно знает, что я тут веду расследование, смысла юлить уже нет, зато можно получить несомненную помощь. Короче, я рискнула:

— Мне нужен список молодых девушек, скончавшихся в деревне за последние пару-тройку лет либо от несчастного случая, либо от суицида. Это можно сделать?

Он молчал, но я слышала движение карандаша по листу бумаги. Дядя Миша, как и все люди старой закалки, не особо любил современные технологии, тем более что я звонила ему на мобильный, и девайс был все равно занят, а вот бумажки-ручки-карандаши у него всегда под рукой. Наконец он закончил писать.

— Я дам задание, тебе перешлют на твой номер. — И он отключился — так быстро, что я даже уточняющие вопросы не успела задать. Но так даже лучше.

Что ж, с расследованием на сегодня, думаю, покончено. Следует теперь заняться официальной частью, то есть игрой «своя-в-доску», дабы меня не рассекретили раньше времени.

Итак, сегодня планируется какая-то пьеса, правильно? Я сверилась с расписанием мероприятий, указанным в приглашении. Ну да, репетиция спектакля в час дня, сразу перед обедом. И у нас с Ирой какая-то совместная сцена? Но где найти текст? Я влезла на сайт Павлецкого, но там ничего не было. А телефон сестры, в котором пьеса могла храниться, пропал вместе с ней. Что же делать? Возможно, распечатанный вариант хранится в библиотеке? Или попросить у Иры? Она и так уже подозревает у меня амнезию; сказать теперь, что я забыла текст пьесы, который, по всей видимости, обязана знать наизусть, — ничего не изменит.

Я вышла в коридор, постучала в ее дверь, в ответ — тишина.

— Она на улице, — сказали мне в спину, я вздрогнула и обернулась. Тимур.

— Господи-боже, напугал...

— Какая ты пугливая стала! — заржал парень, сбегая вниз по лестнице.

Ладно, до репетиции целых полчаса. Думаю, успею и Иру найти, и текст выучить. Возможно, у нас всего одна небольшая сцена — и все. Зная, что Элла считала себя бесталанной, она наверняка выбрала самую маленькую роль, просто чтобы поучаствовать, поддержать, так сказать, коллектив.

Сегодня было тепло, и я вышла, в чем была, только обулась. Йогурт так и был у меня в руке, и, обходя дом, я снова открутила крышечку, и уже поднесла бутылку к губам, как нарвалась на Алену.

— Ты! — вдруг рыкнула она на меня и, очевидно в качестве первого удара в каком-то странном бабском поединке, хлопнула по моей руке, в результате чего йогурт упал на землю.

— Ты больная, что ли?!

— Ты! — повторила она, на сей раз ткнув в меня указательным пальцем, будто я была настолько тупая, что без ее жеста не могла применить местоимение «ты» к себе. — Не лезь к моему парню! Поняла?!

— Хм... А кто твой парень?

— Ты дуру не строй из себя! Не лезь к Саше!

— Ах, Саша, — покивала я. — Вот ты о ком. А он мне сказал, что бросил тебя еще в прошлом году, — притворяясь задумчивой, «вспомнила» я. — Странно... Может, он ошибся? Может, он кого-то другого бросил?

— Ах ты сука!

И она совершенно неожиданно схватила меня за волосы. От негаданности этого поступка (в двадцать первом веке! когда все ругаются исключительно через соцсети и мессенджеры!) я ударила ее ногой по колену. Алена завизжала и сложилась пополам, потирая ушибленное место.

— Больная?! Ты че дерешься?!

Отлично! Я даже рот открыла от этакой блондинистой логики. Алена, видать, совсем с катушек съехала. Уже и не помнит, что первая на меня напала.

Тут к нам подбежали люди: Сергей Петрович, Сашка, Тимур и Ирина.

— Элла! — возмутился Макаров. — Ты как себя ведешь?!

— Это Алена на нее напала, — вступился за меня Бельский. — Я видел.

— Я тоже! — поддержала его Ира.

— А я ничего не видел! — отмахнулся Тимур. — Я не буду принимать ничью сторону, так и знайте! — И он заржал так весело, словно смотрел любимый ситком.

Саша попытался поднять Алену, он же у нас джентльмен, как ни крути, но девушка хлопнула по его руке, как совсем недавно по моей, и встала сама.

— Ты ответишь! — зарычала она и опять, на сей раз вполне ожидаемо, бросилась на меня, но Сашка ее перехватил.

— Ну хватит! — не выдержал Макаров. — Алена и Элла! Собирайте свои вещи! Я этого не потерплю! Вы треплете нервы Таисии Арсеньевны! Она пожилая женщина, она слаба, ей тут эти скандалы не нужны!

— Но Сергей Петрович, — встряла Ирина, — Элла мне нужна для сцены прощания! Это ключевой момент в пьесе!

— И еще она завершает концерт, — напомнил Саша. — С «Металликой».

Макаров надулся. Он не мог решиться, не знал, как ему быть. С одной стороны, он согласен с Ирой и Сашей, это видно по его лицу. С другой, выгнать одну Алёну он тоже не мог, ведь мы обе вроде как участницы драки. Но и оставлять без наказания нас обеих он не хотел.

— Ладно, — примирительно подняла я руки вверх, хорошенько подумав над тем, что бы сказала в этой ситуации Элла, — согласна помыть еще раз полы в бане, так уж и быть. В качестве наказания.

Макаров сразу остыл, поняв, что раз уж я согласна быть наказанной, значит, признала свою вину.

— Не нужно, Элла.

— Хм, я все поняла! — нервно крикнула Алёна. — Элле все снова сходит с рук! А я тут никому не нужна! Ну и ищите замену на музу рэпера в вашей идиотской пьесе! А я ухожу!

И она реально пошла, точнее похромала к дому. Сергей Петрович, хоть и не стал ее задерживать, все же строго принялся меня отчитывать:

— Элла, я надеюсь, ты поняла, что это было в последний раз! Больше предупреждений не будет!

— А мне теперь и драться не с кем, — пожалала я плечами, — она же ушла.

Тимур откровенно заржал, Ира с Сашей улыбнулись, а Макаров нахмурился, но больше ничего не сказал.

Все разошлись, остались мы с Ирой. Только сейчас я заметила, что на ней седой парик.

— Это что? — хихикнула я.

— Как что? Я ж играю Таисию Арсеньевну!

— А, вошла в образ, понятно.

— Ой! Это йогурт? — заметила она бутылку на земле, возле которой так и крутились сороки. — Ты так и не выпила, что ли?

— Нет, как видишь. Эта овца выбила из рук.

— Ну ничего, у меня еще много. Заходи на ночь, после фильма. Поболтаем.

— А разве мы не уезжаем после фильма?

— Ну если тебя кто-то встречает в полночь! А так ночуем здесь, а утром уже на автобусе. Первый в семь. Второй в час дня.

— Ясно. Я тебя что искала-то. Давай порепетируем!

— Так уже идем ведь!

— Нет, мы с тобой. Я, видишь ли, текст потеряла.

Она смотрела на меня с недоумением.

— Какой текст?

— Текст пьесы!

— Блин, Элка, у тебя реально амнезия! Бедненькая моя. Почему ты ничего не сказала?

— А что?

— В смысле что? Твой персонаж появляется только во втором акте!

— И?

— Что — и? Второй акт писала ты!

Отлично... Элла написала роль под себя, оказывается. Только вот, кроме того что во втором акте есть «сцена прощания», я ничего о нем не знаю. Кто с кем прощается, интересно? Павлецкий со своей бабушкой, которую Ира играет? Ну а я тогда должна играть

Павлецкого. Сдается мне, этот персонаж присутствует почти во всех сценах каждого акта. Дурдом.

Однако переживать и дальше мне не дали. В роли спасителя у нас снова Александр! Он тихо подошел к нам сзади и слышал, оказывается, часть разговора.

— Роль дедушки Павлецкого отдадим Леонелле, она маленькая, ее легко выучить за пять минут. У нас теперь проблема с одной из ведущих ролей. Муза поэта. — И он устался на меня.

До меня доходило медленно, как до жирафа.

— Я?!

— Да, Элла, — согласилась с Сашей Ира. — Придется тебе. Не будешь же ты догонять эту поганку и у нее прощения просить! А найти кого-то еще на такую сложную роль мы не успеем. А ты знаешь почти всю пьесу наизусть! — Ирина уже, видать, забыла, как я у нее попросила текст... — Столько раз репетировали и исполняли!

— Но...

— Распечатанные копии есть в библиотеке на столе, — ответил на мой невысказанный вопрос Александр. — Пока считаешь с листа, к среде успеешь выучить.

— К среде?! В смысле?! А, ну да, концерт... — ответила я сама, наконец поняв, что к чему. Коротких восьми (теперь уже семи, ведь вряд ли Алена придет) песен для полноценного концерта не хватит. Наверняка наш многократно отрепетированный спектакль Макаров включил в программу выступления.

— Идем! — Ирина пошла к дому, я тоже собиралась, но Саша меня остановил, взяв за руку.

— Может, порепетируем последнюю сцену?

— Э-э... — Я что, должна знать, что это за сцена? — Там и порепетируем, — кивнула на дом.

Он как-то странно улыбнулся.

— Не ожидал такого ответа...

Чего он хочет от меня?

Я просто пожала плечами, снова сделала шаг и опять была им остановлена!

— Ты чего?

Посмотрев на Александра, я думала, что он продолжит надо мной смеяться или допытываться, но его взгляд прожигал что-то за моей спиной. Что-то, что лежало на земле. Я обернулась. Две сороки лежали мертвые возле бутылки из-под йогурта. Их клювы еще были влажные. Остальные прыгали вокруг товарищей, не зная, что предпринять.

— Это Ирин йогурт валяется? — с подозрением спросил Саша.

— Да. Она дала его мне.

Мы посмотрели друг на друга, пытаюсь в лице собеседника отыскать все признаки того, что у нас появилась одинаковая догадка. *Йогурт был отравлен.*

В библиотеку мы входили вместе.

— Мы с Тamarой ходим парой! — выкрикнул на весь зал повеселевший Тони. Странное поведение. Такие шуточки обычно в стиле Тимура, но тот молчал, углубленный в текст. Оказывается, не все знают пьесу наизусть! А меня пытались укорить...

«Не все же ее писали! — поспорил со мной мой разум. — А вот ты... то есть Элла, но для всех это ты... И вот именно ты писала ее!»

Я листала распечатанную пьесу, скрепленную прозрачным пластиковым скоросшивателем, однако мои пальцы тряслись, голове была в тумане, и вместо слов «скатерть» и «суметь» я читала «смерть».

Меня хотели убить. Меня. Только что. Пытались. Убить.

Кто? Ирина? Или Саша? Когда я входила в свою комнату, он уже был в ней! Йогурт спокойно стоял себе на прикроватной тумбочке. В то же время стал бы он обращать мое внимание на умерших птиц? Логика подсказывала, что нет. Но, может, яд в таких дозах, что смертелен только для сорок, а со мной бы ничего не было? Промывание желудка. Как акт устрашения или мести за что-то. «Ты знаешь за что». Да, но не хотелось в это верить. Мне казалось, что он простил меня. То есть Эллу... Да и вообще, не способен он на убийство!

«Тебе просто хочется так думать, потому что ты в него...»

— Нет! — ответила я своему внутреннему «я», пока оно не произнесло роковые слова.

— Ты чего? — удивился Саша, стоявший рядом со мной.

Господи, я это вслух сказала... Совсем схожу с ума.

Я глянула на скрепленные листы. Когда я нервно переворачивала страницы, то машинально долистала до последней сцены и остановилась. Глядя на нее, я вспомнила, как Саша предлагал порепетировать именно финал. А в финале Павлецкий и Инна, любимая женщина рэпера, страстно целовались. Вот гад!

— Нет — это ответ тебе. Последнюю сцену надо переписать!

Все смотрели на меня с удивлением. Понимаю их. Но надо же было как-то объяснить свою реакцию. Не скажу же я, что меня только что пытались убить и поэтому, мол, не обращайтесь внимания на мои несвоевременные выкрики.

Макаров подошел ко мне поближе и спросил заинтересованно:

— Элла, у тебя какие-то идеи по поводу концовки?

— Мы же ставим эту пьесу каждый год! — возмутилась Мила. — С чего бы вдруг переписывать?

— Именно! — нашлась я.

— Она хочет всех запутать!

— Мила, что я тебе говорил? Ты никогда не даешь людям высказаться, все время перебиваешь. Я уверен, что Элла сейчас все объяснит! У этой девочки есть скрытые таланты, мы в этом уже убедились! Ну же, Элла, говори!

Черт... Но назад уже не повернешь. Впрочем, возможно, мои идеи окажутся настолько дурацкими, что их отвергнет даже Макаров, и все останется как было.

— Я говорю, что это минус нам, как творческому коллективу, исполнять написанную нами же пьесу всегда одинаково! Вдумайтесь, это же не чеховский «Дядя Ваня», где выброси

реплику, и все, это уже не великое произведение и не величайший драматург! «В такую погоду хорошо повеситься», понимаете? Убрали — и все, уже не гений. Но это, — с воодушевлением потрясла я распечатку, — наше творчество. Современное. Постмодернизм. Вспомните, как у Фаулза в «Любовнице французского лейтенанта». Там же три концовки! На выбор! На любой вкус! Вот и мы можем сделать так же. К нам приходят на концерты важные люди. И что они получают? То же самое!

— Песни мы пишем разные всегда! — встряла Мила. Но я и без ее комментария могла догадаться, учитывая, что меня буквально на днях заставили одну из них сочинять.

— Вот именно! И концовки всегда должны быть разными, понимаете? Тогда люди будут приходить вновь и вновь! И нести деньги в Фонд. И Таисии Арсеньевне.

Тут я, конечно, подключила логику с фантазией, ведь я этого доподлинно не знала. Но разумно приглашать всяких Петраковых и Шевченко (или какие фамилии он тогда называл), когда они являются инвесторами.

— Я спятил или что-то в этом есть? — неожиданно поддержал меня Тимур. Казалось бы, откуда я не ждала помощи!

— Шутишь? Это гениально! — высказался Макаров, который вроде уже и забыл все свои обиды в мой адрес. — Элла, какую ты предлагаешь концовку на этот раз?

— Я думаю, Инна должна отвесить Яну оплеуху! Он бросил ее, чтобы заняться карьерой! А потом вернулся как ни в чем не бывало, когда она уже забеременела от другого! Пусть она его еще козлом обзовет и хрястнет так, чтобы мало не показалось!

Почему-то Бельскому это не понравилось.

— Не, я предлагаю ничего в конце не менять!

Неожиданно для самой себя, я громко предложила:

— Давайте проголосуем!

Макаров, как лидер проекта и неплохой психолог, поддержал мое предложение. Мы проголосовали. Саша, Мила и Ирина были против изменений. Все остальные — за. Даже Тимур пошел против друга (впрочем, Эллина приятельница тоже пошла против нее, то есть меня). Что Тони и Макаров меня поддержали, я, честно говоря, не удивилась; первый уже доказал, что он мой ангел хранитель, а Петрович чуть ранее уже одобрил мою идею. А вот Леонелла меня удивила. По сути, ее голос был решающим, ведь я сама не стала голосовать.

— Спасибо, — сказала я конкретно ей.

Она отмахнулась.

— Не люблю хэппи-энды. Пролистала вашу пьеску, и в конце меня чуть не стошнило.

Ответ нас не порадовал. За «нашу пьеску» я, впрочем, не обиделась, ведь не написала из нее ни слова, а вот остальные скуксились.

— Может, у вас и к вашей роли, — слегка откашлявшись, дабы привлечь внимание, заговорил Макаров, — есть какие-то претензии? Раз мы переписываем концовку, можем переписать и роль деда, чего уж там...

В его интонации явственно слышалось недовольство поведением Леонеллы, но она то ли не поняла, то ли сделала вид, что не поняла, в общем, ответила со всей серьезностью:

— Нет, все сценки с данным персонажем меня устраивают. Умирая, он прощается с женой Таисией, кается в грехах и уходит на небо. Все как и в жизни. Только вот не все уходят на небо, некоторые за свои деяния варятся в котле где-то глубоко под землей. И не у всех, к сожалению, есть возможность проститься с близкими перед смертью. Многие, к горькому моему сожалению, уходят внезапно — молодые, красивые, непонятые и не

насладившиеся жизнью. — Странно было слышать этот грустно-драматический монолог, произносимый хриплым голосом и грубыми интонациями, так свойственными Леонелле, но вносящими неприятный резонанс. Однако ее никто ни разу не перебил. Закончила она в своем стиле: — Но то, что в вашей детской пьеске кто-то все-таки преставился, меня, повторяюсь, устраивает.

Да, забыла уточнить: в этой странной пьеске, как называет ее Леонелла, почему-то не преставился главный герой — сам Павлецкий. Но это, так сказать, видение фанатов, вмешиваться еще и сюда мне явно запретят. Фанфик — он и есть фанфик, пусть и написан не по фильму, а по реальной биографии.

Во время речи Леонеллы все недовольно переглядывались, видимо задаваясь одним и тем же вопросом: для чего она сюда приехала? Позорить всех подряд за три тысячи рублей? Но на дверь ей никто не указал: формально женщина никаких правил не нарушила. Макаров же открыто призывает всех делиться своим мнением.

Итак, за спорами мы не заметили, как время приблизилось к половине третьего. Уставшая подогреть борщ Таисия Арсеньевна была вынуждена зайти в библиотеку и призвать нас к совести и к обеду.

Я не хотела есть, во всяком случае со всеми (враг не дремлет, отравит меня со второй попытки, а там и не разберут, кто именно к моей тарелке приблизился, когда такая орава сидит вокруг небольшого стола), поэтому по-тихому отделилась от компании и вышла на улицу, чтобы и подышать свежим воздухом, и заодно подумать над историей. Так как я предложила изменения, мне казалось, что именно я обязана была их внести в текст, то есть поучаствовать не только в плане идеи, но и в плане реализации. Я понимаю, почему Ирина была против: она знала текст наизусть, как и многие другие, и вряд ли отличалась любовью к заучиванию и зубрежу, а ведь ей теперь придется этим заняться. Но я-то не знала пьесу вообще, и мне было все равно, что разучивать: новый текст или старый. Чтобы не наживать врагов, я дала себе обещание переписать как можно меньше, но при этом привести все действие в логику. Ведь Муза Поэта не могла просто так в самом конце взять и наброситься с кулаками на рэпера, тем более будучи глубоко беременной. Нужно дать намек зрителям, что все может так закончиться, где-то в середине пьесы. А зачем она вообще у них беременная, я не пойму? Для драматического эффекта? Может, и это убрать?..

Короче, занятая муками творчества, я ходила кругами по двору, пока не наткнулась взглядом на маленькую сиреневую крышку. Да, это крышка от бутылки с отравленным йогуртом. Как я могла забыть! Ее нужно упаковать и передать дяде Мише для лаборатории вместе с чаем. Меня ведь пытались отравить! Я настолько вжилась в образ фанатки рэпера, коей не являлась даже наполовину, что совсем забыла о более важных вещах!

Я походила вокруг этого места, где была крышка, но бутылка словно сквозь землю провалилась. Хотя она должна быть где-то здесь! Вот я заворачиваю за угол, Алена здесь на меня нападает, бьет по руке, и бутылка падает. Крышка еще у меня в руках, но начинается потасовка, и я ее тоже роняю. Она в итоге оказалась под кустами цветущей розы красивого ярко-лимонного цвета. А бутылка была прямо посреди газона, ведь мы обратили внимание на мертвых птиц, что лежали поблизости... Посмотрев еще внимательнее и даже сев на землю, я нашла остатки светлого йогурта с кусочками засохших ягод и фруктов, определив для себя место трагедии. Вот тут умерли несчастные птички. Но их тоже не было, как и самой емкости. Кто-то постарался убрать улики.

Я стала вспоминать, кто выходил из библиотеки за время репетиции. Да практически

все. Кто в туалет, кто за водой. Тут обстановка была не такой строгой, как на репетиции концерта самодеятельности. Когда репетировали какую-то сцену, никто не смотрел на тех, кто в ней не участвует.

Что поделать, преступник умнее и хитрее меня. Но менее внимательный. Он решил, что я вышла из дома с бутылочкой без крышки. В принципе, логично, учитывая, что в доме есть мусорное ведро, а на крыльце урна. Поэтому прицельно крышку не искал. Вполне возможно, что среди задействованных лиц его вообще не было, и драку он не видел. Этим нужно воспользоваться.

Встав с корточек, я побежала обратно в дом — за пакетом. Хотя бы одна улика от меня не ускользнет! Есть, конечно, еще и записка с угрозами. Но не факт, что ее отправил тот же человек, как и не факт, что он держал ее голыми руками.

Я не хотела идти на кухню, а то пришлось бы объяснять, зачем мне пакет, в итоге сунулась в ящик обувной тумбы. Отлично, куча разнокалиберных пакетов. Я взяла самый маленький и чистый и вернулась во двор. По дороге у меня запищал телефон, но я сначала упаковала крышку, воровато оглянувшись (мне показалось, что занавеска на одном из окон первого этажа резко дернулась, когда я посмотрела в том направлении, неужели за мной следят?), только затем, сев на верхнюю ступеньку крыльца, я полезла в телефон. Мне в мессенджер с незнакомого номера прислали ссылку на файл в облачном хранении. Я скачала его и тут же открыла. Это была сводка смертей по району. В таблице можно было выбрать конкретную деревню, а также пол, возрастной диапазон и причину смерти. Итак, за последние два года в деревне умерло только две молодые девушки в возрасте от 18 до 25: Наталья Церковина, о которой я уже знала (ведь если она похоронена на местном кладбище, стало быть, и жила здесь) и некто Медведева Полина Александровна. Что интересно, год рождения последней совпадал с Наташиным. Школа здесь только одна, это же деревня, наверняка учат только восемь лет и отправляют дальше учиться в город. Но это не важно, главное, что с девяностопроцентной вероятностью (все-таки Церковина могла сюда переехать совсем недавно, просто чтобы быть поближе к дому кумира) можно утверждать, что девушки знали друг друга. А это уже повод навестить ее родню. Да и к семье Церковиной сходить не мешало бы. Очень мне не хотелось думать, что девушка реально утопилась, как считает Ирина. Возможно, у родителей другая точка зрения.

В таблице были адреса и той, и другой, поэтому я решила отправиться на расследование в деревню, как только завершится очередная репетиция.

Обед вскоре закончился, и все мы опять встретились в библиотеке. Данный этап прошел быстрее и веселее, никто больше не ругался. Возможно, принятая еда положительно сказывалась на настроении и давала энергию, из которой проистекали моральные силы. Все это помогло фанатам Павлецкого смириться с неизбежным — изменением концовки и некоторых других частей пьесы — и даже вовлечься в процесс переписывания.

Макаров отпустил нас с условием явиться в девять вечера, когда начнется показ фильма. Большая плазма висела в гостиной на стене, там же стоял длинный раскладной диван, на котором ночевал сам Петрович, а также два кресла и несколько пуфиков, так что места хватит всем. Песенную часть больше репетировать не будем, но он предложил всем, кому хочется, приезжать в понедельник и во вторник вечером (многие из нас работали и учились) и репетировать тем составом, который наберется. Я бы не рискнула оказаться наедине с Макаровым, а договариваться с кем-то из ребят, чтобы приезжать не одной, не собиралась, поэтому мое следующее посещение владений Павлецкого состоится лишь в среду.

Выходя из дома на участок и двигаясь в сторону калитки, я задумалась: а для чего мне в принципе приезжать на концерт? Задание я, похоже, провалила. Мне угрожали, на меня покушались, а я до сих пор далека от разгадки, кому это надо и где моя сестра. Я даже не уверена, покушаются на меня потому, что знают, что я — это я, и, соответственно, понимают, что я веду расследование исчезновения Эллы, или потому, что считают, что я Элла... Во втором случае тоже непонятно, кому понадобилась моя взбалмошная сестра. Разгадка, скорее всего, кроется в документах и в файлах на загадочной флешке, но с этим со всем будет разбираться дядя Миша и его знакомые. Единственное, что я могу сделать прямо сейчас — сходить в деревню, чтобы...

— На кладбище?

— Господи! — вздрогнула я, обернулась и увидела Антона. — Ты меня в могилу введешь! На фига ты следишь за мной постоянно?

— Вот и нет. Я вышел подышать, смотрю, а ты к калитке путь держишь. Ну я и решил с тобой прогуляться, а то мало ли... призрак схватит!

— Нет никаких призраков, успокойся. Ты же помнишь, что это был всего лишь... — не договаривая, я снова обернулась. Тони шел уже рядом, а сзади никого не оказалось. — Слава богу. А то я было уж подумала, что нас снова трое!

— Да нет, — Тони тоже обернулся, словно мне не верил. — Остальные бухать пойдут сейчас, чтобы перед фильмом успеть наклюкаться. Последний выходной.

— А бабка позволяет пить в ее доме?

— А они по-тихому, как и всегда. Тим привез бутылку коньяка с собой. Снова будут в чай добавлять, — хмыкнул Антон, вспоминая что-то веселое. Наверно, мне тоже надо было хихикнуть, якобы я тоже вспомнила какой-то казус, связанный с коньяком в чае, чтобы не выдать себя, но мне было не до этого. Я слишком устаю от игры в доме, чтобы и за пределами участка Павлецкого строить из себя того, кем не являюсь. Я уже третий день подряд Элла, и я успела настроиться на то, чтобы хотя бы час или два побыть Соней.

— А Саша тоже будет коньяк пить? — почему-то спросила я. Вообще не собиралась о нем даже думать, не то что спрашивать. Но язык сегодня живет своей автономной жизнью.

— Ты что, он не пьет. Забыла, как подтрунивала на нем в прошлый раз? Что это за мужик, который морщится даже от запаха алкоголя? — гнусавым голосом спародировал он Элле. — Гей, что ли? После таких слов даже я выпил...

— Меньше бы слушал всяких тупых блондинок. Много они понимают.

— Ты о себе теперь в третьем лице говоришь?

— Ага.

— Куда мы все-таки идем? Кладбище в другой стороне!

— По склепам и погостам я гуляю только по ночам, — зловеще улыбаясь, произнесла я особым тоном, надеясь его запугать. — А сейчас пойду резать маленьких девочек, пока светло на улице! Чтобы мамки смогли разглядеть их растерзанные тела!

— Отлично, — скуксился он. — Элла и ее знаменитый черный юмор.

Я встала на пересечении улиц, всматриваясь в таблички.

— Мне нужна Луговая улица.

— Это вон та, — неожиданно показал Тони пальцем.

— Откуда ты знаешь?

«Что, тоже местный?» — с трудом удержалась я, чтобы спросить. Если они дружат, Элла, скорее всего, знает, где он живет. Хотя бы город или регион.

— А я тут люблю гулять. В этот раз программа напряженная, ведь концерт в честь юбилея намечается, и мне особо некогда, а так постоянно хожу-брожу.

— Тогда подскажешь мне, где седьмой дом?

— Седьмой? — Тони резко встал. На секунду в его глазах заплескался испуг. Потом он взял себя в руки. — Подскажу. Это вон та развалина голубого цвета. А зачем тебе?

И тут до меня дошло. Я назвала адрес Церковиной, хотя собиралась вначале идти к Медведевым. Они жили на одной улице, но Полина в семнадцатом доме. Числа похожи, я запуталась. Интересно, Антон знает, чей это дом? Или сам вид «развалины» его так пугает?

— Раз уж мы так близко, может, зайдём? Мне нужно задать пару вопросов.

Я внимательно смотрела на Антона. Если родители Натальи знают Эллу в лицо и считают ее виноватой (вдруг кто-то донес до них причину, по которой их дочка пошла гулять ночью на пруд), то мне сейчас, вполне возможно, вцепятся ногтями в лицо, а то и пристрелят из охотничьего ружья. Но тогда предостерегающие крики Тони должны выступить в роли знака, который охладит мой пыл. Но нет, парень просто с леностью пожал плечами. Мол, раз надо, то идем, но мне не очень-то хочется — как-то так. Ну я и пошла.

Мы постучали в дверь (низенькая калитка была открыта, а на участке никого не было, поэтому мы позволили себе зайти), но никто не вышел к гостям. Я посмотрела на спутника, он снова пожал плечами. Тогда я застучала сильнее. От моих усилий дверь открылась. Час от часу не легче! Что ждет нас там?..

— Ну что, идем? — спросила я тихо у Антона.

— С ума сошла?! Тебя фильмы ничему не учат? А если там труп?!

— Вы к Тамаре? — крикнул женский голос с соседнего участка, который огораживался от этого всего лишь металлической сеткой, причем возле дома была внушительная дыра. Вот в эту дыру (как будто через сетку ее бы не услышали) и кричала нам соседка.

— Да! — не растерялась я.

— Стучите громче, она спит!

— Спит?! — Я сверилась с часами. Знала я сов, но настолько... Пять часов!

— Да, бухая опять! — ответила соседка, проясняя для меня всю картину. Затем махнула рукой и ушла от дыры.

— Это все объясняет, — кивнул Тони, будто бы соглашаясь с моими мыслями, которых, на самом деле, слышать не мог.

— Ладно, раз свидетель ушел, можем вторгаться в чужую собственность!

Не дожидаясь протестов со стороны моего верного рыцаря, я зашла в дом Церковиных.

— Тамара! — покричала я для приличия с порога.

Узенькая терраска привела нас на кухню. Грязной посуды немерено: она и стоит на столе, и валяется на полу, и скинута в раковину. Везде летают мухи. На столешнице еще полчище темных крошек, а на самом краю, свисая под опасным углом, лежит половинка длинного маринованного огурца.

Арка привела нас в следующую комнату (в доме не было коридоров и дверей). На кровати в одежде поверх грязного постельного белья валялась какая-то женщина лицом вниз. Подушки не было, голова покоилась прямо на простыне. Темные спутанные волосы, смуглая кожа, невысокий рост — ничего общего с симпатичной девушкой на снимках.

— Кхе-кхе, — покашляла я так громко, как могла, а Тони потряс женщину за плечо, видя, что на звуку она не реагирует. — Она мертвая?

— Типун тебе!..

Одновременно с его фразой женщина закричала и пошевелилась. Наконец я увидела ее лицо. Удивительно, но все черты, за исключением, пожалуй что, длинного носа, были идентичными с Наташиными. Теперь я уже не сомневалась: перед нами ее мать.

— Простите, вы Тамара? — на всякий случай уточнила я. Хотя не то чтобы уточнила, скорее просто не знала, как иначе начать разговор.

— Сто лет уже Тамара... — почти неразборчиво, так, что я даже не сразу поняла, пробурчала она и посмотрела наконец на меня и Тони. — О, я вас знаю! Вы приходили уже! Почему вы все время приходите и задаете вопросы?

Мы с Антоном переглянулись. Совсем с катушек съехала. И для чего люди употребляют спиртное, скажите мне на милость? Солидарна с Бельским. Хоть он и пижон, но очень умный пижон.

Господи, опять я о нем думаю, что ж это такое...

— Дамочка, — встрял Антон, — это называется дежавю!

— Че?

— Приснилось вам, короче! Ну или это... предвидение будущего!

— А-а, — протянуло создание, пытаясь принять вертикальное положение, но неизменно падая обратно на кровать. Блин, сколько времени на нее придется угробить, чтобы привести в чувство, а ведь у меня еще другой адрес... — У меня это с детства! — заговорила она более вменяемым тоном, присев наконец на краешек собственной тахты. — Когда беременной ходила, мне сны снились страшные! Так и знала, что доченьки моей... не... — Заплакав, она все-таки договорила до конца: — ...станет рано!

— Вы про Наташу? — ласково спросила я, глядя ее по плечу. Дурацкая привычка все перепроверять. Да и брезгливость моя куда-то испарилась. Жаль было женщину. Может, она и не пила вовсе, пока такое горе не случилось? Мы никогда заранее не знаем, как среагируем на то или иное событие, тем более трагическое.

— Да, Наташеньку мою... Вы знали ее? Друзья ее?

Я молчала. Врать этой женщине не поднимался язык, если можно так выразиться, а сказать правду я, разумеется не могла, и Тони кивнул за нас обоих, получается.

— Сейчас не лучшее время для вопросов, — шепнул он мне.

Другого времени у меня, увы, не будет.

— Расскажите, пожалуйста, что случилось. Она же не сама... ну... Она утонула, да? — выкрутилась я.

Женщина зарыдала еще пуще и ответила просто кивком. Я подала ей салфетки, на удивление найденные на столе возле кровати, но Тамара проигнорировала их, полезла в карман вязаной кофты, в которой спала, и выудила оттуда большой мужской носовой платок.

Затем еще раз кивнула.

— Сказал участковый наш, что полезла ночью купаться. У Наташеньки день рождения был. Но со мной не стала отмечать, почто ей я? Старая тетка. У нее друзья появились в этом... коттедже, — с ненавистью, настолько свойственной простым гражданам при виде богачей, сообщила нам Тамара. — Она сказала, что там будет отмечать. Сама-то непьющая, но ей, видно, налили там... Друзья эти ее новые. А вы там были? — с подозрением спросила она нас.

— Нет, мы недавно узнали об этом горе, — сказала я. — Мы приехали издалека.

— А откуда это?

Я посмотрела на Тони.

— Из Рязанской области, — ответил он вместо меня.

Женщина удовлетворилась названным субъектом Российской Федерации и продолжила:

— Ну вот, девочка моя домой не вернулась. Оказалось, что ее там только утром начали искать. Вызвали участкового. Он сначала ехать не хотел, он у нас в городе живет. Говорит, гуляет. Спросите у матери. А они не знают, где она живет. Знали, что местная. Они же все приезжие. Ну только бабушка эта, забыла, как ее...

— Таисия Арсеньевна.

— Да, вот ей спасибо. Она тут заведует этим... как его... клубом бабушек, короче. Через них быстро выяснила, где Наташа живет. Жила. Ко мне явились эти бабки. Я сперва не поняла ничего. Потом молодые эти пришли. И с ними этот... мужик этот, который всеми этими заведует... концертами драными. Если бы девочка моя не заинтересовалась бы этой музыкой дурацкой, ничего бы не случилось! Мне ставили бабы в магазине нашем. Музыку эту. Ничего в ней. Один бубнеж!

— Ну зачем вы так, — обиделся Тони, — рэп — такой же жанр музыки, как и эстрада.

— Еще скажи, как опера, — влезла я. А то разозлит мне свидетеля, и что делать? Где

информацию добывать? — И что дальше было?

— Дальше искали ее всей деревней. Потом местные мужики про пруд заговорили. У нас часто тонут в нем. Горят, что чудище в нем живет.

— Лохнесское? — хохотнул Антон, но, увидев мой пристальный взгляд, осекся.

— Не знаю, как оно называется. Но нашли ее. В пруду-то. Захлебнулась, говорят. Участковый сказал, выпимши полезла. Так бывает, мол.

— А что, она одна купалась? — удивилась я. — Никого это не смутило?

— Нет. Никто из молодых тех ребят не признался, что с ней купался ночью.

— А алкоголь нашли в крови ее?

— Я спросил Никича. Это участковый наш. Он сказал, что нашли, хоть и мало. Но если тут замешан местный пруд, сказал он, то считай, все понятно.

— Это ему было понятно, — нахмурилась я. — Потому что искать никого не хотели.

— О чем ты? — удивился Антон.

О чем я? Действительно. Как сказать ему, что я не хочу, чтобы оказалось, что по вине моей сестры-близнеца несчастная девушка утопилась в местном пруду? И как объяснить ему, почему мою сестрицу это меньше волновало, чем меня саму? Ведь это она должна была расследовать, а не я.

А что если у нее все-таки проснулась совесть и она именно поэтому пропала? Она что-то выяснила, поняла, что это не несчастный случай и не самоубийство, и... Что? Убийца Натальи избавился и от Эллы? Может, стоит поискать тело Эллы в этом же чертовом пруду?

— Элька, ты побледнела. Что с тобой?

Да, я могу сколько угодно делать вид, что ненавижу сестру. Однако от этих мыслей, что и ее утопили, меня всю затрясло. Ее нет месяц. Месяц! Каковы шансы, что она жива?..

— А ваша дочь, — игнорируя Антона, пристала я снова к Тамаре, — часто употребляла алкоголь?

— Нет, никогда! Она не то что я... Она хорошая девочка... Вы же знаете ее! Вы сказали, что друзья!

О, Соня, ты посыпалась... Даже алкашка раскусила вранье.

— Мы давно не общались, — попыталась я спасти положение. — Вдруг что-то изменилось?

— Ничего не изменилось! Это я, я заслуживаю смерти! А не она! Уходите! — внезапно она поднялась и пошла на нас. — Всю душу вы мне вымотали...

Тамара стала агрессивной, действительно пора уходить. Я отступила к арке, но мимоходом спросила:

— У вас есть еще кто-нибудь? Может, позвонить им?

— Есть, — неожиданно миролюбиво ответила Тамара, все еще оттаранивая нас к кухне. — Лидка.

— Соседка?

— Нет. Сестра. Но не надо ей звонить. Она тоже годами пропадает. Где ее черти носят, я не знаю. Была ментом, ее погнали, а потом с бандитами связалась. Не морочьте мне голову! Я одна, и дорога мне теперь тоже одна! В ад!

Мы уходили почти бегом.

— С катушек тетка съехала! — жаловался уже на улице Антон.

— Съедешь тут, — сочувственно произнесла я.

— Ты чего такая добренькая последнее время?

Черт... Я так хотела быть собой, что в итоге вызвала подозрения.

— Пытаюсь исправиться. Мне часто говорят, что я эгоистичная стерва. Может, не врут,

а? — И я ему подмигнула, чтобы свести все в шутку.

— Конечно, не врут! — хохотнул парень.

Я направилась вперед по дороге, которая здесь, в этой части деревни, была неровной и неасфальтированной.

— Пошли теперь в семнадцатый дом.

— А там что?

— А там тоже умершая девушка.

— Ты что, некрологи пишешь?

— Типа того, — хмыкнула я. Очень хотелось спросить, был ли Тони среди тех, кто приходил тогда к матери Наташи, но я не могла: вдруг Элла была с ними? Это, кстати, объяснило бы, почему ее мать нас признала. Но я и так вызываю подозрения чуть ли не у каждого здесь своим нестандартным поведением.

Семнадцатый дом выглядел лучше. Двухэтажный, точнее такие называют одноэтажный с мансардой, так как от второго этажа был только узкий треугольник, с двумя гранями-крышами и единственным окном посередине. Впрочем, мы смотрели на дом со стороны главного входа, подойдя к калитке вплотную. Возможно, с торцов имеются еще окна. Сам дом был выкрашен в оптимистичный ярко-зеленый цвет.

Здесь во дворе были люди, сидели на корточках возле какой-то клумбы, поэтому нам не пришлось вторгаться на частную территорию.

— Здравствуйте, — громко поздоровалась я от калитки.

Пара лет пятидесяти поднялась, на нас глядя, и мужчина что-то шепнул женщине на ухо, после чего она пошла в нашу сторону. Скорее всего, как это часто бывает, муж переложил неприятные обязанности по общению с людьми на супругу.

— Вы к кому? — не очень доброжелательно начала она разговор.

— Мы к Медведевым. Это вы?

— Это мы. А вы кто?

— А мы знакомые Полины. Только недавно узнали, что произошло. — Я мысленно отметила, как изменилось лицо женщины при упоминании имени дочери (скорее всего, это была мать, но я, конечно, не была в этом уверена), и попросила: — Не могли бы вы нам рассказать поподробнее?

— Прошло уже два года со дня смерти Полиночки, а вы узнали только что?

— Да, — каясь, «призналась» я.

— Мы переезжали отсюда в Москву, — пришел мне на помощь Антон. — Но там не сложилось. Дорого больно. Вернулись.

— Вы одноклассники, что ли?

— Да, бывшие, — закивали мы, обрадовавшись.

— У Полиночки проблемы были с сердцем. Она стеснялась и никому не рассказывала. Не удивлюсь, что и вам... — Мы переглянулись, пожимая плечами, мол, и правда не знали. — Хотя освобождение все же было у нее от физкультуры! — вспомнила мать. Мы просто молчали. Тогда она продолжила: — Ну вот, врачи говорили, нужна операция по замене клапана, встали на очередь, но... не успели. — Невзирая на то, что прошло достаточно много времени, чтобы смириться с утратой, женщина расплакалась, а я почувствовала свою вину. Всего лишь за полчаса умудрилась довести до слез уже двух

незнакомых мне людей. Оказывается, два года — не срок, когда дело касается ребенка.

Антон смотрел на меня почти что с ненавистью, мол, во что ты меня впутываешь, из-за нас женщины ревут!

— Простите, пожалуйста, что напомнили вам... — искренне попросила я.

— Ничего, это вы извините... — Женщина утерла слезы. — Столько времени, а все болит... — И она похлопала себя по груди, намекая на сердце. — Как вспомню...

— Галя, что там? — крикнул с крыльца мужчина, заметив, по всей видимости, что жена сильно расстроена. Сам он сидел на пластиковом стуле под козырьком.

Галина обернулась на него и махнула рукой, мол, ничего.

— Эксперты ничего подозрительного в смерти не нашли? — задала я опасный вопрос. — Ее не вскрывали?

— О чем вы говорите! Медкарта же есть! Все знают, что с сердцем проблемы... Кто вы такие? — вдруг насторожилась она. Впрочем, не «вдруг». Я явно перешла некую грань. Бывшие одноклассники так себя не ведут. — Вы что, журналисты?

— Нет! — тут же открестился Антон.

— А вы знаете Наталью Церковину? — неслась я все дальше. А что мне оставалось делать? Тамара невменяема, а информацию откуда-то надо получать. Я все-таки сестру ищу. — Она пару месяцев назад тоже умерла, причем при весьма загадочных обстоятельствах.

— Знаю, с моей Полиночкой дружили. К рэперу этому... бегали. Вылавливали его. О смерти тоже знаю, только нет там ничего загадочного, Наташа утонула в нашем пруду. Вы кто такие, спрашиваю?

Тони в это время копался в телефоне и наконец показал женщине фотографию: он, Наталья и еще парочка человек на участке Павлецкого. Я это фото у Элки не видела, но она на нем отсутствовала.

— Мы тоже поклонники Яна Павлецкого. Мы дружили с Натальей. Хотя Полину я не застал, я позже стал участвовать в съездах. — Антон, похоже, и не заметил, что выдал нас с потрохами, ведь до этого мы представились подругами Медведевой.

Но ее мать этого тоже не подметила. А может, уже догадалась, что соврали.

— Хорошо, но от меня-то вы чего хотите? — Женщина с нами испытала разные виды эмоций всего лишь за одну минуту. Горе утраты, настороженность, а теперь вот раздражение.

Так как Антон не знал ответа на этот вопрос, пришлось говорить снова мне:

— Уже несколько молодых, здоровых девушек, побывавших в имении Павлецкого, скончались довольно сомнительным образом. Конечно, участковому, фельдшеру и всем остальным всегда проще сказать, что это несчастный случай, или болезнь, или самоубийство. Но совпадение-то странное! Может, Полина вам что-то говорила о тех участках, — показала я головой на край деревни, — может, ей тоже что-то казалось странным или пугало?

— Нет, ничего она не говорила. И странного в этих смертях тоже ничего нет. Вот вы пришли и душу мне разбредили, все для чего? В сыщиков играть захотелось? — Антон быстро пожал плечами и руками показал «X», мол, отмена, это не я, вообще о таком не думал. Тогда она посмотрела на меня. — Девочка... как тебя?

— Элла. — Господи, чуть не сказала Соня...

— Вот, Элла, у моей дочки реально были проблемы с сердцем еще с рождения. У нас

даже все кардиограммы сохранились, могу показать! А Наташа утонула в пруду. Наш пруд заколдованный, так все говорят. Каждый год кто-то тонет. Всем с детства твердят, чтобы после захода солнца не купались там.

— А вы верите в заколдованный пруд?

— А вы во что верите? Какие у вас версии?

У меня были версии, но делиться ими не хотелось.

— Простите, что отняли время и... нервы.

Я развернулась и молча пошла прочь.

Антон быстро меня догнал.

— Ну что? Домой? К показу фильма заблаговременно успеваем!

— У нас еще два с половиной часа в запасе. Нет, я хочу сходить на пруд. — Карту я изучала неоднократно, так что даже не пришлось просить Антона отвести меня.

— Ты решила следственный эксперимент провести? Что ж, не откажусь с тобой искупаться после захода солнца! Но темнеть начнет поздно, на фильм опоздаем.

— Нет. Я хочу просто посмотреть. И поспрашивать местных. Видишь ли... — я хотела сказать ему, что по статистике из молодых здесь умирают в основном только мужчины, женщин даже более старшего возраста, чем Медведева и Церковина, все равно несоизмеримо меньше, но осеклась. Я не смогу ему объяснить, откуда у меня сведения. Если только на сайт Росстата сослаться.

— Что? — не дождался Антон продолжения.

— Не верю я в мистику, вот что.

— Конечно! — хохотнул он. — Я тоже. Поэтому мне так сложно всерьез обсуждать эти страшилки из журнала Павлецкого.

— Ага, а кто ночью призрака испугался?

— Так то ведь на кладбище было! — ответил парень, даже не понимая, насколько далеко уходит от логики и здравого смысла. — Там любая хня гулять может! А это, — показал он рукой, потому что мы уже шли по полю, которое вело нас к водной глади, — просто пруд! Народ бухает и тонет, потому что вода холодная и ноги сводит. Или потому что обрыв крутой. Или потому что слишком бухие, чтобы не утонуть, сечешь?

— Но Наташка-то не пила! О чем я и говорю.

— Ну, в тот-то день выпила, с подачи Ирки, которая ей в подружки записалась. Уже с твоей подачи...

Я резко встала. Ирина упустила этот момент из своего рассказа. Что я тогда тут делаю? Наталья реально напилась — впервые в жизни, по случаю дня рождения — и полезла под мухой купаться? Но почему одна? Хотела купаться с Сашкой, но он не пришел, и она ему назло полезла в воду одна? Какой ужас... Но что-то мне подсказывало, что все было не так. Ведь и мать Медведевой, и Антон не знали главную деталь. Трагедии случились не с двумя девушками, а с тремя! Элла поехала на какое-то кладбище и пропала! А ее браслет найден здесь. Значит, ехала она именно на это кладбище. В итоге Элла — третья жертва данной деревни. Третья молодая, здоровая девушка, интересующаяся творчеством рэпера Павлецкого. Три — уже закономерность, а не совпадение. Но рассказывать об этом я пока не могу. Я до сих пор не знаю, кому тут можно верить. Вдруг именно Антон избавился от них всех, а теперь делает вид, что верит, что я Элла?

Я посмотрела ему в глаза. Большие, карие, наивно распахнутые. Врет? Может, так и спросить? Прямо сейчас? Что, не дала тебе ни одна, ни другая, ни третья? И ты их от

злости...

Меня саму посетила невообразимая злость в тот злосчастный миг. То ли я слишком отчетливо представила себе все эти моменты, и мне передалась ярость потенциального убийцы Антона, то ли это была уже моя собственная, когда я поняла, что конкретно он, ставший мне почти другом, мог убить мою сестру.

— Она жива? — строго спросила я, готовая вцепиться ему в глотку.

На одну секунду в его глазах вспыхнул яркий, как фейерверк, испуг. Но он быстро взял себя в руки.

— Кто?

Зачем я выдала себя? Надо держать себя в руках! А то он и меня утопит в этом пруду, как Церковину...

— Тамара, вот кто. Мы ее оставили в таком состоянии...

— Да брось ты! — Тони сразу повеселел. Как будто надвигающийся на него КамАЗ резко сменил направление, ничуть по итогу не задев. Или мне кажется? Он просто подумал, что я сошла с ума, когда с таким лицом стала задавать странные вопросы, и выдохнул облегченно, поняв, что я всего лишь переживаю за постороннюю женщину. — Проспится и будет как огурчик. К тому же мы ее напиваться не заставляли, это не наша вина.

Я возобновила движение к пруду, все же недовольно заметив:

— Как часто люди утешаются мыслью, что что-то не их вина.

Внезапно он взял меня за руку. Я вздрогнула. Целоваться полезет? Что делать? К чему эта романтика сейчас?

Но оказалось, что он просто решил меня успокоить.

— Элька, я вижу, последнее время ты сама на себя не похожа. Какими-то духовными практиками занялась, что ли, что тебя так торкнуло?

— Йогой, — выдала я первое, что пришло на ум. — И медитациями.

— Ясно. Только хорош терзать себя неприятными мыслями. Наташка умерла, все, смирись, живи дальше. Думаешь, я не выкупаю, откуда в тебе возникла жажда что-то там расследовать? И все эти рассуждения про чувство вины и оправдания. Сама ли она утопилась или это несчастный случай — какая в сущности разница? Это ее был выбор — в обоих случаях. Напиться впервые в жизни и пьяной полезть ночью в пруд, где все тонут — вполне себе самоубийство, как по мне. Но ты тут ни при чем. Да, зря ты ее разыграла. Но что теперь? Сама утопишься? — он кивнул на пруд.

Я сделала пару шагов вперед, будто примеряясь, затем уловила какое-то движение справа, за кустами. Оказывается, нас подслушивали. Заметив удочку, я сделала вывод, что это не специально. Несчастному рыбаку пришлось следить за сценой на пляже.

— Простите, — крикнула я ему, — мы вам всю рыбу распугали, да?

— Да ничего! Все равно, зараза, не клюет! — доброжелательно ответили мне из кустов, а Тони напрягся, мол, я такую речь толкнул, а ты теперь делаешь вид, что тебя это вообще не колышет.

Я вырвалась из дружеского рукопожатия Антона и подошла к рыбаку. Усатый мужчина с обветренным лицом насаживал червяка на крючок.

— А вы не боитесь ловить рыбу *в заколдованном пруду*? — закинула я удочку, словно это я была рыбачкой, хотя и делала это, в отличие от мужчины, в метафорическом смысле.

Рыбак, как и планировалось, среагировал на слово «заколдованный» и выдал мне пару смешных легенд. Если верить одному мифу, тут утопили ведьму еще в Средние века, и она

покаялась всех, кто ступит в воду, забирать с собой. При жизни ли клялась, отплеываясь, пока ее топили, или уже после смерти — история умалчивает. По другой легенде, здесь живет какое-то чудище. Страшное, уродливое, с длинными седыми волосами и, по некоторым данным, с бородой. Видимо, это та самая ведьма преобразилась от жизни под водой, как персонажи «Пиратов Карибского моря».

— Ну а сами-то вы верите в это?

— Я? — крикнул он забавным тоном, улыбаясь так широко, что были видны все проплешины от удаленных зубов. Реально это прозвучало скорее как «кря», чем «я». — Нет, конечно! Девочка, я тут сам купался ночами по молодости и жив-здоров до сих пор. Просто я алкоголь не приемлю. А тонут здесь только пьяные и только по праздникам, вот так!

— Недавно тут девушка утонула, — влез Антон. — Местная. Звали ее Наташей.

Рыбак сразу посерьезнел.

— Было такое, — кивнул, — несколько месяцев назад. Мой приятель ее из воды вытаскивал.

— Правда? — удивились мы неожиданной удаче.

— Да, тоже рыбалку уважает. — Мужик обвел взглядом свои снасти, удочку и пруд. — Он пришел с утра, знал уже, что девочку эту ищут. Заметил что-то светлое в зарослях камыша, — мотнул он головой в ту сторону, где, по его мнению, что-то привлекло внимание его приятеля, — подошел ближе, видит, волосы светлые плавают в воде. Дальше смотрит... а там тело. Только вот девочка эта не пила. Знал я ее с детства. Живу чуть дальше по той же улице.

— Это был ее день рождения, — заметил Тони.

— И что? Если вам интересно мое мнение, не могла она напиться до такого, чтобы ночью полезть в воду и захлебнуться.

— А что тогда произошло? — затаив дыхание, проявила я любопытство к чужой точке зрения. Все-таки впервые кто-то подтверждал рожденные у меня подозрения.

— Знаете, — вздохнул рыбак и даже удочку отложил, не обратив внимания на то, что с той стороны начало клевать. — Не под протокол, как говорится. Когда приятель тащил ее из пруда, из нее камни посыпались.

— Чего?! — ошолбенели мы.

Вместо кивка он выразительно моргнул, мол, так и было, как на духу.

— На ней сарафан был по типу рубашки длинной, девушки ходят в таких. — Я кивнула, понимая, что он имеет в виду сафари. — И вот карманы с боков были. Оттуда и камни высыпались, но мелкие.

Мы переглянулись с Антоном. С камнями никто купаться не полезет. Добровольно, во всяком случае. А значит, могу себя поздравить с отличной интуицией. Я не просто так взялась за расследование «несчастливого случая». Это явный криминал.

— Он сказал об этом полиции? Ну, о камнях?

— Сказал. Участковому нашему, он ведь его сначала позвал. Но пока он тащил тело, камни-то все тью-тью. Показалось тебе, Михалыч, ответил участковый наш. Михалыч-то это любит, — щелкнул мужчина, чьего имени мы так и не удосужились спросить, себе по горлу, — поэтому ему не поверили особо.

— А вы поверили?

— А я — да, — четко проговорил рыбак. — Потому что накануне видел я эту девочку. Да не одну.

— Что?! Почему вы сразу не сказали?

— Да не мое это дело, кто с кем гуляет, — увильнул он, — и проблемы мне не нужны. Только вот Михалыч рыбачить любит с утра, а я все же вечером. Тогда до темноты засиделся. И видел я платье такое же точно, на пуговицах, белое. Но лиц не разглядел. Говорили они в кустах. Но мое дело — маленькое. Я собрался и ушел. А тела я не видел. Это уж потом сопоставил, когда мне сказали, в чем Наташка была. Но опять же для полиции этого недостаточно будет. Мало ли кто в похожих платьях гуляет? Я даже цвет-то толком во тьме не видел. Светлое — и светлое, что на нем, что на ней.

— А вы по голосу не опознали Наташу? — вспомнила я, что он ее знает с детства, как сам говорил.

— Нет, — покачал он головой. — Слышал пару слов, я уже собирался домой. Но если это она была здесь накануне, то она точно была не одна.

— С мужчиной или с женщиной? — задал Антон правильный вопрос, однако собеседник лишь пожал плечами.

— Я бы сказал, что мужчина, — ответил все же он, подумав, но неуверенно. — Вы это... — добавил он, испытывая неловкость. — Особо не расследуйте. Тамарка-то и так плоха. Сейчас добавлять ей только... Поняли?

— Ага, — кивнул Антон, а я ничего не ответила. Я не могу давать обещание не волновать Тамарку, потому что смерть Натальи, скорее всего, связана с исчезновением сестры, а уж второе я буду расследовать до победного конца!

Обратно мы шли молча. Поведение мужика, конечно, обескураживало. Живет по принципу «моя хата с краю». Когда ты уже знаешь, что девушку ищут, ты не мог сказать, что видел кого-то ночью? Спросить, в чем была одета? Да, она уже была мертва, по всей видимости, когда народ всполошился, но по горячим следам всегда проще отыскать убийцу.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросил Антон, когда мы уже подходили к калитке.

— Зависит от твоих мыслей.

— Камней изначально было больше?

Я резко встала.

— Поэтому труп всплыл. Они выскочили. Хотя карманы в таких платьях небольшие. Возможно, там был один крупный камень, а остальные в довесок. Или во второй карман закидывали. И вот большой вывалился, потому что карман слишком мал. И с остальными она всплыла. Так ты думаешь?

Антон нажал код, пропустил меня внутрь, в спину сказал:

— Я думаю так. А ты нет?

— А я не знаю, что и думать. Если ты жив, но тебе камни в карманы пихают и к пруду тянут, ты не спросишь, что за хрень происходит?

— Хрень? — удивился он.

— Да, переучиваюсь, чтобы матом не ругаться. Предки наказывают десятью рублями за каждое слово!

— Но сейчас-то их здесь нет.

«А ты только сейчас заметил, что я не ругаюсь матом?» — хотелось мне спросить. Но Элла, кстати, не является отпетой матерщинницей. Хотя, когда надо что-то сказать, как, например, сейчас, она легко скажет. А я — нет.

— И все-таки. Главный вопрос не в том, что с телом стало, а как ее убили и кто. Камни

— это уже дело второстепенное.

— Ну не скажи. С камнями в карманах никто купаться не полезет, властям не худо бы знать об этом.

— Мы можем связаться с участковым и рассказать ему, — предложила я, заходя в дом.

Говоря, я обернулась на Антона, а когда посмотрела вперед, то увидела, что в холле полно новых людей. Это были старушки в платьях, среди них Таисия Арсеньевна — самая нарядная. В том самом костюме-двойке, что демонстрировала нам в столовой. Видимо, она решила и на показ фильма его надеть, и на предстоящий концерт. Сарафан с пиджачком действительно хорош и цвет ей идет, чего же добру пропадать?

— Эллочка и Тоша, о чем вы говорите? — с любопытством, настолько свойственным всем пожилым людям, не имеющим особых занятий, спросила Таисия Арсеньевна. — Зачем вам участковый?

Четыре пары глаз внимательно на нас смотрели.

— Э-э, — протянул Антон, затем ответил: — Были у матери Наташи Церковиной, она, похоже, съезжает с катушек, в смысле, — поправился он, побоявшись, что бабки не знакомы с молодежным сленгом, — сходит с ума, бросилась на нас, чуть не избилась...

Бабки ахнули и заговорили про семью Церковиных. Стали обсуждать преждевременную смерть дочки и тяжелую судьбу матери-алкоголички. Я паслась рядом, надеясь получить новую информацию, но не тут-то было. Перечисление мужиков-зэков, которые были приписаны наблюдательными старыми сплетницами в любовники Тамаре, меня особо не волновало. Тем более, по их словам, с мужиками Тамара завязала еще года за полтора до смерти дочери. Вряд ли какой-то из «отчимов» решил утопить Наташку назло бывшей любовнице. Хотя, конечно, чем черт ни шутит...

Наконец в холле появилась Леонелла, вышедшая из своей комнаты.

— А почему у нас гости стоят под лестницей? — натянув на себя неискреннюю улыбочку, проворковала она. Хотя таким голосом реально можно только «гавкать» и «гаркать». Но она явно пыталась быть вежливой. — Может, что-то предложить им выпить, а, Таисия Арсеньевна?

— Ждем Сережу, — пояснила та.

Мы пока с Антоном переобувались в тапочки.

Макаров через полминуты появился в боковом коридоре и позвал всех в гостиную.

— Поздно у вас кино показывают, — пожаловалась бабка в розовом сарафане нашей старушке. — Я в девять уже кемарю!

— Фильм идет только час, как мне сказали, — пояснила хозяйка.

Мы шли за ними.

В гостиной оказались почти все. Она была меньше, чем библиотека, но могла спокойно вместить много человек. Вдоль стены висела плазма, в центре комнаты длинный ярко-желтый кожаный диван, повернутый к экрану, по бокам от него и за ним, вторым рядом, стоят кресла, пуфики и бесформенные «груши» — все разных цветов, как и подушки на диване, отчего гостиная походила на детскую комнату. Даже обои были в цветочек, но желтый цвет (тюльпаны) превалировал, объясняя выбор дивана. В небольшой уютной вазочке на стеклянном столике перед диваном стоят свежесрезанные цветы — те самые лимонные розы, которые тоже прекрасно вписывались в интерьер. На диван, где ночевал Сергей Петрович, мы усадили бабушек, включая хозяйку. Остальные разместились кто где, Макаров выбрал кресло по соседству с диваном, мы с Антоном сели возле двери на

креслах-«грушах». Во-первых, мне казалось, что я не смогу выдержать целый час фильма о Павлецеком, и уходить хотелось по-английски, не привлекая внимания, а во-вторых, почему-то имелось настойчивое желание лицезреть Александра, а его не было, и так мне казалось, что я увижу его чуть раньше — еще в коридоре.

— Ладно, уже девять, опоздавших ждать не будем. — С этими словами Макаров поднялся и направился к экрану с флешкой в руках.

Пока он настраивал воспроизведение фильма, я разглядывала всех собравшихся. Кроме Саши, отсутствовала еще и Леонелла, несмотря на то, что в холле была со всеми, а вот до гостиной почему-то не дошла. Укол ревности вдруг пронзил мою грудь, но силой воли я выкинула из головы все мыли, связанные с ними. Они не могли не прийти каждый по своей причине, а не по какой-то общей.

Чтобы совсем избавиться от картинок в голове (честно сказать, уже пару дней, стоило закрыть глаза, как образ наглого блондина вставал в моем изнуренном сознании), я стала наблюдать за старушками. Что-то странное привлекло мое внимание. Они шушукались, и вдруг Таисия Арсеньевна достала с нижней полки журнального столика небольшую упаковку, до ужаса напоминавшую мне тот самый «чай», который мне подарил Макаров, даже цвет был тот же — розовый, только оттенок отличался. Пачка, лежащая в тайнике, отличалась ярко-розовым цветом, а эта была бледной. Однако, приглядевшись, я заметила, что и надписи на незнакомом мне языке (иероглифы, если быть точнее) расположены с той же стороны. Те же или нет — этого я уже не могла сказать. Что это значит? Я, честно говоря, думала, что Макаров использует напиток, чтобы соблазнять девушек, к примеру, усыплять их и пользоваться их незащищенным состоянием. Но вот старуху в этой роли представить тяжело. Она подруг своих усыпляет? Или это разные напитки? Чтобы это выяснить, мне нужно получить и эту пачку. Но как ее забрать? Интересно, там внизу есть еще коробочки? Может, дождаться ночи и просто взять? Да, тут спит Макаров, но если зайти очень тихо...

Тут мои мысли прервались, потому что я заметила на столе перед бабушками большой заварочный чайник. Точно, Леонелла же говорила про чай и вроде даже шла за нами. Куда она делась? Видимо, пока мы с Антоном рассаживались, она уже приносила чайник с чашками, а потом пошла на кухню за каким-нибудь печеньем или вареньем, и я ее просто не заметила. Настроение сразу поднялось, когда я поняла, что Саша сейчас один (вряд ли он хлопочет на кухне, помогая накормить старушек, не тот типаж), поэтому новый план созрел мгновенно. Я поднялась и подошла к столику, пока Макаров не выключил свет и настраивал субтитры для плохо слышащих.

— Вам налить? — любезно предложила я, вызывая на себя целый шквал недоуменных взглядов. По всей видимости, Элла никогда никому не помогала. Но мне сейчас было не до конспирации. — Ой! — сделала я вид, что случайно уронила пачку салфеток на пол. Села и сунула руку под столешницу, которая была накрыта длинной широкой кружевной скатертью, из-за чего сразу не было видно, лежит ли что-то еще на нужной полке.

Я пощупала рукой, но ничего не нашла. Только журналы и газеты. Полка была маленькой, я дотянулась даже до дальнего угла. Проклятье! Значит, эту пачку специально подготовили для женщины.

— Спасибо, Эллочка! — поблагодарила меня Таисия Арсеньевна, когда я налила ей чая (пришлось!).

Ее соседка тем временем копалась у себя в груди, зачем-то проверяя бюстгальтер.

Зачарованная этим телодвижением, я не заметила, что пролила чай мимо ее чашки.

— Блин!

Вот и пачка салфеток пригодилась!

— Тая, не могу купить сегодня! — покаялась бабуленция. — Денег не взяла!

Ах, вот что она искала у себя в белье! Боже, как это по-бабушкински и по-деревенски.

Милота, как любят говорить в интернете.

— Ничего, — подвинула ей Арсеньевна пачку. — Бери, потом отдашь.

— Ты что! Луна в рост пошла, нельзя в долг брать ничего! Так из долгов не вылезешь!

Пока они пререкались, я незаметно, прикрывая ладони салфетками, придвинула розовую упаковку к себе. Тут и Макаров пошел к стене, чтобы выключить свет. Он уже все настроил.

Делая вид, что просто иду выбросить использованные салфетки, я завернула в них пачку странного чая и вышла из гостиной. Пусть дяди-Мишины эксперты сверят содержимое.

Так как кухня с помойным ведром была в другой стороне, чем холл с лестницей на второй этаж, я прикрыла ногой дверь в гостиную, а то еще увидят, как я хожу туда-сюда. Бегом достигнув кухни, я выбросила салфетки и уже с пачкой побежала обратно, через коридор в холл.

Поднявшись на второй этаж и быстрым шагом дойдя до двери в свою спальню, я уже схватилась за ручку, как услышала громкие голоса у соседа. С кем это Александр так разговаривает? Он не нападал и не высмеивал, что более на него похоже, он как будто оправдывался, да еще и с испугом, если судить по интонации. А впрочем, я, как всегда, фантазирую... Кивнув своим мыслям, я уже увереннее распахнула свою дверь, как услышала просительное «Стойте!» всего в паре метров от меня...

«Опасность!» — закричало во мне чувство самосохранения, но я уже летела в соседнюю комнату.

...Александр отступал к стене, а на него двигалась Леонелла с пистолетом в руке. Погодите... чего? У меня что, глюки?

— Элла, уходи! — скомандовал Саша, повернув ко мне испуганное лицо.

— Нет уж, Элла пусть теперь заходит и закроет за собой дверь, — приказала женщина.

Я подчинилась, но все-таки рискнула уточнить:

— Что происходит?

— Она нашла у меня... — Саша кивнул на тумбочку, где лежали фото и открытка, которые всего пару часов назад были у меня за шкафом.

— Кто вы? — Она молчала. — Вы родственница Наташи, да?

— Тетя, — нехотя ответила Леонелла, хотя постойте... Вряд ли это ее настоящее имя. Я вдруг вспомнила, как Тамара говорила о сестре из правоохранительных органов, которая якобы спелась с бандитами. Как же ее... Лидия. Точно. — Сестра каждый день напивается до полусмерти, так ее гибель дочки подкосила. И я поклялась, что найду виновного.

— Но Саша невиновен! Это...

— Стой! — рыкнул на меня Бельский. — Элла, ты не знаешь, что несешь! Ты вообще не в курсе той истории!

Я поняла, что он пытается меня спасти, взять удар на себя. Но на самом деле, обратившись ко мне именем Элла, он вернул мне память. Ведь я от шока едва не ляпнула, что это все проделки Эллы. У меня будто реально приключилась амнезия, и я забыла, что я здесь под прикрытием.

— Послушайте, Лидия, или как вас там, — начала я. Саша выглядел растерянным при моих словах, а Леонелла — удивленной. Скорее всего, догадка моя верна. — В деле о смерти вашей племянницы много противоречий. Я расследую его сама.

— Неужто? — хмыкнула она недоверчиво, мол, знаю-знаю, время решила потянуть, однако в уголках небольших сердитых глаз появилось что-то, похожее на надежду. Можно сомневаться в чем-то умом, но при этом верить сердцем. — С чего бы это?

— С того, что это расследование, как мне кажется, пересекается с моим собственным, — сказала я правду, позабыв о конспирации. Спасти Сашу сейчас казалось важнее всего на свете. Сам Бельский с изумлением пополам с грандиозным шоком уставился на меня, отводя взор испуганных серых глаз с мушки пистолета. — Так вот, — продолжила я, — и местные рыбаки, и статистика смертей по деревне говорят, что в здешнем водоеме тонут только алкаши. Легенда о проклятом пруде никак себя не оправдала. Ваша племянница — единственная девушка ее возрастной категории и образа жизни, назову это так, в этом списке. И есть свидетель, говорящий, что видел ее накануне смерти с каким-то человеком, а когда ее доставали из воды, то из карманов сыпались камни! — У женщины распахнулись глаза, на мгновение из маленьких превратившись в большие и выразительные, даже оттенок стал светлее, но она быстро взяла себя в руки. — При этом имеется еще одна жертва, — продолжала я, — ее подруга, которая, хоть и не утонула, но два года назад умерла от острой сердечной недостаточности. И она тоже была фанаткой Павлецкого, понимаете?

— Понимаю, — кивнула Леонелла, так же известная как Лидия, к счастью, опуская пистолет. Она поняла, что я не вру, а реально занималась поиском информации. — Я не просто так сюда приехала, знаете ли. Все ниточки ведут в этот дом.

— Про какую вы девушку говорите? — рискнул спросить Саша, все еще держа руки поднятыми. — Я сюда приезжаю как раз два года подряд.

— Полина Медведева, — ответила Лидия.

— Никогда о такой не слышал, — покачал головой Бельский.

— Видите, он ни при чем.

— Ну, это легко можно сказать!

— Это легко можно проверить, — сказал Саша. — Просто поспрашивайте остальных участников.

Кивнув, она обратилась ко мне:

— А у тебя что за расследование?

— А у меня... — я замялась. Не могла же я говорить при Бельском, что я не Элла! — Я расследовала как раз смерть Медведевой.

— Врешь! — Лидия наставила пистолет теперь уже на меня.

— Э-э, — возмутился Саша, — девочка тут ни при чем! Пусть она уйдет!

— Она никуда уже не уйдет, она свидетель.

— Свидетель чего? — спорил Александр — то ли по глупости, то ли из вредности. Или просто язык заговаривал врагу. — Вы еще никого не убили! Можете просто уйти, я ничего никому не скажу! Правда-правда. Честное слово.

Лидия молча перевела прицел с меня на него.

— Вы правы, — нехотя заговорила я, пока она его не грохнула за несносный характер. — Я расследую другое дело, но при нем не буду говорить. Пойдемте ко мне в комнату, я вам все расскажу подробно и даже продемонстрирую некоторые улики. У меня связи в правоохранительных органах, я их собиралась передать завтра.

— Нет, мы никуда не выйдем из этой комнаты. Раз мальчик тебе мешает, мы это легко исправим.

О ужас! Она прицелилась, готовясь стрелять — судя по направлению дула, прямо ему в грудь, — и я, совсем не думая о последствиях, рванула вперед, закрывая его своим телом.

Раздался сухой щелчок. Почему-то он показался мне оглушающе громким, возможно, из-за моей уверенности, что это последний звук в моей жизни. Однако ничего за ним не последовало. Только давящая атмосфера, которая быстро рассосалась, возвращая все остальные звуки и чувства.

— Не заряжено, — хмыкнула тетка, убирая оружие. — Попугать вас решила, детки. Чтобы поняли, с кем имеете дело, и не трепали языком.

Мы молчали в немом ужасе, пытаюсь переварить все произошедшее.

— А поговорить?! — завопил Сашка, придя в себя. — Просто поговорить! Вы не пробовали так, нет?! Чуть что, сразу за пушку хватаетесь? Бешеная!

Лидия хмыкнула.

— Можно подумать, люди честно обо всем рассказывают, когда с ними *простоговоришь!*

— Знаешь, что, сучка чокнутая? — перешел он на «ты». — Не была бы ты бабой, вломил бы за такие шуточки!

— Ну давай! — сделала она шаг вперед. — Теперь ты крутой, когда опасность миновала! Знаю я таких. Бабы все вам отдают, вот эта, — кивок в мою сторону, — жизнь свою только что попыталась отдать, самое ценное, кстати, что у нее есть. Ты заметил хотя бы? — Он молчал. Только желваки ходили ходуном и зубы скрипели. — А племяшка моя тоже влюблена в тебя была и тоже многое бы отдала, думаю. Почему хорошие девочки всегда на козлов клюют?

Саша все так же молчал. Я решила прервать их ссору.

— Давайте займемся делом. Пойдемте в мою комнату, и я все вам расскажу. — Бельский сделал шаг к двери. — Нет, Саша, ты останешься!

Парню это явно не понравилось, но спорить он не стал.

У себя в спальне я поделилась с женщиной своей ведущей версией. Она согласилась со мной и обещала содействовать во всем. Оказалось, что ее не «погнали из полиции» и она не «спелась с бандитами», как считала ее сестра, а работала под прикрытием последний год и разоблачила банду наркоторговцев. Да, прямо как в кино. А вернувшись, застала сестру вот такой (какой мы видели ее с Тони). Та даже не поняла всего того, что Лидия пыталась ей объяснить. «Иди к своим друзьям бандюганам, оставь меня в покое!» Лидия с трудом вытянула из сестры, что случилось с Наташей. Она тоже сопоставила два и два и явилась на нынешний слет, чтобы выяснить правду.

— Дай мне флешку! — попросила женщина. — У меня с собой лэптоп, я проверю, что на ней. — Я замаялась. — Ты ведь даже не уверена, что там что-то важное! Как ты своему дяде полковнику понесешь ее? Ты же просто ее нашла в пустой комнате!

— Не просто в пустой комнате, а в тайнике, который всегда делала Элла, — понизив голос, пояснила я. Да, мне пришлось сказать, что я Соня.

— В любом случае нужно как можно быстрее проверить, что на ней! — В глазах Лидии горел азарт.

— Хорошо, вот флешка, но я пойду с вами.

Она не стала спорить. Мы спустились на первый этаж и, когда подошли к двери

Леонеллы-Лидии, я слышала щелчок.

— Что это? Вы слышали?

— Да, кажется дверь где-то закрылась. А что?

— Вроде ходить тут больше некому...

— Не переживай, — открывая дверь и пропуская меня внутрь, сказала Лидия, — это твой бойфренд наверняка пошел ко всем кино смотреть.

— Он мне не бойфренд, — хмуро ответила я, подходя к письменному столу, на котором лежал ноутбук.

Комната была гораздо меньше моей, почти спартанская обстановка: узкая кровать, кресло, письменный стол, встроенный в стену шкаф с белой дверью.

Лидия заняла единственный стул перед столом и воткнула флешку в разъем. А я стояла рядом, хотя могла пододвинуть кресло. Не то чтобы мне было лень, просто волнение не позволило бы мне сейчас сидеть на одном месте и не двигаться. А так я прохаживалась за спиной хозяйки ноутбука.

— Это все документы фонда! — изучив материал, вынесла она вердикт. — Устав и другие документы: договор аренды помещения, счета-фактуры и прочая финансовая документация... Как Элла раздобыла их?

— Это же Элла! — с неожиданной гордостью за сестру произнесла я. Какой бы она ни была, может статься, что она сделала прорыв в каком-то расследовании, которое вела с неким Зайчиком. Хотя, конечно, для самой Эллы, учитывая ее исчезновение, это ничего хорошего не означало. В лучшем случае она спряталась, поняв, что вляпалась во что-то страшное и опасное на сей раз. А в худшем... Даже думать не хотелось.

Лидия скопировала себе все содержимое флеш-накопителя.

— У меня есть связи в ОБЭПе, — пояснила она. — Попробую пробить этот фонд. А ты отдай своему родственнику.

Она вернула мне флешку, и я поскорее отправилась к себе, слыша какие-то звуки из коридора. По всей видимости, кино о Павлецеком закончилось, и сейчас все гости выйдут в холл, чтобы разбрестись кто куда — домой на другой участок или в свою спальню.

Не успела я собрать свои вещи, чтобы завтра с утра не тратить на это время, как в дверь постучались.

— Ира или Антон, — подумала я, — хотят узнать, почему я не вернулась в гостиную.

Но ошиблась. Это был Саша. Взлохмаченный, решительный и злой.

— Наконец-то! Я уж думал, тебя эта полоумная убила...

Он стремительно зашел в спальню, а я закрыла за ним дверь.

— Мы были у нее в комнате внизу, — пояснила я, почему меня так долго не было, — изучали некоторые документы...

— Какие?

— А какая разница? — резко спросила я, глядя ему в лицо. Так непривычно было видеть его шевелюру не причесанной волосок к волоску, как обычно, а стоящей почти дыбом.

Испугавшись своей грубости (я все-таки не должна его подозревать, хотя и отвечать, конечно, не стоит), я села на кровать, а Саша как-то странно ухмыльнулся.

— И впрямь никакой.

Сказав это, он тут же начал стаскивать с себя одежду.

— Что ты делаешь?

— Как что? — откинув в сторону майку, заявил этот озабоченный кобель. — Хватит

тянуть кота за хвост. Ты доказала мне уже, что изменилась, перестань играть недотрогу. — Расстегивая ширинку, он добавил: — Раздевайся.

— Чего?! Послушай... постой... — взмолилась я, но все было впустую. Стянув с себя джинсы, он перешел к белым трусам и известным лейблом на резинке. — Нет! — крикнула я, отворачиваясь и закрывая лицо руками.

— Отлично, — сказал он спокойно, будто удовлетворившись каким-то результатом. Через полминуты сообщил приятную новость: — Я оделся, можешь смотреть.

Я убрала ладони от лица. Сначала смотрела в пол — просто на всякий случай, но боковым зрением поняла, что он реально уже стоит в одежде.

— А теперь, — он сел передо мной на корточки, — скажи, мне, пожалуйста, правду: кто ты такая?

— Что? — О господи, я ведь знала... Я знала, что не смогу долго выдавать себя за Эллу. Тем более, учитывая, что сестра спала чуть ли не со всеми красавчиками подряд.

— Ты ее сестра-близняшка, верно? — спросил он полуутвердительно, будто уже знал ответ. Что он, собственно, и доказал следующей репликой: — Как тебя зовут?

— Но... я... — я не знала, куда смотреть. Я изучила потолок (свежая ровная побелка, глазам абсолютно не за что зацепиться), ковер (а вот на его можно смотреть, ибо тут присутствует рисунок), но он взял мое лицо рукой и повернул на себя. — Соня, — выдохнула я. — А откуда ты знаешь? — прозвучало с отчаянием. Что и понятно, я тут такой план придумала и воплотила, а он все рушит!

— Она говорила, что у нее есть сестра, — кивнув самому себе, начал рассказывать Саша, присаживаясь возле меня на кровать. — Не говорила, что близнец, однако частенько путалась в показаниях, так что сопоставить, в общем-то, было несложно.

— Как давно ты знаешь? — чувствуя, как щеки наливаются румянцем, спросила я с обидой. Боже, он уже знал, когда начал раздеваться! Вот гад!

— Я почти сразу понял, что что-то не то, — обтекаемо ответил «гад». Да, я помню, он уже спрашивал, кто я такая. Но я-то, наивная, думала, что разуверила его в его подозрениях!

— Ты... Ты... На кой черт ты раздеваться начал?! — выкрикнула я и толкнула его кулаком в плечо.

Он хихикнул и начал потирать ушиб.

— Я хотел, чтобы ты сама созналась. Да и потом... люди ведь меняются, бывает и такое, хоть и очень редко, поэтому я не был уверен на все сто процентов.

— Значит, она тебе говорила, что у нее есть сестра.

— Угу. Вначале сказала, что старшая, это прозвучало в контексте, что родители заставляют Эллу на нее равняться. Но потом как-то всплыло, что вы учились в одном классе. Я-то считать умею, и с логикой у меня порядок, и тут же спросил у нее, как это, мол, в одном классе. На это она выдала, что вы погодки, и она осталась на второй год. И в итоге попала в класс сестры.

— Господи... — сразу поняла я, какую глупость сморозила сестра. Мне вспомнилась Мила с ее «как была душой, так и осталась».

— Ага, — хохотнул он. — «Как тебя перевели в класс к сестре, которая старше?» — тут же спросил я ее. Она разозлилась и поменяла тему разговора. Она ведь не могла сказать, что это сестру к ней перевели, ведь, по ее словам, сестра умнее. Не на двоечницу же ее равняться заставляли! А про то, что это уже другая сестра, она сказать не могла, ведь уже неоднократно говорила, что вас двое у родителей. Вот на таких косяках я ее и поймал. Но

имя твое она не называла.

— Еще бы, — фыркнула я и почувствовала, что сейчас разревусь. Почему она так ненавидит меня? За что?.. Неужели из-за того парня, который ей нравился пять лет назад?

— Софья, значит...

— Соня мне больше нравится.

— Угу, хорошо. Ну так почему она тебя прислала вместо себя? — повернувшись ко мне, спросил Александр, из чего я заключила, что он вообще ничего не понял. — Стыдно было самой появляться после всего, что она натворила?

— Саша, — я взяла его за руку, чтобы он осознал, насколько все серьезно, и обратился в слух, — Элла пропала. Я ее ищу.

— Что? Как пропала? В каком смысле?

— В прямом! Полиция ничего не сделала. Другие друзья и знакомые не знают, где она. Денег у нее не было, а папина карточка нигде не засветилась. У родственников, даже самых дальних, ее тоже нет. — Он слушал меня с удивленно распахнутыми глазами. — Я боюсь, с ней что-то плохое случилось!

— Погоди... Ты об этом расследовании говорила Леонелле?

— Да. Наташа умерла очень странно. А до нее еще одна девушка. Я боюсь, что Элла стала третьей!

— Это что, местный маньяк?

— Не знаю, — пожала я плечами и с надеждой спросила: — Ты pomoжешь мне?

— Да, конечно... Только я не знаю, что могу...

— Расскажи мне, — перебила я. — Расскажи мне про нее. Про ваши отношения. Про ее отношения с другими. Обо всем, что она здесь делала, расскажи! Я ведь не могу никого спрашивать напрямую, я для них Элла!

Саша был очень умным парнем.

— Понял, — кивнул он и начал рассказывать.

Элла была очень раскованной и чрезвычайно упрямой. Она всегда получала то, чего хотела. Когда ей это по каким-то причинам не удавалось, она очень злилась, а иногда и строила козни. Саша познакомился здесь с Аленой; в первый раз, когда он ее увидел, она еще не увеличивала себе губы, да и за два дня знакомства, когда они перешли к более тесным, так скажем, отношениям, она не успела проявить себя как поверхностный, глупый — скажем прямо, человек (не имею понятия, зачем он мне это говорил, возможно, так себя оправдывал, но мне лишь в ответ на это хотелось воскликнуть: «Вот поэтому нужно человека узнать получше, прежде чем прыгать в постель! Чтобы потом не жаловаться и не стыдиться!»). И вот Элла тоже положила на Сашу глаз (еще бы!). Она многое перепробовала, чтобы их разлучить, она их ссорила, демонстративно заигрывала с Сашей, хотя на тот момент у них не было отношений, выходила из его комнаты на ночь глядя — так, чтобы кто-то видел и мог ей передать, ну и так далее. Повода не верить Саше у меня не было, ведь я знала, что, когда Элле что-то очень нужно, она становится невероятно изобретательной. Однако, когда сестра наконец-то добилась своего, она жестоко обломалась: Александр не стал с ней встречаться. Ну, в полноценном смысле этого слова... И вот какие забавы у них повелись. Элла приходила к нему после отбоя (они так в шутку называли детское, по сути, время, когда все ложились спать и внизу выключался свет, а старушка просила не шуметь,

короче, обычно это около половины двенадцатого или полночь) и... показывала стриптиз. («Вот чего он от меня ожидал!» — краснея, поняла я.) Потом гольшом на четвереньках подползала к нему, сидящему в кресле, как единственный зритель этого пошлого концерта, VIP-персона, короче, и...

— Не надо! — крикнула я, понимая, что конкретно он сейчас произнесет.

— Хорошо, хорошо, не буду говорить! О чем тебе тогда рассказать?

— О розыгрышах.

— Хорошо. Готовься, тема не из приятных...

— Да я уже поняла!

...У Милы очень напряженные отношения с отчимом. Настолько напряженные, что она сбежала от родителей и живет у бабушки, а на мужиков смотрит с отвращением. Подробностей, разумеется, никто не знает, даже ее мать, иначе... Короче, странно себе представить такую женщину, которая в случае насилия предпочтет мужика ребенку. Но ребята толком не знают, что там было, Петрович как-то пытается стать доверенным лицом (о, я это знаю, к сожалению, но Саше рассказывать не стала), но пока из нее ничего не вытянул. Мила сбежала, еще когда ей было пятнадцать лет, так что человека вполне можно (и даже нужно) посадить. Но не без ее показаний, конечно. Элла сказала, что она во всем разберется, но, по сути, стала девчонку травить, намекать на нетрадиционную ориентацию. Она подгадывала моменты, когда Мила шла в ванную и встречала там ее без одежды. Начинала орать, мол, Мила опять за свое! Выйди, извращенка! Я мужиков люблю! И все в таком же духе. А вечная напарница Ирина стояла рядом, чтобы быть свидетелем «домогаательства». А потом всем за столом они рассказывали, что Мила «снова» пыталась подглядывать. Когда Саша мою сестрицу припер к стенке и потребовал объяснений, Элла наивно похлопала глазками, дескать, хотела из нее правду вытрясти, почему мужиков ненавидит и ни с кем не встречается! Ладно, мол, Церковина монашка, я, мол, слышу каждую ночь, как она молится, чтобы Боженька ей суженого послал, но эта-то! Оторва, прогульщица, гот, вся в наколках и т. д. (да, я уже говорила, что для Эллы внешний мир важнее внутреннего, если у девушки татуировки, значит, она, по мнению сестры, или склонна к девиантному поведению, полукриминальная личность, короче, или лесбиянка). В общем, якобы с благими целями она провоцировала Милу на чистосердечное признание, чтобы ее отчима прижать. Саша не поверил ни единому слову. Он уже тогда понял, что на альтруизм Элла не способна. И запретил ей подходить к Миле. Но Элле запрещать что-то... Короче, я сразу поняла, чем все закончилось: Элла стала только сильнее придирается к Миле, нашла через соцсети ее друзей и еще и им всем разослала инфу об ориентации их подружки, которую та от них тщательно скрывает, а вот здесь, с нами, мол, дает волю рукам! Как она еще родителям не написала... Но Мила тогда потеряла многих друзей. Для меня лично это самый странный момент, ведь дружат с конкретным человеком, и плевать, кого он любит, мальчиков или девочек. Зачем нужны такие подружки?

Саша странно на меня посмотрел, когда я не выдержала и перебила его этой репликой, полной негодования.

— Что?

— Просто она то же самое сказала.

Когда к ней уже и Макаров с Таисией Арсеньевной подошли на следующем съезде и стали угрожать недопуском к мероприятиям, если она не отстанет от Милы, Элла так вывернула эту историю, мол, я сделала зачистку среди ее липовых друзей! И стала гнобить

уже Милу за то, что та не умеет выбирать себе верных товарищей. Мила, стыдясь, объяснила, что друзья якобы обиделись на молчание, а сами они толерантны. Только вот у Милы традиционная ориентация и ей пришлось всем объяснять, что произошло, кто такая Элла и почему она всем им пишет. В общем, история как-то замялась. Возможно, для Эллы эти съезды реально были очень важны, поэтому она послушалась в итоге лишь тех людей, которые официально могли ее этого всего лишить. Стало ясно, кстати, чего Мила так тарасилась на меня, когда я приехала. Боялась новых порцией издевок.

Историю про Наташу я уже знала и попросила ее опустить. Хотя Саша все равно не смог удержаться и пожаловался мне, каким козлом (его слова, не мои) он себя чувствовал, когда узнал, что девочка поверила и побежала куда-то ночью одна. И пропала. А потом обнаружилась мертвой в пруду. Он, в отличие от меня, полагал, что она утопилась с горя. Не знаю, что это: самовлюбленность или, напротив, мазохизм, желание наказывать себя даже тогда, когда ты, в общем-то, ни в чем не виноват.

— Саша, ты, конечно, хорош, я не спорю, но вряд ли она из-за тебя утопилась, — решила я проверить одну из двух версий.

— Да ты... — возмутился он. — При чем тут хорош? Она выпила, мне это говорили потом и Тим, и Антоха, и Ирка. Но если бы не ее влюбленность в меня, никуда бы она на ночь глядя не пошла и купаться бы не полезла!

— Я не думаю, что она куда-то лезла сама, — намекнула я.

— Не знаю... — Он потер лицо. — Хочется верить, что она не сама это сделала. Если результат твоего расследования... Короче, я буду очень благодарен.

— Слушай, ну мне тогда нужно открывать сыскное агентство. Чтобы всем благодарным номер расчетного счета говорить. Но моя главная задача — найти сестру. — С грустью я добавила: — Какой бы она ни была.

— Понимаю. А что этой чокнутой было нужно от тебя?

— Кому? Лидии?

— Да, Леонелле. — Я рассказала про документы на флешке. — Знаю, — вдруг кивнул Саша, — я застал ее за тем, что она влезла в ноут Макарова.

— Что? Почему ты молчал?

— Элла сама по себе любопытная, я не думал, что она лезет по какой-то причине.

— Выходит, были причины. Что еще ты можешь вспомнить? Ведь если ее пытались отравить... то есть меня уже, не важно... Вот, причины должны быть, и очень существенные.

Бельский помолчал. Затем стукнул себя по лбу:

— Забыл я тебе о кое-чем важном рассказать! Короче, можешь верить, можешь нет, но на нее свалилась тяжеленная китайская ваза.

— Чего?

— Элка стояла прямо под балконом. Раньше у нас вдоль балюстрады стояли высокие вазы с китайским рисунком и одна даже скульптура в стиле античности. И вот эта ваза полетела прямо на Эллу в тот момент, когда мы стояли в холле. Я успел ее оттолкнуть, ваза упала на пол и разбилась.

— С такой-то высоты! — заметила я, мол, логично.

— Угу, только вот там перила, насколько ты помнишь. — Саша не поленился встать, открыл дверь в коридор и ткнул рукой. — Видишь ближний к нам угол? Тут меняли столбики — балясины, или как там они называются... Можешь проверить, цвет дерева немного отличается. Перила остались, а два столбика вылетели вместе с пятикилограммовой

вазой.

— Она была ниже перил?

— Правильные вопросы задаешь, Элла вот не догадалась сверить. А я сверил. Точно такая же ваза осталась стоять с другой стороны балкона. Ее горлышко чуть-чуть выше перил. А значит, она никак не могла упасть сама. Кто-то присел возле нее, чтобы не было видно, и толкнул за дно. Столбики заранее подпилили, чтобы они сломались под весом вазы. Дно полетело вниз, ну и остальная часть, соответственно, следом. Зато легко можно было вычислить траекторию. Ведь если толкать с силой за верхнюю часть, то она могла приземлиться гораздо дальше, чем при свободном вертикальном падении.

— Просто подтолкнуть дно вазы вперед... — пробормотала я. — Гениально.

— Да. Мы все трое, Тоха, Тим и я, провели следственный эксперимент, в результате чего погибла и вторая ваза. Но Макаров нас отругал и заставил компенсировать старухе стоимость предметов интерьера. Хотя больше они сюда ничего не поставили — от греха подальше.

— А что дальше было? Опергруппу вызвали?

— Шутишь, что ли? Все над нами поржали. Даже сама Элла решила, что это случайность. Антон ей даже, помню, даже схему нарисовал — не хуже задачек по геометрии для старших классов. Высота вазы и первого этажа, парабола, по которой она летела... Я предложил вызвать участкового. Макаров наорал на нас, мол, хватит ерундой страдать.

— Ничего себе ерунда!

— Если бы Элла настояла, то хрен бы мы его послушали. Преступление совершено, вообще-то. Покушение на убийство. Но она почему-то решила спустить на тормозах. В чем-то — эгоцентричная эгоистка, а там, где надо отстоять себя, прячет голову в песок.

— Мне Антон почему-то не рассказал этого!

— Ну не знаю. Забыл. Мы все забыли. Пока тебя не попытались отравить йогуртом. Теперь я уже уверен, что это не совпадение, не шутка, не розыгрыш. Элли реально пытались убить. И пытаются до сих пор, думая, что она — это ты.

— Или зная, что я — это я. В таком случае... — я глубоко вздохнула и не смогла закончить фразу. Страх сковал все мое естество.

Саша прижал к своему плечу мою голову, и только тогда я поняла, что плачу.

— Тише, мы этого не знаем.

— Конечно! — гнусавила я в ответ. — Ее уже пытались убить. А теперь она пропала. Сложи два и два, раз ты такой умный!

Он зачем-то начал меня целовать. Я опешила и отстранилась.

— Что ты делаешь? — Я хотела добавить, что он перепутал и я не Элла, но осеклась. Потому что явно не перепутал. Он знал, кого целовал.

— Извини, — смутился Александр (наверно, впервые в жизни). — Я хотел тебя отвлечь от неприятных мыслей. Но я не психолог и не приучен, так что... — развел он руками.

Я хотела сказать, что я бы с радостью, но только не сейчас. Я хотела спросить, где он живет. Я хотела предложить встретиться, когда это все закончится. Я хотела сказать, что мне понравилось, что он меня целовал. Я хотела... я хотела... Но ничего не сказала. Мне это в диковинку. Я не знаю, как вести себя в таких случаях. Единственное, что я знаю точно — сейчас, конкретно в эту минуту, не время для таких вещей. Есть более важные задачи.

— Извини... — промямлила я наконец, лишь бы что-то произнести и разрезать повисшую атмосферу неловкости и недосказанности. — Я просто...

— Нет, это ты извини! Я не думал... То есть ты играла роль Эллы, поэтому со мной общалась, а я... идиот. Придумал себе что-то.

Он резко отстранился и поднялся с кровати, чтобы отойти от меня подальше.

— Нет! Я... — вот сейчас самое время что-то прояснить, рассказать, что я чувствую к нему, но нет: мой невероятный, неугомонный мозг, вечно мыслящий какими-то зигзагами и только и успевающий перескакивать с одного на другое, вдруг выдал: — Зайчик!

— Что? — удивился Саша и посмотрел на меня. А до этого стоял, отвернувшись.

Чтобы он не подумал, что я его так называю, решила уточнить:

— Зайчик две тысячи двадцать!

— Чего?!

Боже, я его с ума сведу.

— На форуме! Сейчас покажу. — Я достала смартфон и зашла на сайт. — Мне приходят странные сообщения. То есть Элле. Это не ты?

Он даже смотреть не стал.

— Нет, я никогда ей ничего не писал. Хотя она как-то раздобыла мой номер и начала активно наяривать. Пришлось даже его сменить.

— Что? — удивилась я. — У вас изумительные отношения, — не смогла я сдержаться. — Не можете друг друга переносить, зато спите вместе! Если она тебя так напрягала, как человек, зачем ты терпел все ее стриптизы и ... и так далее?

— Я не знаю, — честно ответил он. — То есть я тогда не знал, а сейчас... глядя на тебя, я все понял. В ее лице я видел что-то родное. Что-то, что я давно искал. Чувство такое, будто я что-то потерял, еще в прошлой жизни, возможно, и вот наконец нашел. Но сама она... — он пожал плечами и, когда я уже почти растаяла, ляпнул какую-то мерзость: — Короче, лицо и тело мне нравились, а личность так себе!

— Отлично, спасибо.

— Да-да, это как раз тебе комплимент, — кивнул парень, даже не понимая, что комплимент вышел не очень. Слишком приземленно для меня. Я люблю романтику.

— Но тогда кто это? А впрочем, — поднялась я и сделал шаг к двери, — у меня оставалась еще одна кандидатура. Тем более что я тебя я тогда исключила, когда поняла, что телефон был далеко в тот момент, когда мне пришло сообщение, но я просто подумала, вдруг ты используешь отложенную отправку при помощи каких-то программ и так далее... Вот, но Антона я проверить так и не смогла.

— Антон? Хм... Вообще, — вспомнил Саша, — когда мы его впервые увидели, кто-то его начал зайчиком называть. Или зай. Но он обижался, и мы перестали.

Я даже рот открыла. А ведь и правда! Он такой миленький и маленький, его так и хочется тискать. Ну прямо зайчик.

— Он сказал, что является фанатом Павлецкого два года.

— Как и я, — кивнул Саша.

— Это меня и смутило. Человек зарегистрировался на сайте в 2020 году. И вы оба фанаты Павлецкого с этого года.

— Я на сайте даже не зарегистрирован. Всю важную информацию я нахожу и так. А вот Тоха, вспоминаю, зарегался там. Но под каким именем, я не знаю.

— Проще простого это выяснить. Идем.

И мы тихо пошагали вдоль балкона к лестнице, чтобы никого не будить. Затем спустились. Я успела сделать только один стук в дверь Антона, как она приоткрылась.

Видимо, от сквозняка.

— Тони? — позвала я.

— Соня, мне кажется, его здесь нет, — прошептал Саша и толкнул дверь.

И точно. Окно нараспашку. Вот почему он так любит селиться в «каморки» первого этажа, а не в полноценные спальни. Всегда можно уйти незамеченным.

— Видимо, опять по деревне гуляет, — хмыкнула я. — Изучает.

— Кого? — не понял Саша, выходя из комнаты.

Я же прошла еще немного вперед и выглянула в открытое окно. Мало ли, вдруг он где-то рядом? Курит, например, под окном собственной комнаты. Хотя, насколько я могу судить, у него нет вредных привычек.

С этой стороны дома никого не было.

Я вспомнила, что мне задали вопрос.

— Деревню, — ответила шепотом, так как вышла уже в холл, где ждал меня Саша, и боялась, что кто-то может нас услышать.

— Зачем?

— Не знаю, — пожала я плечами, сомневаясь, что в полумраке он может различить это телодвижение, — сказал так.

— Бред. Зачем ему изучать деревню, если он местный?

— Что?! — крикнула я.

— Тсс! Идем.

Саша поманил меня к двери, достал из ключницы связку, открыл дверь и пропустил меня на крыльцо. Только когда дверь закрылась, я смогла выразить вслух свое негодование, но все-таки шепотом:

— Ты уверен? Зачем он врал мне?

— Откуда мне знать?

— А Элла знала, что он местный?

— Разумеется! Они друзья не разлей вода.

— Черт! — хлопнула я себя по лбу. — Саша, меня развели как лохушку! Тони все это время знал, кто я!

— Хм... возможно.

Мы вышли за пределы участка.

— Куда теперь? — спросила я рассеянно (все еще находилась под стрессом от полученной информации), но сама же предложила уже через секунду: — На кладбище?

— Не знаю. Если ты считаешь, что он там, тогда идем.

— Нет вариантов. Нужно его искать. Завтра он может улизнуть сразу, пока еще все спят.

Александр поспорил со мной, выдав неожиданную мысль:

— Он, скорее всего, не планировал возвращаться. Потому и дверь открывать не стал.

— С чего ты так решил?

— Ты до ужаса невнимательна. Его вещей не было в комнате.

— Ты даже толком не зашел! — восхитилась я чужим умением в темноте и издалека определять такие вещи. — Потоптался возле порога!

— Мне хватило.

— В каком доме он живет? Пойдем сразу туда!

— Он живет в райцентре. Конкретнее не знаю. Но Элла знала точно. Она даже в гостях у него была.

Я резко встала.

— Господи, Саша! Ну почему ты мне раньше не сказал? Она ведь у него сейчас! Это единственное место, где она может быть!

— Во-первых, я не знал, что ты не знаешь. Я не в курсе, чем сестры делятся друг с другом, а чем нет. Как по мне, вы все втроем спокойно могли там тусить. Во-вторых, с чего ты вообще взяла, что она где-то прячется? Логичнее... ой, извини, — тут же осекся он, понимая, что ляпнул. Положил мне руку на плечо. — Прости, я бесчувственный чурбан!

— Нет, ты прав, — покачала я головой. Надежда, поначалу такая добрая, мягкая и зыбкая, уже стала быстро таять, словно снежинка в теплых руках. — У нас уже есть два неоспоримых трупа. И Элла — третья.

— Ну не факт... — спорил уже сам с собой Бельский. Ведь именно он пятью секундами ранее утверждал, что Элла мертва. Впрочем, он сейчас так говорил, чтобы меня успокоить, но сам, конечно, в это не верил.

Мы зачем-то продолжали идти в сторону кладбища. Сейчас, слыша чужое дыхание сбоку, чувствуя мужскую горячую ладонь, нежно сжимавшую мои пальцы, я практически не боялась, хотя дорога была той же самой и почти в то же самое время, что и вчера. Удивительно, как всего один-единственный элемент пазла меняет всю картину твоей души, переворачивает с ног на голову. Этот элемент — правильный человек. *Твой человек.*

Откуда ни возьмись поднялся ветер, зашелестела листва, какая-то птица издала резкий, пугающий звук, я вздрогнула, а Саша, решив, что от холода, обнял меня за плечи, прижимая к себе. В этот момент все звуки для меня затихли, а земля даже стала как-то отдаляться от моих стоп, точнее это я словно воспарила над ней. Романтика продолжалась ровно до того момента, пока мы не подошли к кладбищу.

— Слышишь? — шепотом спросила я, когда в мои уши ворвался отчетливый разговор двух людей, стоящих, по всей видимости, на ближайшей к нам тропе, а Саша шикнул на меня, мол, молчи.

Мы замерли и стали очень медленно, шаг за шагом, приближаться к говорящим.

— Поедешь вместе со мной, — говорил парень. И даю руку на отсечение, что это Тони. — Автобус в шесть и в восемь. Выбирай любое время.

— Вызови такси, не хочу тут торчать до шести, — ответил ему женский голос с капризными нотками. И этот голос я, увы и ах, узнала сразу.

— Почему тут? Я окно каждую ночь открытым оставляю. Никто не заметит. В субботу ведь тебя никто утром не увидел!

— Бабка рано встает... Мне кажется, она меня видела в окно...

— Ну и что? Примет за другую.

— Это за какую — за другую? — не выдержала я.

— Ах! — подпрыгнула девушка. Кругом — черная мгла, но она вырядилась в белую майку и шорты с белыми лампасами по бокам, поэтому перемещения ее туловища были заметны. — Сонька...

Да, это была Элла. Живая и невредимая. Вот дрянь!

— Я что-то не понял! — рявкнул Бельский так, что были бы мы в помещении — окна бы зазвенели. А может, и вылетели бы. — Твоя семья тебя ищет, сестра чуть с ума не сошла, а ты все это время на кладбище жила, да?!

— Это объясняет браслет, который я нашла на могиле, — согласилась я.

— Вы с ума сошли! — ответила Элла. — Конечно, я тут не живу! А браслет я специально подбросила, чтобы Соньке лучше думалось!

Я вспомнила, как еще пару минут назад переживала, что она, скорее всего, мертва, и мне стало стыдно за свою наивность. Лучше бы оказалось, что ее убили! Потому что в другом случае получается, что сестрица еще худший человек, чем я о ней думала. Прав Саша, ее ищет семья, все переживают, а она... Ведет себя, будто так и надо. Да еще и возмущается на нас.

Неожиданно для себя, я сделала шаг вперед, к белесому пятну и практически на ощупь засветила ей оплеуху. Таковую звонкую, что, кажется, покойники проснулись. Если они не успели проснуться от наших криков, конечно.

— Как тебе не стыдно! Она еще и перечит! У мамы второй инфаркт был, ты в курсе?! Где тебя носило?!

— Мама... — Элла как-то по-детски шмыгнула носом, поглаживая щеку, но быстро взяла себя в руки. — Выросла Сонька-то! — сказала совсем другим тоном. — Храбрая стала! На людей руку поднимает, ну-ну... — И премерзко засмеялась.

— Ваш чертов дом Павлецкого и не такое с людьми может сделать!

Я думала, она обидится за чертов, но она неожиданно согласилась.

— Это точно, он может...

Прозвучало это так грустно, что любопытство в итоге взяло верх над злостью, и я попросила:

— Расскажи уже, что произошло!

— А может, не здесь? — предложил Саша. До этого парни молчали, дав девочкам возможность выяснить отношения. — Что мы тут на кладбище стоим и орем. Пошли в дом.

— Нет! Меня не должны там видеть!

— Все спят.

— Нет! — повторила упрямая сестрица. — Ты не понимаешь. Меня хотят убить!

— Мы это поняли как раз, — просветила я Эллу. — Оттого и решили, что ты... того.

— Ну вот, а когда я сказал, не поверила! — одновременно со мной сказал Саша Элле, видимо, намекая на случай с вазой.

— Хм, сделала вид, что не верю, — язвительно парировала эта оторва. — Знаешь, как люди злятся обычно, когда с ними не соглашаются? Умора.

— Идиотка! — не выдержала я. — Тебя пытались убить, меня пытались убить. А тебе все какие-то... смехуечки! — вспомнила я выражение нашей учительницы.

Элла оценила слово и заржала.

— Элка, они правы, — встал на нашу сторону Тони.

— И ты, Брут? — высокопарно молвила сестра. — Не мы ли с тобой долго и скрупулезно разрабатывали сей дивный план? А ты теперь соглашаешься с людьми, которые меня идиоткой обзывают и пытаются завести в обитель зла?

— Но они-то не знают этого...

— По-моему, все предельно ясно, — заговорил Саша ровным тоном, будто лекцию читал. — Судя по тому, что Элла никак не среагировала, когда Соня сказала, что и на нее покушались, значит, она этого и ожидала. Из этого следует вывод, что Элла специально исчезла незадолго до нового слета, чтобы Соня отправилась вместо нее и покушались уже на Соню, так?

Я открыла рот, что поспорить с Сашкой, не веря в то, что сестра на такое способна, но в ту же секунду до меня дошло, что он прав. И я сказала уже другое:

— Боже, какая ты дрянь...

Элла с наглым видом сложила руки на груди.

— Ты уж определись, идиотка или дрянь. Чтобы дрянные вещи делать, нужно обладать интеллектом...

Мне это встало поперек горла. Я набросилась на нее, даже не успев понять, что делаю. Я не умела драться. Никогда этого не делала (только в детстве и, кстати, опять же с Эллой) и вроде не собиралась. Но руки действовали сами по себе, вцепившись в ее белокурые волосы. А ее пальцы, в свой черед, схватили уже мои белокурые волосы... Не знаю, как далеко мы смогли бы зайти, не разними нас парни уже через десять секунд.

— Давай ты расскажешь уже, что произошло! — потребовал Саша, причем таким тоном, которому обычно подчиняются.

Все, кроме этой девицы, по недоразумению и упущению природы оказавшейся моей сестрой-близнецом.

— Пусть она драться перестанет сначала, истеричка!

— Она волновалась за тебя, Элка, — встрял Тони. — Это стресс, пойми!

— Так сделайте ей укольчик! Иначе не буду ничего объяснять! Вот и мучайтесь загадками и не спите по ночам!

— Я тогда из этого вытрясу, — кивнул Саша на Антона. — Он, сдается мне, быстро расколется. А ты сама сказала, что план вы вместе придумали. Он твой поделник, он все знает.

Именно Антона я видела плохо, он стоял дальше всех, но, думается, при этих словах он скучился.

— Я буду спокойна, обещаю, — нехотя выдала я.

— А извиниться? — ядовито молвила Элла, снова скрещивая руки.

— Сначала ты! За то, что пропала.

Она опять хмыкнула.

— Вот такой, Сонька, ты мне больше нравишься. А то все строила из себя монаха-отшельника. Или кисейную барышню, божью коровку. Ах, не говорите при мне о сексе, это грех! Ах, как вы можете курить и пить спиртное! Ах, я такой ангел, а вы все кругом — мерзкая грязь под моими ногами!

— Не надо выдумывать, я никогда так не считала!

— Жаль, не вижу, покраснела ли ты при слове «секс» или что-то изменилось... — И тут она перевела взгляд на Сашу. Мне кажется, сейчас покраснел он. Но я не уверена, говорю же, темно. Мы молчали в изводящем ожидании, когда она насытится. Если тебе что-то нужно от вампира, приходится дать ему своей крови. — Ну ладно. Реально хочу на ее рожу посмотреть... Но в дом не пойду! Вызывайте такси! Поедем к Зайчику, пообщаемся нормально.

Кличка, придуманная Эллой для Тони, заставила меня спросить у него:

— Это ты со мной общался на форуме?

— Когда я, когда Элка...

— Но зачем? Я ничего не понимаю!

Элла не стала отвечать, справедливо рассудив, что все равно в квартире Антона все расскажет. В это время Бельский звонил в службу такси и пытался объяснить, что нас нужно забрать с деревенского кладбища ночью четверых. Не знаю, что ему пришлось выслушать, он пару раз повторил, что мы не дети и это не шутка, в итоге договорились, что машина заберет нас от ближайшего к кладбищу дома. Так как маячить напротив окон особняка Павлецкого мы не хотели (не дай бог кто из наших увидит), Саша назвал соседний дом. Когда мы до него дошли, ждать оставалось всего пару минут.

Квартира, в которой жил Тони, оказалась четырехкомнатной хрущевкой со смежным залом. Я вслух отметила, что в таких хоробах действительно легко спрятать человека, на что они оба покрутили пальцем у виска, объяснив, что родители Антона уехали на юг, а бабушка с дедушкой в санаторий, поэтому три недели он живет один. Когда семья в сборе, квартира уже не кажется такой огромной.

— А где ты жила все это время? — тут же набросилась я на сестру, поняв, что кое-что не сходится. — Допустим, три недели тут живешь, а раньше?

— У нас тут хостел дешевый, — ответил за нее Антон. — Я ей денег давал. А что? Не могу я позволить, чтобы ее грохнули.

— Ладно, давайте ближе к делу, — Саша по-свойски устроился на длинном диване в зале, я присела рядышком.

Элла и Антон заняли кресла.

— Слушай, это был единственный выход! — начала Элла оправдываться. С ума сойти, это впервые. Ведь оправдываются, когда признают свою вину, а сестра всегда считала виноватыми других. — На меня покушались. Дважды.

— Что? — удивился Саша. — Ваза — это первый раз, так? А когда был второй?

— Перед отъездом. Жирный козел застукал меня возле своего ноута! — Надо полагать, речь шла о Макарове. — И после этого в моем пирожке обнаружили иглы и кусочки лезвия!

— Ой, ну давай без голливудщины... — сморщился Бельский. Я была с ним солидарна, посему кивнула.

Вмешался Антон:

— Ребята, это правда. Я сам видел.

Они рассказали подробнее, перебивая друг друга, добавляя все новые детали к вышесказанному. В конечном итоге фабула такова: бабушка Павлецкого «на дорожку» всем собирает сухой паек. Выдается утром в понедельник. Кто уезжает раньше, тот ничего не получает. Пока молодежь умывается и завтракает, Таисия Арсеньевна разносит пирожки по комнатам, все равно пойдут вещи собирать и одеваться (некоторые на завтрак приходят в пижамах и халатах). Элла пропустила завтрак и полезла в компьютер Павлецкого. Она его уже подозревала (об этом позже). Он застукал ее, Элла выдумала какую-то чушь, мол, хотела молча скинуть свои записи, а так стеснялась показать. Позвонила бы из дома и сообщила, в какой папке искать. Бред, конечно. Ничего удивительного, что Макаров не поверил. Хотя виду не показал. Он редко идет на открытый конфликт. Элла отправилась завтракать, а пирожок уже ждал ее наверху. Они вместе с Антоном на остановке ждали автобус, каждый

своей, но время примерно одинаковое, и вот решили слопать по пирожку. Антон, вечно голодный, сказал, что не наелся. Пирожки у бабульки маленькие, на один зуб, их сразу в рот закидывают. Элла, добрая душа (слова Антона, но мы с Сашой выразительно хмыкнули), решила поделиться. Видимо, очередная диета находилась в самом разгаре. (Где-то год или полтора назад она взялась худеть. Пару дней не ест мучное и сладкое, а потом эта диета идет лесом. Через месяц — опять.) И вот она решила разломать пирожок, в половинке булочки и калорий вполтину меньше, подумала она. Но вот незадача — пирожок кишел разными железяками.

— Говорят, что преступник редко меняет почерк, — сказала я, уже поверив сестре. — Отравленный йогурт тоже стоял у меня на тумбе возле кровати, пока я гуляла по дому и двору. Только иглы совать в бутылочку довольно глупо, а вот в пирожок, который сразу проглатывается, — отличное решение.

— Ага, — хмыкнул Бельский, и я заметила, что сарказм из его тона никуда не делся. Он все еще не верит ей. А теперь уже им обоим. Впрочем, Саша быстро пояснил причину подозрений: — Пирожок такой махонький, что глотается сразу, а вот длинные иглы и большие плоские лезвия вполне там уместились! Загадка в духе Шерлока Холмса...

Элла зырнула на него с ненавистью, но ничего не сказала, а Тони молча поднялся и ушел в одну из маленьких спален, что смотрели дверью на зал с противоположной стороны от коридора. Видимо, одна из комнат — его.

— Зря не веришь, — донеслось до нас (дверь он закрывать не стал). — Я все сохранил, — выйдя, добавил он и передал в руки Александру бумажный сверток.

Саша, недолго думая, развернул его.

— Ах! — воскликнула я, разглядывая половинки иголок и куски лезвий.

— Что ж, кто-то очень постарался, — сказал Саша, — чтобы все это добро уместилось в пирожок.

— Именно! — обрадовался Антон. Впрочем, ситуация так себе, чтобы ею наслаждаться, скорее он был доволен, что мы наконец поверили, только и всего.

— Что ж, тогда я знаю, кто убийца, — удивила всех я. — Таисия Арсеньевна. Вы трое, конечно, не занимаетесь выпечкой, — пояснила для всех, — а я этим частенько страдаю. Пиццы, пироги, сдобные булочки, печенье, тортики...

— Да, она у нас хозяйственная, — с ядовитой злобой сообщила Саше Элла. — Жена хорошая будет!

Краснея, я продолжила:

— Чтобы это положить внутрь, его нужно было так и испечь. Начинку сунуть в тесто, в смысле, а не в готовый пирог.

— Это что, веселый розыгрыш с призами был? — возмутился Саша. — Типа кому достанется печенье с предсказанием, тот и будет счастлив, здоров и богат? Я к тому что как она узнала, кому достанется пирог? Я, конечно, не кулинар, но выпеченные пирожки выглядят почти одинаково. И уж точно совсем не так, как невыпеченные. Я бегал к бабушке на кухню в детстве, когда она пироги пекла, знаю, о чем говорю.

— Этот пирог можно легко пометить, — объяснила я для Саши. — У нас папа вегетарианец, я для него пеку с яйцами и рисом или картошкой, вилкой сверху протыкаю, когда пирожок готов, метку все равно видно! Четыре отчетливые точки.

— Это все, конечно, интересно, — заговорила Элла в своей невыносимой манере — смесь высокомерия с язвительностью, — я так рада, что тут еще два шерлока объявилось, но

мы-то тоже не дураки, и все выяснили. Никаких пометок сверху не было, а ломать я пирог начала, повернув его. Низ плоский, так найти середину легче и ломать проще. И я сразу увидела, что низ почти весь всмятку. Бабка засовывает пироги в кучу салфеток, а потом еще в пакет. Но она аккуратистка. Я еще когда паковала, заметила. Но, думаю, спешила. А тут — у Антона нормально все сложено, а у меня черт-те как, а низ — весь раскуроченный. Он не думал, что я переворачивать пирог стану. Разверну — и тут же в рот. Целиком. Поняли, драгоценные? А там уж мы и дальше ломать начали и нашли все это...

Мы переглянулись с Сашей. Унизила — так унизила. Чего же сразу не сказала? Специально сидела и наблюдала, как мы строим версии и спорим, по факту, ни о чем.

Я взяла в руки кусочек лезвия, но Саша воспрепятствовал этому.

— Осторожно! Кинь обратно, я посмотрю...

Я подчинилась, он взял у меня сверток.

— Как это мило! — не выдержала Элла. — Заботится о тебе!

Саша достал располовиненную иголку, поднес к свету. Мы оба увидели кусочки запеченного теста. Они не врут.

— Ах, они не врут, как жаль! — Элла словно прочитала мои мысли.

Меня это выбесило, и я со злостью парировала:

— На меня вообще-то тоже покушались, забыла? По твоей милости...

Она неглубокомысленно фыркнула.

— Издержки сыщицкой работы...

— А зачем ты в комп-то полезла к нему? Что это за расследование у тебя такое?

— Потому что нечисто в Датском королевстве!

— Фонд является практически сектой, — пояснил Антон. А то эта курица так и будет кривляться, вместо того чтобы нормально рассказать, зачем подвергала меня опасности. — Макаров сплачивает вокруг себя молодых людей, подсаживает на какой-то препарат. Выуживает потом деньги.

— Это с пацанов деньги, а с девочек — того... — И она показала неприличный жест.

— Они этим расплачивались за новую коробку чая? — удивилась я и тут же почувствовала, как меня начало подташнивать. Вот для чего он мне чаек этот подарил. Первая коробка бесплатно, чудесная акция!

— Дура ты, все не так...

— Ну просвети, раз умная.

— Там что-то в составе, отчего ты тупеешь и млеешь. Мы с Антоном тут пробовали. Либи́до не повышает, но расслабляет. Похоже на действие клофелина, но не в такой степени.

— Откуда ты знаешь, как действует клофелин? — насторожился Сашка.

— Ой, мужикам подсыпала и деньги у них тырила! — ответила она с таким выражением, что это можно было принять одновременно и за правду, которой она отчего-то гордилась, и за лживую издевку. Для Саши, судя по его изменившемуся лицу, ближе к истине был первый вариант, а мне кажется, что все-таки второй. Но это моя сестра, и я не хочу думать о ней совсем уж плохо. Тем более жила бы она тогда сейчас не у друга в его семейном гнездышке, ведь ее бы, дуру такую, как пить дать бы поймали.

— Хорошо, — кивнула я, — допустим, ты выяснила, что с фондом что-то не ладно. Могла просто не приезжать больше, и все!

У Саши была иная точка зрения на адекватное в данной ситуации поведение:

— Нет, могла заявить вообще-то, куда следует! Если это секта, пусть органы и

расследуют тогда...

Антон перебил:

— Нет у нас доказательств! Нет! Девочки ничего не помнят.

Помолчав, я заявила:

— Будут. Только нужно доставить некоторые предметы на исследование.

— Дело тут еще вот в чем, — почесав нос, заговорила Элла совершенно иным тоном.

Как нормальный человек. — Я ни в чем не уверена.

— В плане?

— Я, скажем так, на восемьдесят пять процентов уверена, что это делает Макаров. Я имею в виду покушения на меня. Но в первом случае полиция скажет, что упавшая ваза — случайность. А во втором, как и Саша, подумают на жуткий розыгрыш какого-то дебила. Аргумент о том, что упаковка нарушена не возымеет действия. Они скажут, что могли достать из духовки и сделать это все. Вы же знаете, — обратилась она к ребятам, ведь я новый человек в их стае, — как она выключает духовку, а потом шастает по всем комнатам и вопит, мол, кому пирожки горячие? А пока она ходит всех собирает, можно открыть дверцу, выдвинуть противень и сделать все, что хочется. Да, она потом расфасовывала по пакетам, но менты скажут, что бабка старая, слепая, глухая, не заметила типа. И у меня снова недоказанное покушение на саму себя!

— Кстати, я у нее видела тот же самый чай в розовой упаковке.

— Нет, — отмахнулась Элла, — это не тот чай. Ну то есть якобы тот, но с другим составом. Мы пробовали с Антоном и этот.

— Да, не штырит совсем, — подтвердил ее слова Тони. — Он бабку бережет и ей другой чаек дает! — И сам хихикнул над случайной рифмой.

— Ну хорошо, но это не объясняет того, что ты пропала на месяц! Ты могла прийти к нам и рассказать обо всем.

— Ха! — грустно усмехнулась Элла. — И что бы предки сказали? Как и ты, чтобы больше не ездила сюда. И запретили бы мне! А здесь... — она огляделась, словно впервые увидела квартиру Антона. — Здесь я живу, понятно?!

Понятно было так же и то, что имелись в виду отнюдь не апартаменты. Имение Павлецкого.

— Ну хорошо, ты хотела и дальше приезжать в место, где никто не знает, что существует человек с твоим лицом, — начала я злиться, хоть и неплохо сдерживалась до сих пор. — Я тут при чем? На фигу меня втянула? Ведь теперь в единственном месте, где обо мне никто не знал, появилась я!

— Нет, появилась я! — поспорила Элла. — А мы с Антоном наблюдали со стороны, что будет происходить. Пойми, тут нужно было два человека! Антон тоже задействован во всех мероприятиях. И пока он смотрит изнутри, я смотрю снаружи. В буквальном иногда смысле! Я даже под окнами стояла подслушивала. Возле дома прогуливалась с биноклем. Следила за теми, кто выходил из дома. Один Антон не мог этого сделать.

— Короче, ты устроила ловлю на живца, так? — грозно осведомился Саша. Хотя в принципе это было понятно еще на кладбище.

— Да! — созналась она прямым текстом.

— Как тебе не стыдно?! Это твоя сестра! К тому же ты сама знала хотя бы об опасности, а Сонечка — нет!

— Твою Сонечку берегал Антон! Он должен был следить, чтобы с ней ничего не

случилось! А при очередном покушении попытаться поймать преступника с поличным! Но если бы я знала заранее, что имеются другие кандидаты охранять и защищать эту монашку юродивую, я бы, конечно, задействовала *тебя* в первую очередь!

— Ты о сестре говоришь...

— Да! Знаю! Что ты нашел в ней? Мы одинаковые, но меня ты только трахал, а с нее пылинки сдуваешь! Ой, Сонечка сейчас возьмется за иголку, — передразнила она на повышенных тонах, — ой, порежется, бедняжка! Противно на вас смотреть!

— Одинаковые, да не одинаковые, — с садисткой ухмылкой просветил ее Александр. — Оболочка одна, но у нее внутри свет, а у тебя тьма.

Я думала, она сейчас ляпнет что-нибудь про день поэзии или еще какую-нибудь гадость, но она вдруг налилась темно-багряным румянцем, а глаза сверкнули так, что сам Зевс бы испугался. Руки сжались в кулаки, она почему-то посмотрела на меня, исторгла с лютой злобой:

— Ненавижу!! — а затем резко вскочила, рванула во вторую маленькую спальню и хлопнула дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

— Что с ней? — удивился Антон.

Я сперва тоже не понимала, а потом до меня дошло. История повторилась. Тот мальчик тоже сказал, что мы внешне похожи, но я — другая. И выбрал меня.

Разница лишь в том, что тот мальчик был мне безразличен и я бы с радостью ей его отдала, если бы это было возможно.

А этого не отдам.

— Хорошо, она хотела, чтобы Соня приехала вместо нее, — заговорил Саша, будто ничего не произошло, и обращался теперь только к Антону, — но зачем исчезать за месяц до дня Икс? Чтобы все успели с ума посходить, полицию на уши поставить, друзей, родственников и так далее? Чтобы весь месяц только о ней были разговоры?

— Нет, ты к ней несправедлив, — вступился за сестрицу ее дружбан. — Она хорошо знает Соню, она знает, что Соня... хм, как бы помягче... немного инертна.

— Спасибо, что не тормознута...

Мимикой Тони передал, что вообще-то именно этот термин Эллой и использовался, и продолжил:

— И чтобы подбить ее на такую авантюру, Элка должна была пропасть надолго. Первые дни Соня бы надеялась на поиски силами семьи: родители и другие родственники. Затем подключили полицию. Первое время еще вы думали, что у нее есть сбережения и она на них живет, верно? — Я пожалала плечами. Я не думала, что у нее их много. Я же говорю, родители нас не балуют деньгами на карманные расходы. — Ну, короче, Элька мне так объяснила. Она высчитала, что к тому моменту, когда придет письмо, приглашающее на очередной съезд, ты уже дойдешь до ручки и прочтешь все ее файлы в компьютере, влезешь в переписку. Переписка, кстати, для тебя велась, реальную мы удалили. Ты должна была клюнуть на фразу «я найду в августе» и чего-то там еще, уже не помню. Короче, ты должна была понять, что все ответы — в имении Павлецкого. Только так тебя можно было заманить.

— А как же переписка про кладбище? Она тоже для меня велась?

Когда стало ясно, что Тони не имеет представления, о чем я говорю, пришлось сознаться, что я прочитала его сообщение накануне исчезновения Эллы.

— Нет, мы просто договорились встретиться на кладбище, потому что мои родители еще были дома. Я поехал договариваться с хостелом, там иногда за взятку идут на уступки,

регистралируют одного, а живет другой. А она должна была поймать частника и ехать на кладбище в Звездный. — Пока я офигевала от смелости сестры (ночью сестра в незнакомую машину), Тони продолжил рассказ с момента нашей с ним первой встречи: — Я выловил тебя у входа специально, она меня отправила за тобой. Мы знали, на каком автобусе ты приедешь. Ты меня чуть не спалила даже, я прятался за деревом. Но я хотел подойти к тебе возле самого дома. Если я начну заранее здороваться, ты могла среагировать как-то не так. А возле дома Павлецкого уже понятно, кто я. А стало быть, ты будешь вести себя как Элла.

— К чему такие сложности? Ты мог открыться мне.

Он покачал головой.

— Элла не велела. Сказала, что ты тут же забереешь ее домой, как только найдешь. Или вызовешь родителей. Мы не смогли бы убедить тебя расследовать. А для Эллы это очень важно.

— Скажи лучше про Макарова. Что он делает с девушками? Он их... насилует?

— Мы не знаем, — понуро опустив голову, ответил Антон.

— Знаем! — крикнула из комнаты Элла.

Господи, обидеться — обиделась, но при этом подслушивает!

— Никто из девчонок не сознался. Но некоторые, скажем так, элементы пазла сложились в одну картинку. Нужно, чтобы за Макарова взяли всерьез, и тогда они расскажут!

— К Алёнке он точно не подкатывал, — заявил Саша.

— Ну, у твоей Алёнки батя депутат. К таким маньяки не лезут, знаешь ли. У него особая клиентура. Сироты, неблагополучные семьи, наркоманки, такое всё...

Я вспомнила скользкие глазки, похотливые ручонки и мерзкую улыбочку Макарова, когда он общался с Милой и предлагал мне зайти к нему на чай. Да, охотно верю.

— Но если это он покушался на Эллу, — продолжила я свою мысль вслух, — то зачем он звал меня вечером пить этот чай? Значит, он понял, что я — это я? Нашел уже новую жертву?

— Да нет же, он ведь не в курсе, что мы вышли на его след! Да, Элла копалась в компе, но мало ли что искала. И вдруг ничего не нашла? А может, он думал, что ты не откажешься, придешь со своей целью, чтобы что-нибудь вынюхать, а он тебя отравит. А потом перенесет в твою кровать и скажет, что так и было!

У меня все внутри поledenело от этих слов. А я ведь думала над тем, чтобы пойти! Но меня удержало кладбище.

Саша тоже затрясся, но не от холода, как я.

— Да я его в порошок сотру! Ублюдох! У меня руки чешутся...

Видя, что теперь у него ладони сжимаются в кулаки, я нежно погладила Сашу по плечу.

— Давай пойдем официальными методами, пока имеется такая возможность. Если дядя Миша не сможет помочь, уже рассмотрим твой вариант! — Когда Саша успокоился, я вернулась к Антону. — А браслет зачем подбросили?

— Элла предполагала, что ты прочла нашу переписку. Но даже если нет, я сообщил ей, что ты тоже среагировала на звук двери бани. Элла ведь была в имении в тот момент, когда нашли журнал Павлецкого, она тут же сделала фотокопии. И она была уверена, что рано или поздно ты все равно отправишься а местное кладбище — хотя бы по той причине, что там был Павлецкий из-за ржания коня. Ведь если тебя заинтересовал этот момент, ты кинешься расследовать. И вот она оставила там браслет, чтобы ты внимательнее изучила кладбище и

нашла могилу Церковиной.

— Но к ней нас привел Саша в итоге.

— Ну да. Он или ты сама — какая разница? Мы с Эллой провели свое расследование, но нам чего-то не хватало. Тогда Элла и сказала про тебя. Ты умна и, может, справишься лучше.

— Давай называть вещи своими именами! — вспыхнул Саша. — Она подставила Соню, боялась новых покушений, а вести расследование могла и так.

— Слушай, это как шампунь-кондиционер, два в одном. Я, честно, был против. Хоть мне и Эльку жалко, это все же мой друг, но и неизвестную мне пока Соню тоже было жалко. Но потом я понял, что не зря мы ее сюда выманили. Она догадалась и с рыбаками пообщаться, и нарыла еще несчастные случаи, точнее смерти «по болезни», — взял он в воздушные кавычки. — Так что мы почти уверены, что всех их опаивали, чем и спровоцировали смерть.

— Значит, к Тамаре, маме Наташи, вы реально ходили вдвоем!

— Да, — протянул Тони, вздыхая. — Старая, пьяная калоша! Кто ж знал, что она не все еще мозги пропила? Она была практически в беспамятстве, когда мы с Эллой приходили к ней с расспросами. А тут она, видите ли, вспомнила, что мы уже были!

— Ладно. — Я поднялась. — Элка, собирайся! Мы возвращаемся домой.

— Не пойду! — донеслось из комнаты.

— Заберу силой!

В этот момент послышались шаги в сторону двери, а потом — звук закрывающейся щеколды. А потом еще шум отодвигаемой мебели. Элла баррикадируется, не иначе.

— Если ты думаешь, что я тебя оттуда не выкурю, ты сильно ошибаешься!

— Да, я уже вижу, какой ты стала! — что-то странное ответили мне из-за двери.

— Идите, я ее завтра доставлю, — примирительно сказал Тони.

— Уже три часа, — сообщил Александр, глянув на маленький электронный будильник на тумбе возле дивана с его стороны. — Бабка встает в пять. Нужно торопиться.

— Хорошо, за мной заедут в восемь, сразу оттуда мы поедem к тебе. Напиши адрес, — попросила я Тони, — а то я в таком трансе сейчас, что могу и забыть.

— Окей. В десять минут девятого она будет готова, собрана и даже спустится вниз на крыльцо, я проконтролирую.

— Спасибо. Ты — изумительный тайм-менеджер! Всем бы таких друзей, как ты.

Антон покраснел от удовольствия, и было, если честно, непонятно, кому конкретно из нас он оказывал услугу, а стало быть, чьим другом я его сейчас назвала. Но это и не важно. Я злилась на него за то, что он принял участие в этой аванюре, но я понимала, что Антон в этой паре ведомый. К тому же, по его словам, он пытался мою сестрицу все-таки отговорить.

Саша вызвал такси, и мы поехали в имение Павлецкого. По дороге я настрочила сообщение маме. Интернет она отключает на ночь, прочтет, когда проснется. Сейчас я будить их не хочу, пусть поспят. Я не стала говорить, где мы, просто написала в двух словах, что нашла Эллу и завтра утром мы обе приедem домой. И мы обе живы-здоровы.

Дом спал. Нам очень повезло, что никто не заметил до сих пор пропажу ключей. Если бы кто-то проснулся среди ночи и решил погулять во дворе, то нам бы несдобровалось. А так, Саша открыл дверь, и мы, разувшись, поднялись наверх.

— Что ты делаешь? — удивилась я, когда он вошел в мою спальню следом за мной и запер дверь.

— Здесь опасно. Я не оставлю тебя одну, даже не надейся. В этом доме на тебя уже

трижды покушались. Ну то есть... не совсем на тебя... не только на тебя... но ты поняла.

Я кивнула. Спорить не хотелось. Воевать за право ночевать на единственной кровати тоже. День был насыщенным и уже плавно перешел в раннее утро, глаза слипались, и сил не было ни на что. Я завалилась в постель прямо в одежде и не стала возражать, когда Саша аккуратно присоединился. Он прижался ко мне со спины, положил руку на талию, и все перестало иметь значение.

— Вставай! — толкнули меня в бок.

— А? Что? Кто? Зачем? — Я попыталась открыть глаза, но они сильно болели, и веки слиплись сами.

— Без пятнадцати восемь. Тебе хватит времени быстро умыться и собрать вещи. А может, успеешь даже позавтракать. Тогда я могу в это время твои вещи собирать.

Мне было так приятно, что он обо мне заботится, что мои и без того щиплющие глаза начали слезиться.

— Ты чего ревешь?

— Я просто... я... — Ну как объяснить ему, что у меня такого никогда не было? Да, обо мне заботились другие. И бабушка и дедушкой, когда были живы, и родители сейчас. Но это не то, не то... У меня даже друзей как таковых никогда не было. Люди, с которыми ты пару раз поговорил о погоде и еще пару раз об учебе, не друзья. А так, чтобы посторонний человек думал о тебе больше, чем о себе, и старался тебе угодить, вот это вот настоящее человеческое отношение — это все для меня в новинку.

— Понял, ты боишься, что тебя отравят, прости, не подумал... Поешь дома. — Он, к сожалению, ничего не понял. От этого я заревела еще сильнее. — Или, хочешь, съездим куда-нибудь? Я тебя накормлю.

— К сожалению, не могу. Ты же знаешь...

— Ах, ну да, Элла...

— Ты в каком городе-то живешь? — догадалась спросить я человека, с которым буквально провела ночь в одной постели.

Он назвал. Город с моим, к сожалению, не совпал. Я расплакалась снова.

— От меня до тебя всего лишь сто тридцать километров! — в этот раз он понял причину моей печали. — Сушая ерунда. Я буду приезжать. Если ты хочешь, конечно...

— Хочу, конечно! Погоди... — дошло до меня. — А откуда ты знаешь, где я живу?

— Так Элла же говорила. Она у меня долго пыталась вытащить, где я живу. Я ей не отвечал. Но свой город она называла. А потом у Тима спросила, хитрая. Мы с ним земляки, вместе приезжаем.

— Ясно. — Я посмотрела на часы и подпрыгнула. — Боже, осталось пять минут!

— Да ладно, водитель, может, опоздает.

— Люди полковника не опаздывают!

— Но если ты опоздаешь на пару минут, люди полковника ничего никому не расскажут, потому что люди полковника не стукачи!

— Ты что, подкальываешь меня?

— Нет! Я на полном серьезе! Тебе еще за Эллой заезжать, а ты прекрасно знаешь, что она всегда опаздывает.

— Ну не в этот раз! — хмыкнула я, успокаиваясь. — Рядом с ней лучший тайм-менеджер!

Мы обменялись телефонами, имейлами и поцелуями, и я с вещами спустилась вниз.

— Эллочка, не хочешь пирожок? — Таисия Арсеньевна протягивала мне в руки так называемый «сухой паек». — Почему на завтрак не пришла?

— Меня ждут. Спасибо, Таисия Арсеньевна.

Я на всякий случай взяла кулек, хоть и хотела отказаться вначале. Вдруг в нем снова оригинальная начинка?

— Эллочка, ты ведь приедешь на концерт? — в глазах смесь мольбы и настороженности. Мол, щас я проверю эту молодежь! Есть ли у них совесть и чувство ответственности.

Краснея, я залепетала в ответ:

— У меня же главная роль в спектакле и завершающий номер с песней...

Она удовлетворенно кивнула. Тут в холл из коридора выбежал Тимур, по всей видимости, завершивший на кухне завтрак. Увидев меня, задорно хмыкнул.

— Ну че? Как ночка?

— О чем ты? — удивилась я и покраснела еще сильнее.

— Я к Сашке заходил, постель не разобрана...

— Значит, спал на собранной! — взорвалась я.

— Его и ночью не было, и утром.

— Значит, вообще не спал! Чего ты пристал ко мне? Иди у него спрашивай!

— Да я бы спросил, но я его так и не видел!

Конечно, ведь он помогал мне вещи собирать и только что, минут пять назад, ушел к себе. Бедный, даже не завтракал.

Слава богу, старушка, с любопытством слушающая нас, будто мы шоу Малахова, кинулась к Тимуру с расспросами, чем он завтракал. Она, оказывается, сырников напекла. Возможно, в кулечке, сунутом мне в руки, они самые и есть. Не дожидаясь ответа Тима, я быстро ретировалась из дома.

Машина уже стояла возле калитки, совершенно не таясь. Я повернулась к дому, словно прощаясь. На удивление, за эти два дня произошли одновременно и самые жуткие, и самые приятные моменты в моей жизни. Это место навсегда сохранится в моей памяти, независимо от того, как сложатся дальнейшие события.

Я уже хотела сесть в черный представительский седан, но тут какая-то тень за окном привлекла мое внимание. И снова за мной наблюдают! Дернулась занавеска у крайнего правого окна. Это точно гостиная, последняя комната. Тут не ошибешься. Кухня находилась слева, как и библиотека, да и окна выходили на другую сторону. В правой части только спальня старухи, кабинет и гостиная, где нам показывали фильм. И где ночует Сергей Петрович Макаров.

Дребезжащий звук клаксона напомнил мне, что нужно ехать. Я села в машину, поздоровавшись на ходу и даже не глядя на водителя, и полезла в рюкзак. Слава богу, все улики на месте. Еще вчера я их достала из тайника, чтобы не забыть, и положила в рюкзак. От Макарова можно ожидать чего угодно, вплоть до того, что он ночами проникает в чужие спальни и устраивает обыски. Мы с Сашей так устали, что могли и не проснуться.

— Да, она села, мы едем, — отчитался кому-то шофер.

Я наконец-то догадалась выключить авиа-режим, который ставлю на ночь. Тут же обрушился шквал требовательных звонков. Конечно, ведь близкие получили сообщение о том, что нашлась потеряшка, но при этом дозвониться ни до одной из нас не было возможности! Бедные! Я успокоила их, как смогла.

Кстати, где Эллка посеяла телефон?

Я встретила ее именно этой фразой, когда мадам соизволила опуститься на заднее

сидение возле меня. Я уж думала, что она будет дуться и дальше и принципиально займет место возле водителя.

Сначала она помахала Антону в окно (чего он, разумеется, не видел, ведь стекла затонированы, но Элла умом похвастать никогда не могла) и только затем повернулась ко мне.

— Не потеряла, а выключила! Зачем мне, чтобы меня нашли? Думаешь, я совсем тупая? Я не стала ей говорить, что именно так и думала всего полминуты назад.

— Что это? — заметила она у меня на коленях сверток.

— Бабкины олады.

Элла схватила с моих колен «сухой паек», открыла окно и выбросила прямо на дорогу.

— На всякий случай, — пояснила. — И ты стройнее будешь, и голубям еда!

— Вообще-то мне сама бабушка в руки дала!

Но она просто пожала плечами, мол, ей все равно.

Водитель привез нас к дяде Мише в загородный дом. Там уже ждали родители. Сцену трогательной встречи со слезами, объятиями, подзатыльниками, истериками и поцелуями я опушу. Кстати, родители ни секунды не сомневались в том, кому отвечать подзатыльниками, заодно целуя-обнимая, а кого только обнимать и целовать. Хотя мы выглядели, с точки зрения посторонних людей, абсолютно одинаково. Челка, розовая прядь и макияж, который у меня за ночь немного испортился (времени с утра подправить или даже смыть целиком у меня не было), а у Эллы держался идеальным свежим слоем (стало быть, она собиралась не в спешке, и Антону удалось разбудить ее задолго до прибытия машины).

А вот теперь время истины...

— Ну что там с уликами? — строго спросил дядя Миша. — Выкладывай.

Он всегда был таким, сколько я его помню. В детстве я даже его боялась. Чего греха таить — побаиваюсь и сейчас. На сантименты отводит четко ограниченное количество времени и сразу резко переходит к делу, ну словно alt+shift нажали, меняя раскладку клавиатуры. А когда долго не удается перейти к главному, начинает раздражаться.

Вот и сейчас родители накинулись уже на меня — за то, что обманула. Оказывается, дядя Миша им все рассказал. Впрочем, он хранил мою тайну до последнего. Но, получив сообщение и не дозвонившись до меня, родители уже направились к нему. Тут-то он все и сказал. Поэтому и ждали нас здесь, зная, что сюда привезет машина.

Мы с Эллой, перебивая друг друга, рассказали все, что вспомнили и посчитали релевантным. Слава богу, Элла додумалась не вмешивать сюда Сашу. Упоминался только Антон, да и то лишь по причине, что она у него жила — это ведь главный вопрос, который ей задали. Дядя Миша забрал у меня и коробки с чаем, и флешку с документами, после чего мы поехали домой.

Дома случилась новая разборка. При дяде Мише родители не стали выговаривать нам всего, что они думали, и задавать какие-то вопросы, но а уж в квартире разошлись на славу. Элла в какой-то момент плюнула, махнула на них рукой (в прямом смысле) и ушла спать. То ли этой ночью не спала (и именно по этой причине не опоздала), то ли соскучилась по своей кровати. Я лично по нашей общей спальне не скучала, посему осталась на кухне с мамой и папой.

— Соня, как же так? — начали они сызнова. — Ладно Элла, в семье не без уroda. Но ты-то?

— А почему вы не видите положительную сторону событий?

— Что? — удивилась мама и посмотрела на отца, слово на свой ум не надеялась и полагала, что он ей разъяснит смысл моих слов.

Но я не стала ждать, когда он ответит, объяснила сама:

— Во-первых, Элла вернулась домой. Живая и невредимая. Не об этом ли ты молилась еженощно? Думаешь, я не слышала тебя? — Мама насупилась, но спорить не стала. — Во-вторых, наше расследование, возможно, поможет поймать некоторых не очень хороших людей и отправить их за решетку, чтобы никто больше от них не пострадал!

— Пинкертоном себя возомнили! — сказал папа маме.

Настал и мой черед отмахиваться от них и идти в свою комнату. То есть *нашу* комнату. Я уже успела привыкнуть к тому, что ночью одна.

Я проверила телефон: сообщений нет. Вздыхая, тоже улеглась. Вообще говоря, я не ожидала, что усну, но поспать удалось этой ночью всего часа четыре, и то максимум, а уж сколько нервов было загублено, не перечесать, короче, я очень быстро вырубилась.

Остаток дня я провела с тяжелой головой. Видимо, спать второй раз было плохой затеей. Нас позвали на ужин, который для нас обеих стал обедом, и в то время как Элла налегала на все подряд, видимо, соскучившись по нормальной стряпне (страшно представить, чем ее кормил Антон), я же оставалась к еде равнодушна, снедаемая смутной тоской и тревогой. Каждые пять минут я проверяла телефон.

— Может, хоть на время ужина ты оставишь свои игрушки? — возмутился папа. — Соня, я тебя не узнаю!

И даже с подозрением воззрился на мою сестру, мол, не устроили ли вы, как в детстве, свои глупые розыгрыши, не решили ли нас обмануть и поменяться местами? Кстати, о розыгрышах. Эти забавы, оказывается, оставались с Эллой даже когда детство осталось далеко позади. Из нас двоих, увы, повзрослела только я. А может, не повзрослела, а обзавелась совестью и чувством ответственности? Или это одно и то же?

Ковыряя вилкой в тарелке, я продолжала свои странные философствования, пока наконец мама не начала убирать со стола.

Перед сном я тоже проверяла мессенджер каждые пять минут. Пару раз порывалась написать сама, но останавливалась. Потом вздохнула и убрала телефон, включив авиарежим.

— Элка...

— Ну что? — возмущенно отозвались с соседней кровати, как будто я не в первый раз позвала, а в сто двадцать первый.

— Что ты имела в виду, когда говорила, что не уверена, что это Макаров?

Сестрица помолчала. Я уж думала, не ответит, когда она наконец снизошла разомкнуть уста:

— «Как утонула?» — первое, что он сказал. Ты представляешь?

— И что? — подождав продолжения и поняв, что оно не последует, изумленно молвила я. — Что, по-твоему, он должен был сказать? Да, я ее утопил, так что для меня это не новость.

— Нет, ты не поняла... Не «Как это, умерла?! Такая молодая и красивая! Да что ж это в мире делается-то?!» А...

— Это, скорее, Таисия должна была произнести, — перебила я сестру.

— Ну вот, она что-то подобное и сказала. А он, когда ее нашли в пруду, сказал удивленно: «Как утонула?» Как будто не сам ее утопил. Так странно...

— Ничего странного! — разозлилась я, что она заставила меня усомниться в нашей

версии из-за какой-то ерунды. — Давай спать!

— Как думаешь, мне надо ехать на репетицию? — едва открыв глаза и заметив, что сестра тоже не спит, спросила я.

— Чего? Какую на хрен репетицию?

— Завтра концерт, забыла? Официальная годовщина.

— Без тебя знаю! Это вообще-то мой кумир и мой мир, в который ты влезла!

— В который ты заставила меня влезть! — поднявшись на локте, повысила я тоже голос. Пусть знает, что не только она одна в семье умеет орать и ставить людей на место.

Сестрица сразу притихла.

— Для чего тебе ехать на репетицию? Ты что, выступить собралась? — с любопытством спросила она.

— Конечно! Я же гвоздь программы!

— Ты в горле кость, а не гвоздь, вот так вот, лошара!

— Ну, только у тебя, — хмыкнула я. — Завидуй дальше. У тебя-то смелости не хватило ни на одном концерте выступить! Написала под себя маленькую незаметную роль деда Павлецкого в три строки и радовалась ходила... А меня поставили завершающей! Да еще и роль Алены дали.

— Ой, ну поезжай тогда! Чего ты от меня-то хочешь? — Я молчала. Она догадалась сама. — Между прочим, Сашка на репетиции не ездил никогда! Он очень занят в своем вузе, станет крутым финансистом, — язвила она, как всегда. — Радуйся, если на сам концерт явится.

— Конечно, явится. На него все надеются, а он ответственный человек. Как и я.

Элла неожиданно пересела на мою постель и внимательно заглянула мне в лицо.

— Ты понимаешь ведь, что никакого концерта может не быть? Его схватят не сегодня завтра. А без Макарова концерту кирдык.

— Но есть же бабушка... — замямила я.

— И что? Не она отвечает за официальную часть мероприятий.

Как-то я об этом не подумала. Почему-то концерт и в принципе общественная жизнь фанатов Павлецкого у меня в голове шла одним потоком, а расследование и ловля преступника — другим, параллельным. И они не пересекались. А ведь должны.

В среду, в день концерта, позвонил дядя Миша. Он набрал папу, но отец включил громкую связь, и мы слушали всей семьей.

— В общем, так. В той розовой коробке, что светлого оттенка, сушеные травы, в том числе дурман-трава, и легкая доза кофеина, который, скажем так, бодрит и веселит. Привыкания почти не вызывает. Ну а в темно-розовой к этому же составу примешаны клофелин и даже крупица амфетамина. К радости и беззаботности они добавляют что-то свое: расслабляют и уносят в море грез, как мне сказали... М-да, вот так загадочно изъяснились.

— То есть по итогу чай — наркотик? — уточнил папа.

— Что-то наподобие. Вызывает привыкание. Сердечникам категорически противопоказан. Медведеву вашу, скорее, он и убил. Но эксгумация через столько времени ничего не покажет.

— А что с Наташей? — спросила я. — Ну, то есть с Натальей Церковиной.

Элла рядом со мной напряглась. Она может делать какой угодно неприступный стержневой вид, но, что ни говори, она все равно очевидно переживает. А значит, чувствует свою вину.

— В воду, по всей видимости, скинули бесчувственное тело, и она просто захлебнулась.

— Какой кошмар! — воскликнула мама.

— Подонок! — поддержал отец.

— Да, фонд Макарова, по сути, занимается распространением этого «чая». Но чтобы узнать, было ли насилие, нужно эксгумировать тело, да и то... Прошло три месяца. Да еще и тело пролежало в воде всю ночь после наступления смерти. Я не советовался с экспертами, но думаю, все следы уже исчезли.

— Значит, это все ненаказуемо! — разозлилась Элла. — Все впустую!

— Погоди горячиться. Я достал старое дело. Макаров уже привлекался по 135 статье УК РФ за развратные действия с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Но дело развалилось еще до суда, официальная причина «прекращено за недостаточностью улик».

— Занес кому-то! — не выдержал отец.

— Возможно. Но такие деяния действительно тяжело доказать. Обычно это слово подростка против слова взрослого. Да и в законе четко не сформулировано, что относится к развратным действиям, а что нет. А ребенок ведь тоже оклеветать может. Не понравилось, что плохую оценку поставил учитель, к примеру. Еще на моей памяти были такие дела.

— Так что же делать?

— Возьмут Макарова пока за организацию наркопритона, прикроют склад, или где он это штампует, запрут и будут дальше копать. К нему на адрес уже выехали.

— Он сейчас в доме Павлецкого!

— Откуда знаешь? — спросил меня дядя Миша.

— Должна идти полным ходом подготовка к предстоящему концерту! Начало в семь! Но я уверена, что он даже не выезжал из дома с выходных. Он обещал репетировать со всеми желающими до концерта.

— Отлично. Я свяжусь с ребятами, направлю.

— Я поеду с вами!

— Так, я никуда не еду и ты не едь! — Родственник был не гигант по части русского языка и выразился просто. — Этим займутся должностные лица!

— Едем, — сказала я Элле, когда папа закончил разговор.

— Отлично! Хочу увидеть рожу этого козла, когда его ОМОН скрутит!

— Вряд ли за одним Макаровым пошлют целый ОМОН...

— Девочки! — возмутилась мама. — Зачем вам это видеть? А вдруг он вами прикроется как живым щитом!

Маме стало плохо от собственных пугающих фантазий, но мы оставались непреклонны и, пока папа ее отпаивал валерианкой — или чем там, — смылись из дома.

Как-то так получилось, что мы добрались быстрее доблестных стражей правопорядка. Последних, возможно, задержала бюрократия, ну а мы были свободны от всяких постановлений и приказов.

...Калитка, как никогда, распахнута. Дверь в дом — тоже. На ней висит плакат «Концерт в честь тридцатилетия Яна Павлецкого».

Только я хотела предостеречь сестрицу, спокойно шагающую к воротам, словами «Зомбиапокалипсис какой-то», как тут же из дверей дома вышла кучка людей. Не

сговариваясь, мы сели в кусты шиповника, растущего вдоль забора, стараясь не обращать внимания на колючки.

— Тим, Тони и Ирка, — сообщила Элла, выглядывая из-за куста. — Завернули за угол дома. Пусть открыт.

— А Макаров? Его нет с ними?

— Нет.

Она попыталась подняться на ноги, но я ее задержала.

— погоди, мы должны разобраться, кто из нас пойдет.

— Что?

— Что?! — передразнила я. — Ты серьезно хочешь вот прямо сейчас явиться под ручку со своим клоном? Эти люди не знают о нас, забыла? Ну, кроме Тони...

«И Саши», — мысленно добавила я. Только его сейчас возле дома нет. Что, если его вообще здесь нет? Может, он плюнул на все? Иначе почему не писал мне все эти дни?

— Тебе-то какая разница? — возмутилась Элла, по привычке выискивая причину для ссоры. — Это мои друзья! Это мой мир! Я сюда приезжала два года подряд! А ты... — я думала она опять скажет «лишняя, тебя никто не звал», а я снова отвечу «вообще-то, это из-за тебя я здесь», и спор затянется, но до нее дошло, что лучше не продолжать. — Ладно, что ты предлагаешь? — пошла она на примирение.

— Я зайду в дом и буду с ними репетировать, а сама глаз не спущу с Макарова до приезда полиции. А ты будешь тусить вокруг дома, вдруг ему придет охота в окно полезть...

— Ага, при открытых дверях! Он же у нас гений, че там...

— Что, если он увидит их в окно? Через главный вход в таких случаях не убегают. А через двор, забор и участок соседей — еще как.

— Менты, если совсем уж не идиоты, должны будут предусмотреть такую возможность.

Я кинулась спорить:

— Слушай, если бы его считали особо опасным преступником, то выследили бы уже давно и направили сюда целый отряд ОМОНа. Но, как мы уже говорили, вряд ли за ним приедут больше двух человек. С официальной бумажкой в руке они и направятся в дом. Через вот эту дверь, — показала я на главный вход.

— Хорошо, а я голыми руками должна буду его схватить, скрутить, связать и наручники еще надеть.

— Связать будет достаточно. — А что, ей можно без конца язвить?

Сестра почему-то улыбнулась.

— Такой ты мне больше нравишься. Я вот что думаю. Он, возможно, держит здесь какие-то документы. И вряд ли в гостиной, где народ тусуется. Скорее всего, в кабинете Павлецкого. Если по случаю жары там окна открыты, то я лучше туда влезу, спрячусь под столом или в шкафу и, если он начнет что-то уничтожать, остановлю его. А ты держи его на глазах. Как только он будет выходить из библиотеки... Вы все еще там репетируете? Ничего не изменилось?

— Да.

— Вот, короче, всегда, когда ты его не будешь видеть, посылай мне сообщения. Просто одним символом, «1», допустим. Значит, он вышел. «2» — когда вернется. Я буду знать, когда можно не прятаться.

— Тебе лучше прятаться всегда, ибо не только для Макарова станет неожиданностью внезапно раздвоившаяся Элла. Но твой план в целом отличный. Такой ты мне больше

нравиться, — повторила я сестру. И добавила: — Умной.

Она повторно улыбнулась, и мы гуськом направились к калитке. Я вошла первой и уже уверенно прошествовала к входу в дом.

Прямо в дверях столкнулась с Сашей.

— Соня? — удивился он. Или это вопрос?

— Соня, — на всякий случай ответила я тихим голосом. — Как у вас? — бросила мимоходом, проходя внутрь и не смотря на него. Я не хотела, чтобы он по лицу прочитал, что моя душа попала в центрифугу, стоило его увидеть. Главное — держаться с достоинством.

— У нас идет подготовка к концерту. Макаров вчера решил, что песни будут в библиотеке, там все-таки пианино стоит и хорошая акустическая система, не хочется это все перетаскивать. А в замке пройдет спектакль.

— Вчера? — удивилась я, стоя в задумчивости над обувной тумбочкой. Если народ снует туда-сюда между двумя строениями, вряд ли все переобуваются. Значит, и мне не надо. Тем более картины погони и захвата Макарова так и стояли у меня перед глазами, а бегать за преступником в тапочках — моветон.

— Да, вчера. Я, кстати, думал, что ты приедешь. — Сказано будто с обидой.

— А я, кстати, думала, что и сегодня не приеду. Видишь ли, — понизив голос, решила я поделиться тайной следствия, — хоть ты и не спросил почему-то, но пришли результаты по...

Здесь я увидела старушку, выходящую из коридора в холл, и замолчала. Рано пока посвящать других в эту историю. Да и не обладаю я необходимыми для этого полномочиями.

— Эллочка! — Старушка даже всплеснула руками. — Ну тебя же все ищут, милочка! Ты же гвоздь программы. Мы боялись, что-то случилось...

— До концерта еще шесть часов.

— Да, а как же репетиция? А помочь? Мне пришлось Милочку задействовать на кухне. Сегодня же все приедут. И Петраков, и Шевченко, и мои подружки из клуба. Боже! — посмотрела она вдруг на свою одежду. — Я же еще не одета! Наверно, успею, — отмахнувшись, она потопала обратно на кухню. А может, в библиотеку.

— Не обращай внимания, — шепотом сказал Саша, хмыкнув. — Она всегда нервная перед ответственными мероприятиями и приездом важных лиц.

— А важные лица — это те, что участвуют в жизни фонда, так?

— Ну.

— Мне надо тебе кое-что рассказать.

— Пойдем ко мне.

Я хотела спросить, куда ко мне, но Саша показал наверх, ясно, в его бывшую комнату. Впрочем, мы успели сделать лишь два шага к лестнице, как в дом вернулись ребята.

— Так, никаких трах-тарарах! — задорно крикнул нам Тимур с порога. — Цыгель, яй люлю!

— Элка, привет! — кинулась ко мне Ира. — Для спектакля все готово, пошли наконец репетировать!

Тони мне осторожно кивнул, присматриваясь, будто пытаюсь понять, какая я из двух. Не буду себя выдавать.

— Зайчик мой! — вытянула я губы уточкой, делая вид, что целую его издалека.

Антон засмутился, опуская глаза, видимо, понял, кто я. Наверняка Элла из меня

получается чересчур карикатурная.

— А Макаров там? — догадалась я спросить. — В замке?

Ирина ответила:

— Нет. Он как заперся утром в кабинете Павлецкого, так и не выходит.

— Как? — Я было метнулась к нужной двери, но девушка меня остановила. — Ну куда, куда? Он велел не беспокоить.

— Но ведь... Репетиция! У меня столько идей! Я хочу, нет, просто жажду поделиться с ним!

— Боже, Элка, только не говори, что ты опять все переписала! Мы только выучили по переписанному!

— Я тебя задушу своими руками! — начал угрожать мне Тим. — Клянусь!

Двое других молчали, сосредоточенно о чем-то думая. Они-то знали, что мой резкий интерес к кабинету и Макарову неспроста.

— Я хотя бы поздороваюсь, скажу, что пришла, а то Таисия на меня всех собак спустила, что я поздно. Хотя еще только час дня!

Я опять развернулась, но Ира просто вытолкнула меня на крыльцо дома, приговаривая:

— Для репетиции он нам не нужен! Всё сами! Оформление он одобрил, мы еще вчера начали украшать. Это ты филонишь... А когда в библиотеку переместимся, тогда и позовем, он должен сопровождать.

Пришлось сдаться. Когда мы завернули за угол, я заметила что-то ярко-розовое в кустах сирени.

— Ах! — резко встала я. Боже, это Элла! Сейчас они ее увидят! Ну на хрена спрашивается, нужно было надевать блестящий латекс? Конечно, мы не предполагали, что придется прятаться на местности, иначе бы выбирали одежду из зеленой гаммы, но сирень, само собой, уже давно не цветет, и ее там обязательно заметят...

— Что такое?

Главное — не смотреть прямо на Эллу...

— Какая красивая вывеска! — наткнулась я глазами на плакат, который висел и на замке. — Бежим скорее туда!

И понеслась к недострою первой. Да, они решили, что я тронулась умом, но другого выхода не было.

Репетицию я постаралась закруглить как можно быстрее.

— Боже, Элка, как мало ты знаешь из собственного текста! — ругала меня Иринка.

— Ничего, один раз перечитаю перед выступлением, и все будет нормально. Давайте теперь пойдем будить Макарова. Пора репетировать концерт.

— С чего ты взяла, что он спит?

— Точняк, — поддержал меня Тим, поправляя руками челку, — дрыхнет без задних ног, а мы тут надрываемся.

— Тебя никто не заставляет это делать! — вклинилась Мила, которая присоединилась к нам в середине репетиции, когда ее бабушка отпустила с кухни. — Мы все здесь добровольно! Чтобы быть ближе к кумиру!

С этим спорить никто не стал, и под моим предводительством мы вернулись в дом. Я усиленно вертела головой, стараясь, впрочем, делать это незаметно, но Эллу нигде не увидела. Слава богу, до нее дошло вылезти из пожухлых сиреневых кустов.

Я хотела сразу пойти в кабинет, но та же Ира снова меня остановила!

— Стой! Нужно сперва украсить библиотеку. Если Макаров одобрит, как она выглядит, то мы сможем уже начать репетицию.

Господи, детский сад... А это время Сергей Петрович усиленно уничтожает улики! Надеюсь, Элла ему помешает. Не знаю, конечно, какие улики можно держать в чужом кабинете чужого дома, но с другой стороны, это даже умно. Если к нему нагрянет какая-то проверка, то по официальному адресу все будет чисто. А тут он, может, держит всю партию ярко-розового чая? Таисия Арсеньевна вряд ли заходит в кабинет.

— Как тут душно, — возмутились девочки. — Откройте окна!

Так как я вошла первая, я же и пошла открывать окно. Справившись с одной створкой, я услышала какой-то шум на улице, будто удар о металл, выглянула и снова ахнула. Элла стучала по трубе, а увидев меня, показала пальцем на другой конец дома..

Я показала «Х» скрещенными руками, мол, заткнись, я тут не одна, и, услышав шаги прямо за спиной, резко закрыла створку.

— Что ты делаешь? — спросила подкрававшаяся Мила.

— А давайте не будем открывать! Так акустика лучше! Да и вообще, нечего соседям слышать концерт заранее! Спойлер! Идем-идем, — подтолкнула я Милу к центру помещения.

— Я думаю, — стала предлагать идеи Ирина, — нужно повесить список выступающих с названием песен прямо на дверь. Или на стену.

В этот момент в библиотеку зашла старушка, и по одному взгляду на нее я поняла: что-то стряслось. Бела как мел, руки трясутся мелкой рябью, из чашки, что в руках, проливается жидкость в блюдце, сама чашка ходуном ходит и звонко отбивает по блюдцу дробь.

— Ребятки... там пришли... из милиции. За Сережей! — И она заплакала.

Девочки остались то ли утешать, то ли расспрашивать Таисию Арсеньевну, а мы четверо пошли в холл.

Два человека в штатском с бумагами в руках. Все, как мы и думали. Постановление о заключении под стражу.

— Сергей Петрович в какой комнате?

— Пройдемте, — сказал Саша и повел их к кабинету. Тут-то и выяснилось, что дверь закрыта.

Саша и двое мужчин довольно быстро ее выбили. Открывшееся зрелище навсегда врежется мне в мозг. Сергей Петрович болтается в петле, повешенный на люстре. Потолки настолько высокие, что его тяжелые ботинки почти на уровне моих глаз... Чтобы сделать это с собой, ему пришлось пододвинуть тяжелый массивный стол из дуба, а на него водрузить кучу книг плотными рядами.

Что же вы наделали, Сергей Петрович...

— Ясенько... — промямлил один из новоприбывших, почесывая затылок. — Самоубийство.

— Так ему и надо, — резко высказался второй. — Вызывай опергруппу.

— На кой? Дверь заперта изнутри.

— Ага, а ключик-то на столе валяется. И потолок слишком высокий. Пусть выводы делают те, кому надо. Вызывай.

— Ну как скажешь.

Нас тут же выставили из комнаты.

— Ну что, кто ей скажет? — спросил нас Александр. Все молча глядели на него. — Хм, понятно...

Когда мы остались втроем, я сказала:

— Ребят, мне что-то плохо, пойду на улицу, подышу свежим воздухом...

— Я с тобой! — вызвался Тони.

К счастью, Тимур с нами не пошел.

— Элка где-то здесь! — шепнула я ему, как только поняла, что нас тут никто не услышит. — Ищи ее!

— Как здесь? Зачем?

Не удовлетворяя его любопытство, я дала задание:

— Иди налево вокруг дома, а я направо.

Мы обошли здание, обращая предельное внимание на все кусты и лавочки, под которыми можно спрятаться, и встретились с другой стороны.

— Я ее не видел. Может, она уехала?

Вместо этого я пошла в баню. И мне, и Элле не просто так не понравился звук открываемой двери. Может, она тут обыск проводит, чтобы, так сказать, помочь следствию? Но ее тут не было.

— Может, она в доме?

— Иди посмотри.

— А ты?

— А я не могу. Нас не должны видеть вместе.

Уже когда Тони отправился к дому, до меня дошло, что мы одеты по-разному. Если мужчины могут и не заметить (ну вряд ли, конечно, учитывая, что я в сером, а она в ярко-розовом), то девочки явно обратят внимание. Так что Элла, будь она в доме, уже нас подставила. Короче, я припустила к дому. Возле окон замерла, прижалась к стене и стала заглядывать во все по очереди, кроме, конечно, кабинета Павлецкого, где трудились оперативники: не думаю, что им понравится мое любопытство.

Элла обнаружилась в гостиной вместе с... Сашей! Вот дрянь! Она стояла у окна, закутавшись в старушкину шаль. Хитрюга!

Только я попыталась влезть в открытое по случаю жары окно, как она заметила меня и резко захлопнула обе створки прямо перед моим лицом, после чего зашторила окно. Вот зараза! Бить меня моими же методами! Что они там будут делать? Неужели Саша не понял, что она — это не я?

Я резко побежала вокруг здания к входным дверям. В холле столкнулась с Милой.

— Элка, смотри куда прешь!

— Я не... — Я вовремя прикусила язык. Я ведь уже хотела крикнуть: «Я не Элла, я Соня!», но быстро вспомнила, что для Милы я как раз должна оставаться Эллой. Нужно приберечь возмущенные возгласы для Бельского. — Я не видела тебя, — быстро исправилась я.

— Ты вроде в гостиной была, — вспомнила она удивленно. — С Сашкой.

— Да. Ты, кстати, не знаешь, зачем мы с ним туда пошли?

Она как-то странно на меня посмотрела, затем, покрутив пальцем у виска, отправилась дальше по своим делам. Ну а я снова припустила по коридору в сторону гостиной.

«Закрылись!» — в ужасе отметила я, увидев преграду перед собой в виде добротной дубовой двери. Я дернула ее, она поддалась, и я оказалась в гостиной.

— Ты! — рявкнула я на сестрицу, которая стояла возле Саши и наглаживала его по мускулистой груди. — Выйдем! Поговорим!

— Еще скажи, что морду бить будешь! — заржала эта овца, но все же сделала шаг назад. В принципе это мне и было нужно.

— Соня, что ты делаешь? — удивился Александр.

— Так ты знаешь, что это я?

Черт, для меня это еще хуже. Значит, он знал, что это Элла, и позволял себя гладить. Какой треш... Это мне нужно выйти. Причем навсегда.

— Божечки, ну и лошара! — продолжала ржать эта дура. — Она решила, что я тебе ею представилась!

Саша, слушая ее, разочарованно покачал головой. Что она ему успела про меня напеть?!

Этого я уже не могла выдержать и, бросившись на нее, толкнула со всей силы. Видели бы нас сейчас родители... «Уж от кого, но от тебя мы такого не ожидали!» Я тоже. Шутка ли — за последние два дня дралась больше, чем за всю свою жизнь.

Элла спиной налетела на сервант со стеклянными дверцами и хрустально-фарфоровыми сокровищами за ними. У одной дверцы разбилось стекло, и опрокинулась одна из стеклянных полок, в результате чего ее содержимое посыпалось сверху на нижнюю полку с невероятным грохотом.

Я заметила, как рука Эллы быстро покрывается кровью и бросилась к ней — теперь уже с другой целью: спасти.

— Уйди от меня! — завизжала та, прячась за Сашиной спиной.

К ужасу своему я заметила, что Бельский на ее стороне и закрывает ее от меня рукой.

— Да что с тобой происходит?! — строго спросил. Мало мне...

Снедаемая чувством вины и досады, я не сразу заметила, что за спиной кто-то появился. Оказывается, ребята прибежали на шум. И теперь стояли, разинув рты.

— Элла, кто это? — бестолково спросил Тимур, непонятно, к кому из нас обращаясь.

Ответила настоящая Элла:

— Знакомьтесь, — с вечной издевательской ухмылкой показала она на меня окровавленной рукой, — моя чеканутая сестра-близнец, сбежавшая сегодня из психушки. И здесь меня нашла! Ну надо же!

— Да нет же, — поспорила вдруг Ирка, — вот эта, — показала на меня, — была с нам в замке на репетиции! Она нормальная!

— Что за шум? — сунулись к нам полицейские. Еще не хватало, чтобы нас разнимали

представители правопорядка. Вот стыдоба...

— Все хорошо! — быстро ответила я.

Мужчина оглядел разбитый сервант.

— Ясненько... Никуда не расходитесь, есть подозрение на убийство. Ждем экспертов.

Со всеми будем беседовать.

И ушел.

Новость повисла дамокловым мечом над всеми нами. Даже Элькина рука, словно испугавшись, перестала кровоточить. Напрашивался вывод: если Макарова убили, то это сделал один из нас.

— Ты в порядке? — спросил Сашка Эллу.

Я думала, что она сейчас театрально закатит глаза и грохнется в обморок от потери крови, но она лишь сжала руку в месте пореза посильнее и буркнула:

— Норм!

— Элла, у меня есть пластыри в сумочке...

— Заткнись, психованная! Не подходи ко мне!

— Ты знал, что их две? — обратилась Ира к Саше обиженно. Мол, как же так, ведь это я подруга.

— Да, — спокойно сказал он. — И не смотри на меня так, я узнал недавно, а вот он, — кивок на Антона, который стоял у всех за спиной, — в курсе давно.

Все посмотрели на Тони, который, быстро ляпнув:

— А я вообще-то чай пью! — вылетел из гостиной.

— У тебя капает на платье, — заметила Мила, показывая на Эллу рукой. — Не знаю, которая из них Элла, но они обе растяпы, это факт...

— Заглохни, гот!

— Пойдем со мной, — встряла Ира, взяла Эллу за руку и повела к выходу, — в ванной есть аптечка, я обработаю.

Я поняла, что она под видом заботы хочет вытянуть из Эллы правду, и мне почему-то стало грустно, когда я поняла, что прямо сейчас Ира узнает, что я ей никто. Странно, учитывая, что я сама не так давно думала о ней плохие вещи, наверно, все дело в том, что у меня никогда не было друзей в полном смысле этого слова, а здесь мне начало казаться, что я их обрела.

— Ну что ж, — сказал Тимур, проходя вперед, усаживаясь на диван и закидывая ноги на столик, — добро пожаловать в мир Агаты Кристи! Мы все заперты в доме, один из нас убийца, да еще и один из подозреваемых раздвоился! Что будем делать?

— Не ерунди, — фыркнула Милка, присаживаясь рядом. — Они сказали «есть подозрение», но это так, для проформы, они всегда подозревают такие вещи.

— Нет, не для проформы, — бросая на меня косые взгляды, дескать, я с тобой потом поговорю, ответил Саша, устраиваясь в кресле. — Это я им сказал.

— Что?!

— Соня, — обратился он ко мне, и двое других удивленно моргнули (они и вправду думали, что нас обеих зовут Эллами?), — ты заметила, как стояли книги на столе?

— Да, ровными стопками. Вроде их было три. Или четыре?

— Четыре, — кивнул он. — А теперь представь. Стол, хоть и сдвинут в центр комнаты, но стоит не строго под люстрой, а как бы сбоку. Вот человек, причем грузный, встает на книжки, наматывает петлю на шею и как бы спрыгивает со стола... Что происходит с

книгами?

— Они должны были сбиться, это очевидно. Возможно, даже упасть со стола.

— Какие-то непременно попадали, — кивнул Александр. — Но открыв дверь, мы застаем ровные стопки книг.

— То есть убийца вернул все книги на стол?

— Ага.

— Но для чего? — спросила Мила.

Саша пожал плечами.

— Возможно, маниакальная страсть к порядку. Или убийца так сильно хотел, чтобы происшествие списали на суицид, что обманул в итоге сам себя. Ему хотелось, чтобы со стороны все выглядело просто и понятно, чтобы идеально вписаться в картинку «Я виноват, в тюрьму не хочу, прощай, жестокий мир». Следовательно, он мог побояться, что раскинутые книги будут приняты для результата борьбы. По этой же причине человек запер дверь на ключ, когда выходил.

— И разумеется, — добавила я, — позаботился, чтобы другой ключ остался внутри.

— Ага.

— Может, он все-таки так аккуратно повесился? — понадеялась Мила. — Ровные ряды книг — это еще не аргумент.

— Согласен, — неожиданно сказал Саша. — Только вот я успел перевернуть парочку, пока меня менты не выперли... Что так смотрите? Я через салфетку трогал.

— Ага, и смазал все отпечатки своей салфеткой! — пожурил друга Тим.

— Нет, я же аккуратно, с боков. Зато я привлек внимание ментов к этому! Потому что на второй книге сверху, с нижней, кстати, стороны, были отпечатки ботинок! Обложка светлая, на ней все видно. Им осталось только сличить подошву. Они даже тело еще не сняли в тот момент. Хотя, может, ждали кого или фотографировать собирались, не знаю... В общем, я им такой: как же у вас суицид, а книжечки что, сами перевернулись и местами поменялись? Ну скучно им, книжкам, вот и затеяли игру в ручеек!

— Вот это уже аргумент, — согласилась Мила. — Значит, в кабинете явно кто-то был еще, кто это книжки расставлял потом.

— А у кого еще есть ключ от кабинета? — поинтересовался Тимур.

— Я думаю, у старушки. Вопрос, где они хранятся. В ключнице точно нет, там только связка, относящаяся к входной двери. — О да, Саша это знал, как никто другой! — Но не факт, что она носит ключи от каждой комнаты при себе, это нелепо. Скорее всего, где-то хранит.

— Значит, или она грохнула, или кто-то, кто знает, где она их хранит? — предположил Тим.

— Она бы его точно не подняла, — покачал Саша головой, — в ней есть-то полтора метра роста и полцентнера от силы. И если ключи хранятся в общедоступном месте, то и знать не надо. Взял и пошел.

— Знать надо, — поспорила Мила. — Я вот, например, не знаю. И быстро не найду, соответственно.

— Давай проверим!

Ребята поднялись, увлекшись игрой в сыщиков. Я сама любила это развлечение, только вот сейчас меня внутренне терзали другие вещи, которые в шкале приоритетов располагались значительно выше.

— Саша... Пусть ребят поищут, а мы поговорим.

Он как-то странно на меня посмотрел, но Тим и Мила быстро смекнули, что к чему, и сбежали вдвоем, поэтому ему пришлось вернуться в кресло.

— Ну что?

«Ну что?»?! Как будто яего толкнула и порезала битым стеклом. Почему, за что он так со мной?

— О чем вы говорили с Эллой?

— Я обязан отвечать?

— Нет, конечно. Я смотрю, очень быстро для тебя в монстра превратилась, поэтому ты мне вообще ничем не обязан. — Я почувствовала, как слезы подступили к глазам, и голос начал изменяться, но остановиться уже не могла: — Просто не ври хотя бы сам себе, ты влюблен конкретно в Эллу, а не в меня! Но ты считал, что у нее плохой характер, поэтому заставил себя переключиться на меня. Дескать, одно и то же, только лучше. А оказалось, что я даже ни фига не лучше, а то и хуже...

И я заплакала. Слезы меня победили. Элла меня тоже победила, хоть и раненой оказалась она, а не я. Но иногда побеждает не тот, кто пролил меньше своей крови. Побеждает тот, кто заставляет бурлить чужую кровь.

Бельский подбежал ко мне и обнял.

— Дурочка... Я не влюблен в нее ни разу и никогда не был. Все, что я говорил тебе, правда, я никогда не вру ни другим, ни самому себе. Такой уж я человек. Не гибкий, мягко скажем... А с Эллой мы просто выяснили отношения, закрыли гештальт, так скажем. Она извинилась, что вела себя как стерва, а я извинился, что использовал ее. Вот и все. Поэтому твой выпад... выглядел по меньшей мере странно и немного меня напугал. Тем более ты сама меня просила больше тебе не писать.

— Чего?! — удивилась я сквозь слезы.

— Ну как? Ты же мне написала, что не можешь встречаться со мной, потому что для тебя это все странно, ведь я спал с твоей сестрой, и тебе даже... как ты выразилась? Брезгливо, вот.

Видя, что я не понимаю, он показал мне переписку, которая меня попросту обескуражила. Очевидно, я спала в это время. Из моего телефона она, ясное дело, все это безобразие удалила.

— А я и думаю: почему ты мне не пишешь?

— Ну да, — пожал он плечами. — Решил дать тебе время разобраться в себе. М-да, очередной странный розыгрыш от Эллы, чего еще от нее ждать...

— Это не розыгрыш! Она специально это сделала, чтобы нас разлучить! — всхлипывая, делалась я своими мыслями. — Она видела меня в окно. Только она просчиталась. Она думала, что, пока она здесь, я в дом уже не сунусь, чтобы мы не спалились. Буду тихо-мирно ждать ее, сидя в кустах, и рисовать себе страшные картины того, что она тебя обманула и выдала себя за меня. Или что ей не пришлось обманывать... Но я не стала сидеть.

— М-да, она тебя недооценивает... — прозвучало это с иронией.

— Ты что, смеешься надо мной?

Он хмыкнул.

— Капельку...

Я не успела придумать достойный и желательно обидный ответ, как он меня поцеловал. Но и насладиться поцелуем я также не успела.

— Хм... — откашлялся кто-то возле двери. — Элла? Или...

Я с ужасом узнала голос дяди Миши.

— Или, — покаянно ответила я родственнику.

— Соня, в общем так. Собирайтесь. Я вас отмазал, едем домой. Если надо будет, вас вызовут.

— А концерт? — ляпнула Ирина, появившаяся вместе с Эллой у него за спиной.

— А концерта не будет!

— Мы нашли! — крикнули за их спинами Тимур и Мила.

Мы с Сашей вышли в коридор. Оказалось, что ключи от кабинета хранятся на кухне в ящике. Там сидела Таисия Арсеньевна с Антоном и двумя подругами, пришедшими пораньше — пообщаться перед концертом. Когда ребята начали проверять все шкафчики и ящики, она спросила, что ищут, и подсказала. Ключ оставили в ящике для экспертов, но старуха утверждает, что он всегда там лежит, вместе с ключами от бани и сарая. Остальные комнаты в принципе не запираются.

— То есть любой мог взять? — констатировала я. — Проверить всего три ключа на один замок — вообще не проблема.

— А если и проблема, — суровым тоном влез родственник, — то уже не твоя! Девочки, на выход!

Я успела только на прощание два раза моргнуть Сашке, выводимая сильными, грубыми руками на улицу.

— Я не хочу, чтобы хоть одна из вас переступала порог этого дома! — грозно выговаривал нам дядя Миша в машине, сидя спереди возле шофера.

— Что?! — возмутилась Элла. — Это мои друзья, это мой кумир, почему...

— ПОТОМУ!! — рявкнул он так громко, что даже сестрица заткнулась, а водитель с испуга зажал на тормоза. Слава богу, мы все уже были пристегнуты, да и двигались пока еще по плохой деревенской дороге на минимальной скорости. Затем дядя Миша додумался пояснить: — На крышке от бутылочки, которую мне дала Соня, обнаружили сердечные гликозиды. В маленьких дозах это лекарство для сердечников. В больших убивает здорового человека. Судя по количеству вещества, обнаруженного всего лишь на крышке, эксперты сделали вывод, что если бы Соня выпила всю банку целиком, она бы умерла. — Элла с удивлением посмотрела на меня, мол, в рубашке родилась, а я чего-то такого и ожидала, потому не среагировала. К тому же моими мыслями все еще владел Александр. Принцип «глаз долой — из сердца вон» со мной не работал, и Бельский даже удаленно может управлять моим сознанием и сердцем. — Поэтому, Элла, — продолжал тем временем родственник, — вы никогда не вернетесь в этот дом.

— Но Макаров откис! Нам больше ничего не угрожает!

Пока я удивлялась местоимению «нам» (неужто она хочет, чтобы отныне я вместе с ней ездила в имение на важные даты?), полковник возмутился другим словом:

— Что значит — откис? Как ты выражается? Современная молодежь совсем никуда не годится! Да, Вить? — Виктор, следящий за дорогой, неопределенно хмыкнул. По виду, ему было лет двадцать пять, так что, вполне возможно, он и себя относил к категории «молодежь».

— Хорошо, сдох! — смилостивилась Эллка. — Какая разница? Смысл ясен.

— Но не ясно, сам ли он... откис! А покушались на вас в этом доме уже трижды.

Дальше мы ехали молча, и родственник сделал неверный вывод, что мы с ним согласились.

Глубоко за полночь мне написал Сашка. «След. бригада уехала, решили: суицид». Так как мы обе не спали, я перезвонила.

— Саша, а как же следы?

— Я показывал им, когда они со всеми решили переговорить. Но они сказали, что неизвестно, когда их оставили. Смысла отдавать испачканные книги на экспертизу они не увидели, потому что, во-первых, у Макарова обнаружился мотив свести счеты с жизнью, а во-вторых, старуха вспомнила, как она Милу просила помыть окна буквально на днях, и Мила брала книги и ставила их на табурет, потому что она маленького роста, а окна высокие, она не дотягивалась. Следак, как это услышал, с радостью подписал отказ в возбуждении уголовного дела.

— Ясно... А что за причины были у Макарова наложить на себя руки?

— Ему позвонили соседи, предупредили, что к нему менты приезжали с ордером. Менты к ним сунулись, мол, когда ваш сосед дома бывает. Они сказали, дескать, не знаем. А сами кинулись ему звонить. Они в хороших отношениях. А Макаров уже сунулся к Таисии и рыдал у нее на плече.

— Он понял, почему к нему нагрянули?

— Не знаю, что он там понял, но для следствия этого достаточно. Человек рыдал, испугавшись тюрьмы. Суицид — довольно популярное решение в таких случаях.

— Понятно, они сделали так, как им проще... А почему тогда так долго? — посмотрела я на электронный будильник.

— Искали лабу.

— Чего? — удивилась я. Элка насторожилась, отложила даже свой телефон, и я включила громкую связь.

— В фонде проводили уже обыск, там нет следов амфетамина, клофелина и дурман-травы. Просто готовые пачки. Но чай ведь где-то делали? Переговорили с Таисией Арсеньевной, она сказала, что он жил в доме почти всегда, особенно накануне памятных дат. Он объяснял это тем, что нужна подготовка ко всем этим мероприятиям. Настроить пианино, перечитать все тексты, короче, понятно. Поэтому они провели обыск и в доме, и в постройках.

— И что?

— В сарае всегда стоял шкаф под замком, помнишь? А, ну ты, наверно, не...

— Я помню! — перебила Элка.

— Э...

— Это Элла, ты на громкой связи, — запоздало пояснила я.

— Окей. Ну вот, Элла помнит, что там всегда стоял невзрачный зеленый шкаф, выкрашенный под цвет стен, а на нем маленький навесной замочек. Но так как утварь валялась на полу всегда, лопаты, пилы и так далее, мы не обращали особо внимания. И вот его вскрыли — старуха сказала, что не помнит, где ключ и в принципе никогда им не пользовалась, — и вот в нем нашли тоже готовые пачки, отдельно фильтр-пакеты и засушенная дурман-трава в банках. Мы тут же с Тимом открыли карту растений, и в этой деревне она как раз растет.

— Вы еще там? — удивилась я.

— М-да, утешаем Таисию Арсеньевну, ей же рассказали, что за состав в чае, который она тоже распространяла...

— Она же распространяла другой...

— Да, но и в том же экстракты растений, которые вызывают привыкание, и кофеин. Но хотя бы амфетамина нет.

— А его не нашли в шкафу, я правильно поняла?

— Не нашли. И никаких следов его в сарае и доме нет. И что-то мне подсказывает: следствие на этом завершится. Как это у них называется — «дело прекращено в связи со смертью подследственного». Все пачки они изъяли. Те, что уже проданы, скорее всего, изымать не будут. Нужен список покупателей, а старуха знает только своих. Ладно, мы погнались, уже поздно.

— Давай, пока.

Я отключилась. Затем написала Лидии с вопросом, есть ли какие-то подвижки по расследованию, и рассказала в двух словах все, что узнала от Саши.

«Тебе можно позвонить?» — спросила она. Какая вежливая, когда не тычет в нас с Бельским пушкой!

Я позвонила сама.

— Фотографии, что на флешке, оказались фотошопом, — с места с карьер начала она. — Я относилась своим экспертам, они подтвердили.

— Погоди... — Я повернулась к Элле, отодвигая немного трубку от рта, — Эллка, почему у тебя фотографии Павлецкого с Макаровым были на отдельной флешке? Ты знала, что это фотошоп?

Одновременно я услышала два голоса:

— Элла нашлась?! — из трубки.

И от сестры:

— Конечно!

— Как ты это поняла?

— Боже, ты, монашка, не знаешь, что это такое, редактировать свои фотографии, чтобы достичь идеала во внешности! Ты и с прыщиком можешь выложить, да и фоткаешься раз в год по праздникам! А я уже с тринадцати лет о фотошопах знаю все! Мне достаточно просто увеличить снимок, и я сразу вижу, что пиксели неправильные.

Я вернулась к Лидии и рассказала короткую версию того, как нашлась моя блудливая сестра. Потом еще попыталась добавить новую информацию, выясненную у Саши об обыске и смерти Макарова, но Лидия перебила меня:

— Знаю. Ты лучше скажи: бабушка Павлецкого никогда не говорила ничего об интернете «Рассвет»?

— Что? Не знаю. При мне нет.

— Спроси сестру. Это важно. — Я спросила, Эллка пожала плечами, я передала. — Ясно. В общем, — стала объяснять Лидия, — пробили финансы Павлецкого, за неделю до смерти он внес аванс в хороший частный интернат для пожилых и инвалидов. Но он умер, и договор считается расторгнутым. По договору аванс в таких случаях организация оставляет себе. Я просто подумала, что если старушка желала переехать и быть среди своих, так сказать, у меня она, во всяком случае, вызвала впечатление гиперобщительного человека, так вот, она должна была заикнуться о том, что у нее сорвался переезд. Или она должна была перезаключить договор на свое имя, получив наследство.

— Но она этого не сделала?

— Ну, как видишь, нет, ведь она живет в своем доме. Мы даже запрос не стали официальный делать в интернат.

— А в информации о платеже не сказано, за кого он платил?

— Нет. Для этого нужен запрос, для которого нет оснований, вот в чем проблема. Есть только номер договора. Копия должна быть у Павлецкого. Я, впрочем, могу позвонить в интернат и попробовать внаглую спросить, но они могут и не дать мне эту информацию. Я бы съездила к ним, удостоверение обычно производит на людей впечатление, но больно далеко они находятся. Поэтому позвонила вначале тебе, вдруг ты слышала что-то об этом.

— Нет. Возможно, ребята найдут договор среди бумаг Павлецкого? Если они еще не уехали...

— Нет! Ни в коем случае. Одна тут уже наворовала файлов, — вздохнула Лидия, намекая на Эллу, конечно. — Я тоже не жуткий сторонник процессуального кодекса, но здесь надо действовать деликатнее.

— Поняла.

Я распрощалась с оперуполномоченной и пересказала Элле все, что услышала.

— Не было у Павлецкого знакомых инвалидов, о чьем благополучии он бы пекся до такой степени, чтобы оплатить дорогой интернат?

— Нет вроде.

Пока Элла вспоминала, я тоже копалась в глубинах своего подсознания. Мне пришел на ум момент, когда я барабанила в дверь Лидии, и она открыла, а в коридоре появилась старуха и Сергей Петрович.

— Элка, — вскочила я с кровати. — Я знаю, где лаба!

— Почти час ночи! — заворчала она, глядя на часы. — Куда ты намылилась? Родители башку отвинтят.

— С каких это пор тебя волнует, что скажут родители?

— С каких это пор ты стала как я?

— Что? — Я была так шокирована ее репликой, что даже присела обратно на постель. — В каком смысле?

— В смысле авантюризма!

— Не важно, на кого я похожа сейчас. Важно, что в данную минуту преступник может избавляться от улик.

Аргумент возымел свое действие. Уже через десять минут мы, постояв под дверью родителей и убедившись, что они крепко спят, покинули апартаменты и вызвали такси, которое вскоре, благодаря пустым в связи с темным временем суток дорогам, высадило нас за сто метров от имения Павлецкого. По дороге я успела написать Сашке, чтобы выяснить, точно ли они все уехали и точно ли бабка осталась в доме одна. Он подтвердил, что все подружки испарились еще в районе девяти вечера, и они уходили последними, уложив старуху спать.

— Ржание коня, — говорила я шепотом, пока мы продвигались к калитке в потемках, пригибаясь и натянув до подбородка капюшон от худи. У Эллы он был серого цвета (единственная неяркая вещь в ее гардеробе), а у меня черного. — Ты помнишь? Тони сказал, что ты читала весь журнал Павлецкого, когда его нашли!

— Да, читала сразу, да еще и отсканированную версию скопировала себе из компа Макарова. Я тоже заметила скрип двери в бане, но он нас с Антоном ни к чему не привел.

Нужен был свежий взгляд.

Я думала долго, мы даже успели проникнуть на территорию и продвигались к бане почти на корточках, прячась за кустами. Наконец воскликнула полупшепотом:

— То есть Антон специально заманил меня в баню? Проверял, пойму ли я?

— Да, только тише говори... Он сам выбил этот объект для генуборки, сам записал вас обоих, но тебе сказал, якобы бабка просила. Мы надеялись, что ты, отличница долбаная, разберешься с этим.

— А, ну я и разобралась! Спасибо, что верили в меня.

— А где ж ты разобралась? — спросила Элла, когда мы уже подошли к дверям бани.

— Увидишь.

И я медленно, боясь спровоцировать скрип, открыла дверь. Она все-таки издала протяжное ржание, но тихо, будто это был маленький пони, который пасся к тому же где-то очень далеко от дома.

— Заходи.

Я пропустила Эллу вперед, зашла сама, закрывать дверь не стала, боясь нового шума, просто включила фонарик в телефоне.

— Посвети мне тоже.

Элла посветила своим телефоном, который догадалась включить только вчера впервые после исчезновения. Мне показалось, что такие зависимые от гаджетов люди, как сестрица, умрут, если их лишит телефона больше чем на сутки, однако практика показала, что, когда происходят более важные вещи, когда жизнь насыщена событиями, в том числе опасными, вся эта электроника уходит на второй план.

— Что мы ищем? — Элла никогда не умела ждать. Однако других всегда заставляла ждать себя.

— Необычные доски.

— Здесь есть подпол? — догадалась сестра.

— Уверена.

Мы пошарили по углам предбанника, затем перешли в самую баню. И вот здесь, в центре квадратного помещения, обложенного полками у стен, отыскались заветные доски, которые мы смогли поддеть ногтями и приподнять. Хвала небесам, что я отрастила их. Оказывается, любители длинных коготочков в чем-то правы, это удобно в каких-то случаях. Мне вот раньше, когда нужно было порвать пакет, к примеру, или достать заносу, всегда приходилось обращаться за помощью к сестре. Пожалуй, не буду больше их подрезать, во всяком случае под ноль точно не буду.

Откинув люк в сторону, мы посветили вниз. Неровные деревянные ступеньки утопают в темноте, нижней совсем не видно, зато имеется веревка, плавно покачивающаяся от наших действий и поблескивающая металлическим наконечником в форме капли. Элла, наклонившись к полу бани, потянулась к ней — та была довольно далеко — и дернула. Загорелась одинокая лампа Ильича. Ее света вполне хватало, чтобы спуститься вниз, ни разу не оступившись, и разглядеть большой длинный стол во всю стену подпольного помещения, на котором стоял огромный прожекторный фонарь. Включив его, мы могли уже более тщательно рассмотреть содержимое стола. На светлой пергаментной бумаге, лежащей на столе поверх целлофана, покоятся белые таблетки и какой-то порошок (возможно, из них же), сушатся травы, стоят чугунный казан и электрическая плитка.

— Это ж целый наркопритон...

— Ну это громко сказано! — произнес скрипучий голос за нашими спинами, мы вздрогнули и обернулись. Ну да, незакрытая дверь в баню сыграла со мной злую шутку. Мы не услышали, что нас стало трое.

Таисия Арсеньевна стояла на нижней ступеньке с ножом в руке.

— Зарежете нас? — со злостью спросила я.

— Девочки, я не выношу вида крови... Только если будете сопротивляться.

Ее спокойный тон вызывал у нас дикий, неконтролируемый ужас. Потому что это ненормально. Неадекватно. Так просто не может быть...

Пока я справлялась с паникой, сковавшей все мои внутренности, Элла уточнила:

— Сопротивляться чему?

Вместо ответа Таисия Арсеньевна принялась оправдываться за свои будущие действия, о которых нам только оставалось догадываться:

— Девочки, вы сами виноваты! То есть я не знаю, какая из вас, я только сегодня узнала, что вас две. Но разве можно постоянно совать свой нос в чужие дела? Разве это вежливо?

— Вежливо? — прыснула Элла так явно, что я подумала, она сейчас натурально захохочет. — А стоять с ножом в руке и угрожать — это как?

— Я дала вам приют! — перешла она на крик, даже на визг — неприятный и еще более неадекватный, чем предыдущий спокойный тон. — Я пустила в святая святых...

— Да, за три тыщи...

— ...Кормила вас, — продолжала она, не слыша мою сестру.

— Иголками и лезвиями...

— Допускала до всех записей, оставленных Яном. Чего вам еще надо?!

Она даже затопала на месте, так громко, с такой силой, с таким лютым бешенством, что я была уверена: ступенька не выдержит. Но нет.

Элла тем временем пыталась делать осторожные маленькие шаги вперед.

— Зачем вы полезли сюда?!

— Макаров ведь не сам повесился? — любопытствовала я, перетягивая на себя внимание. Авось не заметит движений Эллы.

— Милая моя, — ударила себя старуха по бокам, забыв даже о ноже в руке. — Ну как бы я это сделала, по-твоему? Боров весит больше сотни! Я только малость помогла, и все! А ты! — вдруг крикнула она и ткнула острием ножа в сторону Эллы. — Оставайся на месте! Вы теперь никуда отсюда не уйдете. Никогда.

— В смысле... — пропищала Элла свою излюбленную фразу, и в этот момент бабка резко поскакала вверх по ступенькам, хлопнула люком и, судя по звукам, облила его чем-то.

— О господи, она поджигает... — наконец меня отпустил ступор, я смогла шевелиться и сразу схватила Эллу за руку. — Она поджигает баню!

— Да не-е... — протянула сестра, но призадумалась. — Нет? Знаешь, если да, то радуйся!

— Чему?! Я не Джордано Бруно!

— «А все-таки она вертится», — кивнула Элла.

— Это Галилео Галилей сказал, вообще-то!

— Господи, какая ты ботанка! Ну и как твои знания тебе помогут сейчас?

— А я не знаю, как бороться с огнем, находясь под землей. Это ты меня просвети. Ты же считаешь, что это хорошо!

— Хорошо, потому что соседи увидят. Вызовут пожарных. Те потушат. Пол провалится за это время как минимум в паре мест. Вот нас и вытащат!

— Ты дура или притворяешься? Если пол провалится, то мы сгорим заживо. Если не провалится, то пока кто-то из соседей увидит, а они наверняка все спят, мы тут задохнемся!

— Хм... — в ярком свете прожектора я наблюдала, как Элла чешет затылок. — Ладно, твоя взяла. Давай бояться.

— А-а! — завопила я. — Помогите!

— Погодь, — заткнула она мне рот рукой. — Давай конструктивно бояться.

— Это как?

— К примеру, попытаемся выбить крышку люка. Она закрывается как-то? Вспомни, мы же ее просто подняли...

— Дура, не лезь... Только огонь сюда запустишь...

— Хорошо, ты отличница, я вся внимание. Предлагай какой-нибудь план.

— Давай молиться!

— Чего?!

— Да, ты помнишь, нас бабушка учила? Как начинается молитва? Щас, погоди... Отче наш!

— Ты серьезно? — Элла схватилась за голову. — Ужас. Испанский стыд. Нет, это уже не испанский стыд. Это португальский стыд!

— При чем тут Португалия? Ты заешь вообще, откуда выражение пошло? Версии две, но Португалия ни в одной не фигурирует. Фигурируют Испания в одной версии и Иуда в другой.

— Господи, ботанка... Ну к чему, скажи, твои пятерки, если ты молитвами из передрыг выбирать собираешься? И горящим стенам рассказываешь, откуда какая фраза пошла?

— Тсс! — приложила я палец к губам, начав наконец сообщать. — Я все-таки умнее, я это сейчас точно поняла. А знаешь почему?

— Ну.

— Слышишь?

— Что?

— Огонь. Треск горящего дерева.

— Нет.

— Наконец-то до них дошло! — прокричал кто-то сверху. Голос мужской. Я даже не сразу поняла, что это Антон.

Крышка люка поднялась. В проеме показались две мужские головы.

— Вылезайте, — сказал Сашка. — Мы тут ржем уже минут десять над вашим диалогом, но пора и честь знать.

— Чего?! — завопила Эллка. — Вы ржете над нами?! Я щас вам покажу!

Впервые я была солидарна с сестрой. Мы тут с жизнями прощаемся и молитвы вспоминаем, а они знай себе хохочут и не спешат нас спасти.

Мы быстро взлетели наверх.

— Нет, Шурик, — сказал Тони, веселясь, — надо было все-таки дать им прочитать молитву!

Элка схватила его за ухо.

— Щас ты молиться начнешь!

— И это за мою доброту?! Я тебе кров предоставил? Предоставил. Вот и нечего...

Пока они спорили, я осматривала пол. В бане горел свет. На деревянных досках было

разлито что-то густое и серое, а рядом покоилось ведро.

— Что это?

— Цемент, — просветил меня Саша. — Старуха решила замуровать вас там.

Мы с Эллой синхронно сжали губы руками.

— Нас бы слышали! — оптимистично предположила Элла. — Мы бы стучали и орали!

— Ну да, — не стал спорить Александр. — Где-нибудь в мае вас бы слышали, когда приехали на новый съезд в день памяти.

Мы переглянулись с Эллой. Пожар уже не казался таким страшным.

— А где она сама? — спросила я.

— В доме, — кивнул Саша в нужном направлении. — Связанная.

Мы пошли к дому.

— Как вы тут оказались вообще? — продолжала я удивляться текущим обстоятельствам. — Я уж думала, все. Конец.

— М-да, мы слышали сверху, — снова заржал Антон. Вот гаденыш.

— Ты же написала мне, забыла? Хоть и не сказала, что вы едете сюда, — заявил Саша, — но я сразу это понял. Хорошо, что мы сами не успели далеко умчаться.

Таисия Арсеньевна оказалась на кухне, привязанная к стулу, как нам и обещали. Тимур это время ее сторожил. Элла подошла к ней и засветила оплеуху старой женщине.

— Милочка, что за манеры?! — возмутилась та.

— Манеры?! А что за манеры цементировать живых людей в подполе под баней?

Я же в это время проверяла всю аптечку старой карги в ящике стола.

— Милочка, что ты ищешь?

— Нет, она смеется! — возмутилась Элла и ударила кулаком по столу. Действительно, согласна с сестрой, все эти «милочки» и светское общение при данных обстоятельствах, по моему, признак тяжелого психического заболевания, и от них уже начинало подташнивать.

В этот момент я нашла, что искала.

— Это ваш препарат для сердца, так? Вы его мне подсыпали в йогурт?

— Деточка, не имею представления, кто кому и чего подсыпал! Ящик без замка, взять может кто угодно!

— Эта тварь так просто не заговорит! — Элла приготовилась пытать женщину, по всей видимости, или для чего она взяла большой кухонный тесак? — А ну говори!

Старуха завизжала, как сирена.

— А-а, помогите, насилуют!!!

— Что? — пытаюсь перекричать этот визг, говорила сестра. — Старая, ты в своем уме?!

— Да, сейчас соседи быстро сбегутся! И полицию вызовут! И вас всех посадят! Кому поверят, вам или мне? Здоровенные лбы, а я старая немощная женщина, потерявшая всех, и внука, и друга... — И она лицемерно заплакала.

Фу.

Но я в тот момент уже догадалась о мотивах, поэтому, когда Элла замахнулась тесаком, а парни бросились перехватывать ее руку, громко заговорила:

— Давайте, орите, вызывайте соседей. А я еще ваших подруг обзвоню, среди которых жена депутата Горсовета. И еще позвоню инвесторам, объясню, по какой именно причине сорвался сегодняшний концерт.

— Я им уже все сказала!

— Да? Сомневаюсь, что правду. А правда такова: ваш друг, он же учредитель фонда, он

же озабоченный козел, распространял наркоту и опаивал девушек из неблагополучных семей, чтобы удовлетворить свою мерзкую похоть, а вы, чтобы избежать огласки, поняв, что полиция взяла след, помогли ему повеситься, чтобы избежать дальнейшего громкого расследования. Так?

Она вздохнула, глядя на меня с ненавистью.

— Ладно, давай сюда свой телефон, — осмелела я и сделала вид, что его везде ищу, — сейчас я позвоню им всем...

— Стой! Эх, зря я тебя тогда не отравила...

— Ну, это чистая случайность. Вам просто не повезло.

Точнее, это мне повезло, конечно. Но дополнять свой ответ я не стала, потому что она наконец заговорила:

— Это он придумал, а не я! Мне деваться было некуда.

— Что? Чай?

— Да, чай. И да, я дорожу своим светским обществом. А что в этом такого? Я всю жизнь прожила одна. Муж загнулся от пьянки. Дети отдалились, а потом погибли. Собственный внук, последняя кровиночка, решил сдать меня в интернат. Это не комильфо, как он сказал, для известного музыканта и певца жить вдвоем с бабушкой! Да, он сам так себя называл, хотя что это за рэп такой, не песни, а черт-те что, бубнят что-то... и без музыки почти. Ну и вкусы у молодых! Но он считал себя особенным. Черта всех тех, кто быстро поднялся, к сожалению. Он планы строил, кто будет из знаменитостей к нему приезжать. Замок кинулся строить. Смешно... В России! В двадцать первом веке! Дом для гостей построил, тут человек двадцать разместятся при желании, а для бабушки места нет! Как же так? Я единственный родной для него человек! Денег не давал, живу на пенсию. Выделил каморку на первом этаже. Да и то — временно. Мол, бабка подыщи себе жилье. Муж-то пропил квартиру, в коммуналку пришлось переехать. А я не хочу обратно в коммуналку! Скиталась по подругам. Когда дом построил, думала, хоть заживу по-человечески под конец жизни. Нет! Вздумалось ему... — Она с горя плюнула на пол. Вот тебе и светский человек! — В общем, пришлось искать средства заработка. У нас тут была уже своя тусовка. Заведующая библиотекой, хозяйка магазина одежды для пожилых, он, кстати, один такой в регионе, жена депутата Городского Совета и еще другие уважаемые дамы. У нас был клуб. И мы с Сережей поняли, что с распространением проблем не будет. Я на биолога училась. Только ученым-биологам платят три копейки, я сразу ушла, когда замуж вышла. Однако знания остались. Я сказала Макарову, какую траву можно использовать. Но амфетамины эти — это уже его новшество. Я застучала его как-то, поняла, как он этих девочек соблазняет. Но он меня успокоил, мол, выбираю конкретную категорию, несчастных, внушаемых, из бедных, пьющих семей. Толком и не вспомнит потом, было что или нет. А вспомнит, ничего они нам не сделают. Он поклялся мне, что проблем не будет! И вот... сначала одна девочка умерла. И тех, кого они приголубил. Но мы решили — совпадение. А потом...

— Наташа, — с болью сказал Александр. Он все еще чувствовал свою вину.

— Да. Он клялся мне, что когда оставил ее на берегу, она была жива. А с такой дозой купаться бы якобы не полезла. Должна была спать до утра. Но ясно, что оправдывался. Плакал. Помню, пришел весь в черном, будто уже в трауре. И слезы льет на черную рубашку. Боялся, что я заявлю.

— А почему не заявили? — спросил Тони.

— Ой, ну ясно же, — ответила я за бабуку, — чтобы не бросить тень на свою репутацию. Чтобы «клуб важных старух» от нее не отвернулся.

— Дочка, ты зря язвись. Этот клуб дает мне все. Это все, что у меня есть в жизни! Вы-то молодые профурсетки, у вас все будет, и обожание, и любовники, и друзья, все на свете... Все в этом мире для молодых! А нам-то тоже пожить хочется! Тоже хочется, чтобы на нас смотрели, с нами общались... Я была интересна только как бабушка известного человека. Но это опять же для молодых. А для моих, рэпер — это никто. И не певец, и не музыкант, и не бард, не пойми кто. А вот чай мой травяной! Бабуки выпьют, и у них все болезни проходят! Танцуют как молодые! Мы говорили, что из Китая возят Сережины родственники. Но он там заказывал обычный чай, самый дешевый, из этого, как его... На «А». Забыла. Память уже не та. Короче, откуда все заказывают. Выбрасывал тот чай, и в эти коробки клал свой. Заказывал оптом, так что выходило дешево.

— А продавали дорого, — добавил Саша. — Маржа процентов девяносто?

— Само собой. Я убивала двух зайцев. Мне и жить было на что, я откладывала, ведь от внучка своего ненаглядного, который замки строит, я бы получала пачку гречки и литр молока в лучшем случае, и то раз в месяц. И при этом я была душой компании. Ко мне ходили. Отношениями со мной дорожили. Я сводила всех важных людей региона в одном месте. Приглашала на мероприятия.

— Вечера у Анны Павловны, — закончила я ее мысль.

— Кто это такая? — спросила необразованная Элла. Хотя «Войну и мир» мы вроде одновременно проходили всего пару лет назад!

— Так, ладно, — влез опять Сашка, — мне плевать на твой кружок зависимых от чая старух, которым хотелось почаще плясать. Внука ты грохнула?

— Как ты выражаешься, Сашенька! Тебе не к лицу, такой видный парень, ни одна девка тебя не...

Что конкретно не сделает с Александром ни одна уважающая себя девушка, мы уже, увы и ах, не узнаем, потому что Элла не выдержала и вмазала бабуке кулаком по лицу.

— А-а! Эллочка...

— Отвечай на вопрос!

— Да не убивала я, поверьте, голубчики! Вы же видите меня! Как я могла? Тем более это внук мой! Смотреть ему в глаза и на курок нажать?

— Крючок, — поправил Саша. — Это называется «спусковой крючок».

— Короче, — закончила я опять за нее, — вы наняли кого-то, кто сумел посмотреть ему в глаза и застрелить. Так?

— Нет, Э... вторая Эллочка, не я. Просила Сережу. Дала ему дедов «наган».

— А у него откуда?

— С войны.

— Он что, воевал? Сколько ему было лет?

Я посмотрела на знатоков биографии Павлецкого. Наверняка среди них есть тот, кто знает, в каком году родился его дедушка, но они не успели ответить.

— Что ты, — заговорила Таисия Арсеньевна, — ты хоть помнишь, в каком году война-то кончилась? Он ведь мальчишкой был. Но бегали они в лесу тут у нас... Вы хоть знаете, что тут боевые действия шли в лесах?

— Не отклоняйтесь от темы, — строго попросил Саша. То есть практический приказал. И таким тоном, что старуха быстро округлилась:

— Короче, он хранил наган дома как трофей. Нигде, конечно, не числился. Вот я и дала Сереже. У меня-то нет таких знакомств! А Сережа — родственник второго мужа моего, с которым я прожила всего год. И он нашел какого-то нарика, который за весьма скромную сумму застрелил моего недоумка... Мы ему маршрут предоставили, выловить Яна одного и в темное время суток было легко. Ян, хоть и считал себя звездой, но был беспечен. Когда он начал песни петь политические, я уж понадеялась, что грохнут его, молилась и крестилась, чтобы как Навальному ентому яда подсыпали какого или прирезали... Но нет. Им начхать. А тут он застукал меня возле бани. Я туда бегала складывать траву. Я хожу в лес, собираю, сушу и отношу туда.

— Вы же не жили вместе тем летом, — вспомнила я слова Макарова.

— Да, я как раз доживала со вторым мужем. И он тоже пил по-черному. Иногда сбегала от него прямо в чем была — в халате и ночнушке. И тогда я просила забирать меня подруг. Тут в деревне живет, Галка, ты помнишь ее на показе фильма, вот они со снохой иногда ездили, забирали меня оттуда и привозили к себе. А я из леса носила в баню, код-то я знаю от ворот, мальчик мой больно самовлюбленный был, свою дату рождения поставил. Только дверь эта чертова скрипит...

— А как вы погреб этот сделали, — удивленно спросил Саша, — чтобы Павлецкий не знал?

— Так он же не от мира сего! Весь в фантазиях своих. Все пишет-пишет, напевает. А в быту — полный ноль! Я и посоветовала Сережу. Он на стройке сам работал много лет. Он координировал процесс, сам прораба нанял, давал задания, платил. Ян этого вообще не касался. Вот он и не знал, что у него имеется подпольная лаборатория на участке.

— Я, увидев вас в белом халате, так и поняла, что это вас он видел возле бани, — похвасталась я. — То есть не сразу, конечно. Я не могла сопоставить по датам. А оказывается, вы почти каждый день были в деревне.

— Все правильно, увидел меня, понял, что это ему не померещилось, нашел лабораторию в подполе. Не сразу, конечно, вначале на девку свою думал, которая на конях скакала...

— А на кладбище он тоже вас видел?

— Ну конечно, не призрак же! Мне надо было знать, надолго он туда пошел, успею ли я... Но потом поймал он меня все-таки. И поставил условие, что я это все прекращаю, и он сдает меня в интернат, а если нет, то заложит меня ментам.

— И когда он внес аванс за ваше проживание в интернате «Рассвет», вы поняли, что действовать нужно быстро. А как вы Макарова к суициду подтолкнули?

— Не пришлось подталкивать! Он сам в петлю полез от безысходности. Но в решающий момент струсил, слез...

— Но вы убедили его вернуться на стол. Скорее всего, чаек в этом участвовал, да? Чтобы стал более внушаем? А там уже и толкнуть можно, тут силы много не надо. Лишь бы сам в петлю голову сунул.

— Умная девочка. Не зря я тебя убить хотела.

— Ну, вначале только угрожающие записки подбрасывали... А уж когда я не вняла, так сказать...

Она смотрела непонимающе.

— Девочка, я никогда никому не угрожаю, а сразу устраняю. Если мне человек неуютен, какие-то записки — пустая трата времени, да еще и можно выдать себя.

— Да? — Странно. Кто мне записку подкинул? Видимо, Алена. Не могла никак совладать со своей ревностью.

— Но ничего тебя не берет! — продолжала сокрушаться старая. — Ни отравленный йогурт, ни отравленные оладьи, — в этот момент Элла победно воззрилась на меня, мол, я тебя от смерти спасла! — ни иглы в пирогах, ни дорогушие китайские вазы!

— А ремонт в комнате затеяли не просто так, да?

— Ну я же видела, что ты что-то вынюхиваешь! Ой... ну или ты, — посмотрела она на сестру. — И Сережа жаловался, что видел, как к нему в компьютер залезала. И в кабинете Яна заставляли ее. Всюду свой нос сунуть надо!

— А комнату зачем обыскали мою, в смысле Наташину?

— Потому что Сережа пожаловался, что пропали копии некоторых документов. Копии — не оригиналы, с одной стороны не страшно, но в руках врага... В общем, в твоей любимой комнате я ничего не нашла и подумала, вдруг с собой возишь...

— А зачем снимок подделали? — спросила Элла. — Тот, где Павлецкий с Макаровым.

— Ну как же? Сережа-то не был фанатом. И не был другом ему. Ни одного общего снимка нет. А когда мы фонд придумали, то решили, что так лучше. То есть он придумал... Пусть будут общие фото. Тогда ни у кого вопросов не возникнет, с чего вдруг какой-то посторонний человек учредил фонд имени рэпера. Себя-то я не хотела вплетать. Я официально нигде не числюсь.

— Ну да, вы только идейный вдохновитель, — хмыкнул Саша. — Я вот что думаю. Вы говорите «мы», «мы придумали», «мы решили», а еще раньше говорили «он придумал, заставил», но на самом деле это вы стоите за всем. Это вы соркестрировали все эти события. Просто потому что, когда я поставил себя на место Макарова, я понял, что когда мне предлагают стать организатором убийства, самому войти в контакт с исполнителем, через которого на меня потом, если что пойдет не так, смогут выйти и засадить надолго, я бы что-то потребовал взамен. Вот вы это ему и дали — фонд. Вы пообещали, что он будет здесь жить, распоряжаться деньгами Павлецкого наравне с вами, а чтобы ни у кого не возникло вопросов, он якобы учредитель фонда, продвигает его творчество в массы, а также ищет новые таланты среди поклонников. Все красиво и высоконравственно. А еще вы пообещали, что много будет девочек приезжать в этот дом. Для него вы и придумали эти съезды с проживанием. Может, и вы подсказали рецептуру изменить, а? — подмигнул он бабке. — Своим подружкам побоялись такое дать, они бы кони двинули, а молодые выдержат. Жалко, что не все. У Медведевой были проблемы с сердцем, но вы этого не знали. А так — целое непаханое поле восторженных девиц, которые остаются на все выходные с озабоченным маньяком под одной крышей, сплоченные одной идеей — выступление якобы в честь их кумира. Вы именно так преподнесли ему ваше будущее партнерство, и такой жизни он уже не смог отказать. Наверно, и чаем изначально только вы и занимались, его просто попросили сделать подпол, не объясняя ничего. А вот при заказе убийства внука уже и подпольным цехом поделились. Чтобы он видел своими глазами то, что в итоге получит.

Она смотрела не него долго, пристально, и каждую секунду ее взгляд менялся. С недовольного все ближе и ближе к яросто-ненавидящему.

— «Алиэкспресс», — сказала она. — Я заказывала чай в упаковках на «Алиэкспресс».

И все стало ясно.

Мы поговорили с оперативниками, которые приезжали в дом Павлецкого. «Мало ли, что она вам сказала! А где доказательства? Может, она пошутила?» — примерно так нас приняли, кстати, не очень ласковой интонацией. Пришлось напрягать дядю Мишу. Он связался со следователем, ведущим дело Павлецкого. Сверху, надо сказать, действительно был приказ не очень-то прикладывать усилия, но когда СМИ все чаще и чаще стали намекать на заказ от правительства, от следователя вдруг резко потребовали результатов. А тогда дело было пущено на самотек, и много возможностей уже утекло сквозь пальцы. Все знают, что опрос свидетелей в течение суток и опрос их же через годы, а уж тем паче поиск этих свидетелей — большая разница. Дело уже было приостановлено за неимением лица, которого можно привлечь, и вот через четыре года появился лучик в лице моего родственника. Связи Макарова быстро проверили и вышли наркомана, близкого друга родственника Сергея Петровича, который к настоящему моменту скончался от передоза. Обыск его маленькой комнаты никто не дал, естественно, а его сестра пока ничего с этими десятью метрами в коммунальной квартире не сделала, только мусор прибрала. Собиралась сдавать, но ей все недосуг. Короче, полиция нашла тайник довольно быстро, в котором так и лежал пистолет. Странно, что наркоман его не продал за новую дозу. Впрочем, денег Макаров отсыпал прилично и, может, продолжал отсыпать, лишь бы тот помалкивал (этого мы уже не узнаем), поэтому «наган» остался нетронутым. А может, наркоман не все мозги уничтожил, и понимал, что рано или поздно придется грабить мелкие магазины и людей на улицах, а без оружия это делать довольно тяжело. Так или иначе, оружие сопоставили с пулей, совпадение стопроцентное. Дело на сей раз закрыли из-за смерти обвиняемого. Старуху привязать к этому не смогли. Или лень было пытаться. Но у дяди Миши вариант похуже: заплатила. Иначе с чего вдруг она продала имение Павлецкого какому-то сумасшедшему миллионеру-фанату, а сама переехала в отличные трехкомнатные хоромы в центре мегаполиса. В крови повесившегося Макарова действительно нашли микроскопическую дозу амфетамина, но опять же, этого было недостаточно, чтобы доказать, что он сделал это не сам. Тем более мы знали, что практически сам. Ведь он стоял в петле, просто не решался сделать последний шаг. Следователь посмеялся над нами, когда мы предложили выдвинуть обвинение против сорокапятикилограммовой старушки — божьего одуванчика, что она повесила здорового мужика весом в центнер. Одно хорошо в этой истории: из клуба достойных старух Таисию Арсеньевну исключили, как только ее лаборатория была прикрыта. Да, по официальной версии, это была лаборатория Макарова, который, пользуясь доверчивостью старухи, производил опасный чай у нее под носом, но для клуба бабуленций и этого было достаточно. Они же покупали его конкретно у нее из рук.

Меня тем не менее что-то тревожило.

— Черная рубашка! — заорала я, садясь на кровати. Наконец-то до меня дошло!

Щелкнул выключатель. Включившая бра Элла смотрела а меня недовольно, потирая глаза и зевая во весь рот.

— Ты спятила, Сонька? Три часа ночи!

Элла последние дни ходила сама не своя. Старуха продала имение, а значит, съездов больше не будет. Хотя какие съезды, если Макаров мертв, а бабка изобличена. Не знаю, на что Элла надеялась, на то, что появятся еще какие-то родственники Павлецкого и продолжать зазывать в гости его фанатов? Так или иначе, я понимала ее боль. Это был особый мир, где она ощущала себя счастливой.

И вот, когда она в сотый раз пожаловавшись мне на судьбу-злодейку, напилась валерьянки и уснула, я бужу ее в начале четвертого утра.

— Ты помнишь, что сказала старуха? «Он плакал, слезы капали на его черную рубашку...»

— Какая разница?!

— А такая. Тебе Антон не говорил? Мы ведь нашли свидетеля. И он сказал, что Наташе и мужчина, с которым она говорила, были в светлых одеждах!

— Может, он ее имел в виду?

— Нет, он видел их обоих. А значит, мужчина не мог быть в черной одежде.

— Лицо светилось в темноте! — подумав, выдала сестра, из чего я заключила, что она не такая глупая, как я о ней думала.

— Это хорошо, конечно, но как он смог утверждать, что это мужчина? Он же видел фигуру в светлой одежде и поэтому понял, ведь мужчина, по его словам, молчал.

— Значит, по росту понял!

— А Наташа высокая была?

— Хм... да.

Я вот тоже помнила, что на общем снимке она была почти одного роста с некоторыми мужчинами и явно выше девушек. Чтобы освежить память, я открыла фото в моем телефоне. Да, вот он Сергей Петрович в черной рубашке. И Наташа неподалеку — одного роста с ним, хоть и без каблучков. В белом, кстати, сарафане.

— Элка...

— Ну что еще? — Сестра уже успела уронить голову на подушку, не выключая, правда, света.

— А в какой день был сделан этот групповой снимок?

Я принесла ей телефон, она подняла голову и уставилась на фото.

— Это как раз в день рождения Натальи.

— То есть в день смерти?

— Угу.

Я еще раз посмотрела на фото и тут же схватилась за сердце.

— Элла!

— Что?!

— Их двое. Двое в светлой одежде. А значит, убийца один из них!

Мы напросились в гости к Бельскому в другой город. Он сам не звонил мне уже несколько дней, и в ином случае я бы не проявила инициативу — не тот я человек. Но сейчас мне было не до скромности. На следующий день после моего озарения я снова поехала в деревню, где находился дом Павлецкого (а с некоторых пор — другого человека, чьего имени я не знаю). Поэтому к Саше в гости я смогла отправиться только через день. Но мы с Эллой зато подготовились, купили два билета на электричку и уже в обеденное время оказались на вокзале незнакомого города.

— А адрес он тебе, случайно, не фальшивый дал? — капризно заявила Элла, посмотрев по сторонам и никого не увидев.

— Они обещали встретиться, значит, встретят! — с раздражением ответила я. Хотя тоже не могла среди толпы снующих туда-сюда людей вычленить знакомые лица.

— Ну-ну...

Мы сделали несколько шагов вперед, нацелившись на автовокзал неподалеку, и вот тут-то я радостно воскликнула:

— Вон они!

Элла проследила за направлением моего взгляда и сморщилась от моих эмоций.

— Да, но не спеши ликовать. Еще неизвестно, чем для нас обернется эта встреча. Я на всякий случай нож с кухни стащила, лежит в сумке.

— Умеешь же ты запугивать! — возмутилась я, а сама мысленно отметила, что только Элла может употребить глагол «стащила» применительно к собственному дому. Хотя если она взяла папин любимый нож, которым он масло мажет на хлеб, тогда да, он сильно расстроится, и нам потом влетит, и в понятии отца это тоже будет называться «украля».

— Здорово, девчонки! — раскрыл Тимур свои объятия.

Саша смотрел на нас с легким томлением и растерянностью. Ну да, я все никак не отращу челку и не закрасю эту дурацкую розовую прядь. А в нарядах мужчины не очень-то разбираются. Тем не менее можно было догадаться, что девушка в короткой яркой юбке-солнце, едва прикрывающей срамное место (и не прикрывающей таковое совсем, когда поднимается ветер) — это Элла, а человек в сером платье-футляре почти до колен — это я, хоть и платье было более прилегающим, чем я привыкла.

Александр наконец догадался и, обняв меня, чмокнул в щеку.

— Как доехала?

На Эллу принципиально внимания не обращал, разобравшись, кто из нас кто, будто я приехала одна.

— Мы доехали нормально, — сказала я, упирая на местоимение «мы» и целовать его в ответ не стала. Хотя показную холодность тоже не спешила выказывать.

— А че меня не обнимешь? — капризно протянула сестра. — Тимурка обеих обнимал, вообще-то!

— А мы с тобой все обсудили еще в тот день, вообще-то, — не глядя на нее, буркнул Сашка, взял нашу сумку, одну на двоих, и понес в сторону автовокзала. По всей видимости, он все еще дулся на нее за то, что писала от моего имени.

— А мы что, на общественном транспорте будем кататься? — продолжала

капризничать Элла, да еще таким тоном, словно специально хотела вывести из себя парней. Впрочем, я была в этом уверена — специально.

— Нет, конечно! — весело ответил ей Тимур. — На такси домчим.

— А куда поедем? В загородный дом?

— У Шурика хата пустует, туда и едем. — Сам Шурик тем временем подошел к водителю, что курил возле машины, и договаривался о чем-то, видимо, о цене. — Кстати, поздравьте меня! У меня отличная новость! Я из вуза забрал документы.

— Тебе же год оставался всего? — удивилась Элла, которая этих ребят, к сожалению, знала лучше меня. И, видимо, специально мне это показывала. А впрочем, наверно, я себя накручиваю, она просто пытается поддержать беседу.

— М-да, но я буду поступать в «Коламбию». Я переезжаю к предкам в Штаты!

— Погоди, у тебя ж только отец там!

— Ты отстала от жизни, Элька. Хм... Элька ведь?

Я думала, она начнет ерничать или устроит очередной розыгрыш, но она просто ответила:

— Да. — И даже не добавила, что она только Антону разрешает себя Элькой называть, с мягкой «л». Удивительная покладистость. Всем остальным она всегда запрещала. «Мягкая «л» — признак слабости», — говорила она всегда.

— Мама моя с батей сошлась в прошлом месяце опять. Они ведь так и не развелись. Подала на гринкарту. И меня заберут по программе воссоединения семьи.

— Ты ж совершеннолетний лоб! Неужели это так просто? Я слышала, что годами ждут воссоединения, а то и десятилетиями.

— Да, не сразу, но я пока по учебной визе поеду. А там уже решится вопрос. С детьми проще, чем, допустим, с братьями-сестрами. Каждый вопрос решается индивидуально.

Пока они разговаривали, мы с Сашкой ехали молча. Я-то понятно, а вот он чего молчит?

Бельские жили в роскошном жилом комплексе с охраной на въезде. Таксист высадил нас у ворот. Мы подошли к четвертому корпусу, а затем поднялись на одиннадцатый этаж.

— Ну и хоромы, — присвистнула Эллка, обходя четырехкомнатную квартиру.

Ну да, с Антоновой не сравнится, конечно. Современные проектировщики понимают, что каждому нужен свой угол, и желательно больший, чем восемь квадратных метров, а также нужен широкий коридор, минимум два санузла и огромная кухня, на которой легко и просто и готовить, и принимать гостей. Этакая кухня-столовая, два в одном.

На столе уже стояла бутылка вина, фрукты и сырно-колбасная нарезка, а также три банки икры. Элла тут же принялась намазывать икру на хлеб толстым слоем, а мне кусок в горло не лез. При первой же возможности я потянула Александра на лоджию. Слава богу, она расположена в одной из спален, самой дальней, так что из кухни нас не услышат.

— Ты молчалив сегодня, — рассматривая его, констатировала я с грустью.

— Да, есть причины, — вздохнул он. — Ты тоже не весела. Ты же хотела поехать? Или тебя Элла вынудила?

— Конечно, хотела, — сказала я, опуская глаза. Это вроде не обман, но и не правда, полуправда, если точнее, ведь ехать я хотела по иным причинам, а посему мне стало стыдно. — А с чего ты взял, что это была идея Эллы, а не моя?

— Не знаю, такое ощущение, — пожал он плечами. — Просто... если честно, я надеялся, что ты приедешь одна.

— Но я же тебя попросила пригласить Тимура.

— Ну да. Я решил, что вы сдружились за моей спиной, — криво усмехнулся он. — А ты, оказывается, вздумала двойное свидание устроить.

Вот как он это видит!

— Нет. Все совсем не так, — решила я рассказать правду и потянулась к телефону. — Послушай вот эту запись.

Я включила ему короткий ролик. Говорят, что от целой гаммы негативных эмоций люди обычно бледнеют; Саша же серел или даже чернел.

— Я догадывался, — с тяжким вздохом заговорил он, когда запись уже давно закончилась, а мы просто молча стояли какое-то время.

— Да?! Почему ты не сказал?!

— Я не сразу понял. Но я сопоставил кое-что. Видишь ли, в рассказе старушки и том, как мы видели эту историю, кое-что не сходилось. Но я до последнего отказывался верить. Он же мой друг!

Когда я приезжала в деревню, я разыскала того рыбака и попросила вспомнить, в какой одежде был тот мужчина. Я даже показала ему фотографию. И мужчина вспомнил капюшон. Тимур был в светло-сером худи, а Саша в белой рубашке, как я уже говорила раньше. Рыбак был уверен, что это не рубашка. Не поверите, какая гора камней повалила с моих плеч в тот момент! Но нужно было довести расследование до конца. Если последним с Натальей был именно Тим, выходит, он и виноват в ее смерти. И если бы мы с сестрой напросились именно в гости к Тиму, он бы насторожился. Поэтому пришлось использовать то, что они с Сашей закадычные друзья и живут в одном городе.

— Нужно допросить его. — Саша кивнул. — Только я не уверена, что он нам все расскажет, — добавила я с печалью в голосе.

— Мне расскажет.

Мы вернулись на кухню.

Я уже успела восхититься Александром, его смелостью и настойчивостью, уверенностью в себе, но он просто замер на пороге, не в силах сделать шаг вперед, к столу. Не в силах задать вопрос. Там, на лоджии, все казалось проще. А здесь... Он посмотрел на человека, которого знал очень долго и знал очень близко, и просто не мог.

Я же встала за его спиной, потому что шла за ним, и тоже ничего не говорила.

Тимур поднял на нас глаза и... взгляд его изменился. Он все понял. Поняли и мы.

Но только не Элла, которая сидела сбоку и не видела выражение лица своего собеседника.

— Ну так мы будем пытаться его по поводу, он ли грохнул Наташку, или нет? — с настолько свойственной ей непосредственностью ляпнула сестра. И тут же взялась за новый бутерброд — как ни в чем не бывало.

Как только нож, измазанный в красной икре, был положен на стол, он тут же поднят другим человеком. Тимур приставил острие к ее шее. Я вскрикнула, видя из-за Сашиного плеча, как вылупляются сестрицыны светло-серые глаза — точно такие же, как у меня. Цвет новогоднего инея на оконном стекле. Несмотря на то, что я физически стояла на пороге кухни, в безопасности, я ощущала себя там, на диване, на месте сестры. Если ее лицо — это мое лицо, то и испуг, который оно выражает, — это мой испуг. Пухлые розовые губы, приоткрытые в оборванной попытке закричать, — это мои губы. Именно поэтому я вскрикнула, когда она не смогла. Я кричала за нее.

— Так я и думал, что они не просто так приперлись! Вспомнила-таки, да? — обратился

он к Элле.

— Тим, что ты делаешь?! — очнулся Сашка, на которого я так надеялась. — Положи нож!

— Пусть они обе уйдут, тогда я положу!

М-да, пред лицом опасности справедливого наказания, логика Тимуру изменила. Ну как она уйдет, если он ее держит как раз таки ножом?

— Может, и мне уйти? Это моя квартира, вообще-то!

— Вообще-то твоих родителей. Но ты подумай, на чьей ты стороне. Я не тороплю.

— Урод! — наконец-то выкрикнула Элла.

Мое сердце сжалось, когда я увидела красное на лезвии ножа. Когда он успел ее порезать? Но нет, я от стресса тоже туго соображала, как и преступник. На ноже — икра. Пока еще...

— Как ты мог, Тим?! — возмутился тем временем Саша. — Я тебя знаю всю жизнь! Как ты мог ее убить? Зачем?!

— Никого я не убивал! Не хотел... Я...

— Опустит нож, и мы поговорим спокойно... — Саша сделал шаг вперед. Напрасно.

— Отойди! — Тим занервничал сильнее и нажал лезвием на кожу Эллы. Теперь кончик ножа обагрился ее кровью, а она закричала.

— Отойди, отойди, — умоляла я сзади.

Саша послушался и сделал шаг назад.

— Они... Это все они! Первая не смогла тебя охмурить, зато смогла вторая. И ты отвернулся от меня! Предатель!

— Я пока не предатель. Я просто хочу знать, что произошло. А дальше я уже разберусь, — спокойно говорил Саша. Отлично. Не надо его еще больше раздражать. Бельский выбрал правильный тон, как мне казалось.

Однако...

— Я не верю тебе!

— Слышь, бро, — взял Саша другой тон, — я винил себя в ее смерти три гребаных месяца! Я плакался тебе в жилетку, и ты, козел, кивал и успокаивал. А при этом знал, что я ни в чем не виноват! Так что это ты меня предал! И я имею права знать, что там случилось на берегу!

— Хорошо, я услышал тебя, но я же не мог тебе сказать, пойми!

— За что ты ее убил?

— Я не хотел... Я не знал, что мне делать... — Тимур таял на глазах, словно снежинка в руке, он нервно лохматил волосы левой рукой, а нож все дальше и дальше отклонялся от Элькиной шеи. Слава богу. Главное, чтобы сестра, почувствовав свободу, не рванула от него. Предсказать поведение Тима в данной ситуации невозможно. — Она бегала за тобой. У меня не было шансов. Но ты же знаешь, что она мне нравилась...

— Я знаю, что ты ее хотел, это немного другое...

— Не важно. Мне она не дала! Она в тебя влюблена была! А тут я гуляю и вижу, что мужик с нее слезает! То есть я сначала не знал, кто там, я слышал, кто-то трахается в кустах, я и решил подсмотреть. Но еще до того, как я подполз к кустам, этот боров вылез оттуда... И бежать. А я влез. А там Наташка лежит. В белом платье. Бухая. В отключке. И я...

— О боже, — простонала я в ужасе, понимая, что услышу.

— Ты что, изнасиловал ее? — понял и Саша. — Ты понимаешь, что несчастную девочку

изнасиловали дважды за один час?!

— Но я не знал этого!

— Она лежала в отключке, Тим? Ты что, не понял?

— Откуда я знал? Я думал, она после секса отключилась. Тем более выпила до этого, сам видел. Ну уснула довольная, понял? Значит, мне молодому и не уроду какому-то, не давала. А я из хорошей семьи. У меня будущее! Я в Америке жить буду!! — заорал он внезапно. Будто убеждал сам себя. — А этот... жирный старый урод! И ему она дала. Ну потому что он дружил с Павлецким! Да, знаю, мы выяснили, что это липа, но я-то этого не знал тогда. Ну, думаю, чем я хуже? И я пристроился. А она очнулась в конце. И как заорет. Я, мол, девственница, себя до свадьбы берега, я тебя засажу на много лет! Капец... Ну вранье же. Я говорю, только что слез с тебя мужик! А потом понимаю, что что-то не то... Я ведь тоже пригубил коньячку тогда. Соображал не очень. А она брыкаться начала. Встала и побежала...

— И что ты сделал? — с замирающим сердцем спросила я, ожидая услышать, как он гнался за ней с булыжником в руке или еще каким оружием.

— Ничего! Я только думал, что же делать, хотел ей денег предложить, как она упала. Видать, не до конца очухалась. Она ж не бухала никогда. А тут алкоголь и плюс этот чай с амфетаминами. Вот и вырубалась постоянно. Ну а я... Я понял, что мне конец. Того-то мужика она не запомнила и не знает, что насиловал. А я — вот он. Сажай — не хочу.

— Нашли бы следы разных мужчин, если бы она вовремя обратилась и душ не приняла, — сообщил Саша.

— Но мне-то что, если и мои следы, как ты скажешь, там были! Тем более если он презик использовал... А я-то нет! Короче, скинул я ее в воду. Это все недоразумение, Санек! Я не хотел ее убивать.

— Да, ты просто хотел ее трахнуть...

Воцарилась тишина. Сашины слова эхом отзывались у меня в голове. Какой ужас. На что способны мужики, ведомые похотью. Вот так и поверишь в бесов, которые подселяются в людей и заставляют их делать страшные вещи, погружая в море соблазнов и отдавая в плен животным инстинктам.

— Я понял по твоему тону, что ты не на моей стороне, — заговорил Тимур. — Но мне все равно. Я на днях уезжаю.

— Никуда ты не поедешь! — запищала Элка. Сидела бы молчала, пока ее не прирезали! — Тебе Америку в тюрюге устроят. Только там она называется Пендосия, понял?

Тим отбросил нож и приложил Эллу лбом о столешницу. Да так сильно, что она потеряла сознание, а все бокалы перевернулись, и содержимое растеклось по светлой поверхности.

— Не трогай ее... — посоветовал Александр грозно.

— Она видела меня, когда я вернулся, гуляла ночью во дворе. Ждала, видать, когда Наташа вернется, чтобы посмеяться ей в лицо. А вместо нее нарисовался я. «Развлекаешься?» — своим этим мерзким издевательским тоном спрашивает. Я испугался, что она знает, что тоже гуляла у пруда и подглядывала. Но она ничего не говорила, когда Наташу искали. Я решил: забыла. Или не сопоставила. А тут они с Тони расследование начали. Уже когда тело нашли. Поэтому, когда она приехала в этот раз, я ей записку подбросил. Чтобы свалила. Я не хочу в тюрючку, бро, — заплакал Тим. — Позволь мне уехать. Мне жалко Наташку, правда... Если бы я знал, что тот козел ее насиловал, я бы сам за

нее заступился. Но я-то думал, что с согласия...

— А тебе она согласие давала?!

— А может, дала бы! Если бы не отключилась! Ну она же не пила никогда, вспомни! А сколько баб сперва нос вертят, а потом видят, что никто получше не предлагает, и после первого бокала сами лезут. Но ты-то не знаешь этого, я при тебе как дополнение, как о нас говорят: тот красавчик и его друг. На фоне кого-то другого я бы и лучше выглядел, и девки мне бы сами давали, к тому же из богатой семьи. Но тут ты... Вечно ты. Который еще богаче. И рожа еще смазливее, — последние слова он договаривал с ненавистью.

— То есть это я виноват, что ты Наташу убил?

Тимур еще раз всхлипнул, поняв, что логика снова дала сбой, и потянулся к ножу.

— Эй! — Саша выставил вперед руку, боясь все же приблизиться, ведь кто его знает, что он сделает с Эллой, а я повторно вскрикнула.

— Не бойсь, я ей ничего не сделаю, — словно прочитал он мои мысли. — А вот себе — да. — И он приставил лезвие уже к своей шее. — Я не пойду в тюрьму, так и знай. Права твоя дура-сестра, — обратился он уже ко мне, — что со мной там делать будут. Я лучше умру. Бро, решай. Или ты отпускаешь меня, или я себя зарезу у тебя на глазах. И если ты вину свою за смерть Наташки уже не чувствуешь, то это будет на тебе до конца жизни, здесь ты уже не освободишься и на других не переложешь. Ну так как?

Оказывается, Тимур — тот еще манипулятор.

— Иди, хрен с тобой, — с презрением бросил ему Сашка.

Повторять не пришлось, уже через десять секунд Тимура не было в квартире.

Мы привели Эллу в чувство.

— Зачем ты его отпустил?! — налетела она на Бельского.

— Чтобы он никого не прирезал.

— Хотел бы убить, убил бы уже! Но он не смог! Тебе надо было его задержать.

— Он себя резать хотел!

— И что? — Саша смотрел на нее с удивлением. Я же молчала, переваривая случившееся. — Да не хватило бы у него духу! Он тебя на понт взял!

— Он все равно уедет через пару дней...

— Ты серьезно это?! — Элла наконец посмотрела на меня. — Сонька, ну! Не будь хоть сейчас малахольной! Убеди его! Скажи, что не станешь с ним встречаться, если он убийцу отпустит. Не станешь же?

Мы с Сашей долго смотрели друг другу в глаза. Я должна была принять чью-то сторону. Выбор дался мне нелегко. Я выбрала сестру.

— Она права.

Саша изменился в лице.

— Ты мне условия, что ли, ставишь? Это мой друг, я знаю его почти с детства!

— Видимо, плохо знаешь. — Он молчал. Я решила зайти с другого бока: — Саша, пойми, одна уже ушла от правосудия. Другой повесился, хоть и без ее помощи, но был, как оказалось, виноват лишь наполовину. Ведь если бы не его чудесный чай, Наташа смогла бы защититься, и Тимур не успел бы с ней ничего сделать. Но все получилось так, как получилось. И самый виноватый человек — именно твой друг, который вскоре начнет расчудесную жизнь в далекой процветающей Америке. И он будет знать, что может отыметь любую девушку, которую захочет, и ему ничего за это не будет. Он ведь даже не раскаялся. Он все эти дни на подготовке к концерту ходил и улыбался. Ему все равно!

— Ага, ты хочешь урок ему преподать? Он загнется в тюрьме, понимаешь? И этот труп, как он верно заметил, уже будет на моей совести до конца моих дней. Если хотите, заявляйте сами. Не факт, что вы что-то докажете, но флаг вам в руки. А я не хочу. Если тебе такой парень не нужен, что ж... — И он пожал плечами.

Мы молча встали и ушли.

— Он прав, — вдруг заявила Элла в электричке на обратном пути в наш город.

— В чем?

— Ничего доказать нельзя. Тело пробыло в воде довольно долго. А под землей — и того дольше. Они бы сразу установили факт контакта с двумя мужчинами, если бы могли.

— А если они не хотели? Купились на легенду о проклятом пруде, где все тонут. В крови обнаружили алкоголь.

— Тогда заявим сами, как он и сказал. Это нам надо, а не ему. Он друга подставляет этим.

— Друга-убийцу.

— Для многих дружба — не пустой звук. Это ты монах-отшельник, ни с кем никогда толком не дружила.

— А тебе-то что до этого всего? — не выдержала я. — Ты-то как раз дружила с Тимом. А с Наташей — не очень, только издевалась. Зачем тебе, чтобы посадили ее убийцу?

Она как-то странно на меня посмотрела, будто с обидой, затем тихо ответила, и я с трудом ее услышала из-за шумного движения электрички:

— Именно потому, что издевалась.

Я мучилась два дня. Затем позвонила-таки дяде Мише и рассказала обо всем. Он похвалил меня, что я докопалась до истины. Это было неожиданно, учитывая, что в прошлый раз он нас отругал.

— Если он вам признался, есть шанс, что расколется и у следователя. Старуха знала, что на нее ничего толком нет, и она — кремень. А парень слаб. Следов не могло остаться через три месяца. Но достаточно попугать эксгумацией.

Дядя Миша отзвонился всего через полчаса.

— Улетел? — с печалью спросила я. Надо было раньше звонить. Ведь так быстро новости могли быть, только если пробили базу вылетов.

— Нет, взяли. Еще в четыре утра прямо в аэропорту. Донес кто-то другой.

Я посмотрела на Эллу. Звонок был на громкой связи, и она показала скрещенными руками, что это не она. Неужели?..

— И что теперь?

— Будут разбираться. Если докажут, сядет. А если нет, отправится учиться, но уже позже. Такие дела быстро не делаются.

— Ясно. Спасибо.

Я отключилась и написала Саше. «Это ты?»

«Я», — ответил он.

Надо же. В сложной дилемме между Эллой и Сашей я выбрала сестру, а он предпочел своему лучшему другу все-таки меня.

«Буду в вашем городе вечером, — пришло новое сообщение. — Увидимся?»

— Конечно, — шепотом подсказала мне нужный ответ Элла, прочитав переписку через мое плечо, и впервые в жизни улыбнулась мне искренне и с любовью.

Я повторила ее мимику точь-в-точь (мне даже зеркало не нужно, чтобы это утверждать, ведь мое зеркало всегда передо мной) и написала: «Конечно. Люблю тебя».

Ответа мы ждали обе с замиранием сердца. Элла даже губу покусывала от нетерпения, будто отвечали ей, а не мне. Видимо, она наконец-то научилась чувствовать меня — так же, как и я ее.

«Я тебя тоже люблю».

— Ах! — сказали мы обе, замирая на секунду от восторга. А я еще поцеловала и телефон, и сестру.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net